

Н. А. Варенцов

Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое

РОССИЯ В
МЕНУАРАХ

Россия в мемуарах

Николай Варенцов

**Слышанное. Виденное.
Передуманное. Пережитое**

«НЛО»

2023

Варенцов Н. А.

Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое /
Н. А. Варенцов — «НЛО», 2023 — (Россия в мемуарах)

ISBN 978-5-44-482345-1

Воспоминания видного московского предпринимателя и общественного деятеля Н.А. Варенцова (1862–1947) охватывают период с середины XIX в. по 1905 г. В них описана история становления и развития крупнейших московских фирм, банков, торговых домов, даны яркие характеристики их владельцев; книга содержит бытовые зарисовки купеческой жизни Москвы и изложение драматических и анекдотических событий из жизни известных московских предпринимателей (Алексеевых, Бахрушиных, Коноваловых, Морозовых, Рябушинских, Хлудовых и др.).

ISBN 978-5-44-482345-1

© Варенцов Н. А., 2023

© НЛО, 2023

Содержание

Московский промышленник Н.А. Варенцов и его мемуары	6
Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое	17
Часть I	17
ГЛАВА 1	17
ГЛАВА 2	21
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	27
ГЛАВА 5	32
ГЛАВА 6	34
ГЛАВА 7	37
ГЛАВА 8	44
ГЛАВА 9	48
ГЛАВА 10	50
ГЛАВА 11	53
ГЛАВА 12	56
ГЛАВА 13	59
ГЛАВА 14	63
ГЛАВА 15	70
ГЛАВА 16	74
Часть II	82
ГЛАВА 17	82
ГЛАВА 18	84
ГЛАВА 19	89
ГЛАВА 20	91
ГЛАВА 21	94
ГЛАВА 22	99
ГЛАВА 23	103
ГЛАВА 24	106
ГЛАВА 25	109
ГЛАВА 26	112
ГЛАВА 27	115
ГЛАВА 28	118
ГЛАВА 29	122
ГЛАВА 30	128
ГЛАВА 31	134
ГЛАВА 32238	142
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Н. А. Варенцов

Слышанное. Виденное.

Передуманное. Пережитое

Новое литературное обозрение

Москва

2023

УДК 94(470+571)«185/1905»

ББК 63.3(2)52

В18

Серия выходит под редакцией А. И. Рейтблата

Вступительная статья, составление, подготовка текста и комментарии В. А. Любартовича и Е. М. Юхименко

Н. А. Варенцов

Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое / Н. А. Варенцов. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – Изд. 3-е. – (Серия «Россия в мемуарах»).

Воспоминания видного московского предпринимателя и общественного деятеля Николая Александровича Варенцова (1862–1947) охватывают период с середины XIX века по 1905 год. В них описана история становления и развития крупнейших московских фирм, банков, торговых домов, даны яркие характеристики их владельцев; книга содержит бытовые зарисовки купеческой жизни Москвы, а также изложение драматических и анекдотических событий из жизни известных московских предпринимателей (Алексеевых, Бахрушиных, Коноваловых, Морозовых, Рябушинских, Хлудовых и др.).

ISBN 978-5-4448-2345-1

© В.А. Любартович, Е.М. Юхименко. Вступ. статья, комментарии, указатели. 2011, 2023

© Ю. Васильков, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 1999, 2011; 2023

Московский промышленник Н.А. Варенцов и его мемуары

От оживленной и шумной, известной своими домами-дворцами и их именитыми владельцами Старой Басманной улицы в Москве, недалеко от Разгуляя, отходит в сторону Немецкой слободы патриархально-тихий Токмаков переулок, который, чуть изгибаясь, открывает взору стройную вертикаль колокольни казаковской церкви Вознесения на Гороховом поле. В XIX в. в этом районе селились купцы средней руки: Струковы, Юдины, Ступины, Каширины. Среди типичной одно-двухэтажной жилой застройки выделялся лишь один ампирный особняк начала XIX в. (к счастью, сохранившийся до наших дней) на углу Токмакова и Денисовского переулков. Сквозь нежную зелень теперь уже двухсотлетних лиственниц просматривается одноэтажное каменное здание с крестообразным мезонином и главным фасадом, украшенным стройным четырехколонным портиком. Предание называет среди владельцев этой усадьбы и писателя Д.И. Фонвизина, и декабриста М.А. Фонвизина, однако документально установлено, что участок с домом (после пожара 1812 г. частично восстановленным и достроенным) и многочисленными хозяйственными постройками последовательно принадлежал поэту Н.Е. Струйскому, дворянам Белавиным и купцам Четвериковым. Последним владельцем усадьбы был потомственный почетный гражданин, купец и промышленник Николай Александрович Варенцов (1862—1947).

В начале XX в. он был широко известен в деловых кругах Москвы и России как владелец нажитого собственным трудом 11-миллионного состояния, директор двух солидных фирм, торгующих хлопком, шерстью и каракулем по всей стране; как председатель правления крупной текстильной мануфактуры и общественный деятель. После 1917 г. его имя было забыто. Революция, разрушив сложившийся порядок вещей, особенно жестоко обошлась с дворянством и купечеством. Сейчас сложилась парадоксальная ситуация: мы гораздо лучше осведомлены об эмигрантах, чем о тех, кто не смог или не захотел уехать. Их следы теряются уже в первые послереволюционные годы, чему способствовали гражданская война, голод, болезни, аресты, ссылки и казни.

Тяжелые, трагические обстоятельства жизни в Советской России не сломили Варенцова. Живя в полной безвестности и нищете, он в 1930-е гг. нашел в себе душевные силы и даже мужество (если учесть разительное несоответствие сути его прежней жизни новым, революционным идеалам) записать свои воспоминания. До 1980 г. восемь общих тетрадей хранились в семье, а затем большая их часть была передана в Отдел письменных источников Государственного Исторического музея (ОПИ ГИМ. Ф. 458). Воспоминания Варенцова, входящие в число весьма немногочисленных купеческих мемуаров, представляют несомненный историко-общественный интерес благодаря широте охвата событий, достоверности информации и полноте характеристик, их отличают очевидные литературные достоинства.

Николай Александрович Варенцов происходил из старинной переславль-залесской семьи, ведущей свое начало по крайней мере с XVII в. По исповедным росписям, опубликованным в 1891 г. Н.А. Найденовым на средства Н.А. Варенцова¹, основателем обширной купеческой династии был посадский человек г. Переславля-Залесского Галицкой четверти (с 1778 г. — Владимирской губернии) Василий, имевший трех сыновей: Алексея (род. 1682), Ивана (род. 1684) и Михаила. У единственного сына среднего брата, Михаила Ивановича, было шесть человек детей, однако почти все они умерли в детстве, и продолжил род только старший сын Никита. Его сыновья — Петр, Анисим и Марк — числились уже купцами. Марк Никитич (1770

---

¹ См.: Переславль-Залесский: Материалы для истории Данилова монастыря и населения города XVIII столетия. М., 1891.

—1845) – прадед мемуариста – торговал москательным товаром и в конце XVIII в. перебрался в Москву, навсегда здесь обосновавшись.

На портрете, написанном неизвестным художником в 1827 г. и хранящемся в Музее В.А. Тропинина в Москве, купец 1-й гильдии, потомственный почетный гражданин Марк Варенцов изображен с золотой медалью «За полезное» на аннинской ленте, дававшейся за труды на ниве благотворительности и общественной деятельности. С другого портрета смотрит на нас его жена – Марфа Сергеевна (1771—1836). Торговое дело отца наследовали сыновья Михаил Маркович (1795—1853) и Николай Маркович (1800—1878)².

Н.М. Варенцов, дед автора воспоминаний, торговал чаем и мануфактурой. Он пользовался репутацией очень честного человека. В 1833 г. он был гласным городского суда, в 1842—1846 гг. – членом комиссии строений, в 1850-х гг. – членом Московской городской шести-гласной думы. Однако коммерсантом Николай Маркович был не очень удачливым; на какой-то операции с доставкой большой партии чая из Китая он потерял почти все состояние, унаследованное от отца, и доживал в среднем достатке в своем доме на Земляном валу, перейдя в 3-ю гильдию.

После 1860 г. Николай Маркович прекратил торговую деятельность, передав дело сыну Александру Николаевичу (1824—1863), однако и тому не удалось поправить состояние, его дети получили весьма скромное наследство. А.Н. Варенцов женился в 1852 г. на купеческой дочери Александре Федоровне Рябиновой (1837—1908). В их семье придерживались строгих моральных правил, которые родители стремились привить и детям. Перед смертью, обращаясь к четырем дочерям и сыну, Александр Николаевич завещал им «быть всю жизнь честными людьми». По семейным рассказам, этот милый, замкнутый и мягкий человек был хорошо образован, знал иностранные языки. Французские книги его библиотеки с пожелтевшими пометками на полях приходилось держать в руках даже внукам Александра Николаевича.

Оставшаяся молодой вдовой Александра Федоровна решила посвятить свою жизнь воспитанию детей. Семья переехала с Земляного вала в Замоскворечье, в Кадашевский переулок; здесь и вырос Николай Александрович. В 1870 г. он поступил в Московское коммерческое училище на Остоженке, куда определяли своих детей многие купеческие семьи. Однако здесь младший Варенцов учился без особого интереса и полного курса не кончил. Задетый насмешками приятелей, он дал себе слово поступить в престижное Императорское Техническое училище, куда успешно сдал экзамены в 1878 г. Еще во время учебы он влюбился в Марию Николаевну Найденову, дочь крупного общественного деятеля, основателя Московского Торгового банка, председателя Биржевого комитета и почетного члена совета Технического училища Николая Александровича Найденова. Вскоре по окончании Н. А. Варенцовым училища (в 1885 г.) они поженились.

Как позже напишет об отце Андрей Николаевич Варенцов, оставивший краткие воспоминания о своей семье под названием «О пережитом»³, Николай Александрович был «человек незаурядный, очень деятельный и работающий. Он сам выбился в большие люди».

Область для своей коммерческой деятельности Н.А. Варенцов выбрал, по-видимому, по подсказке тестя. Бурное развитие текстильной промышленности в России делало все более острой проблему обеспечения предприятий сырьем, предпочтительно отечественным, что было связано с хозяйственно-экономическим освоением Средней Азии. Целый ряд фирм занимался подобной посреднической деятельностью.

---

² В 1820-е гг., по-видимому, одновременно с родительскими, были выполнены парные портреты Михаила и Николая Марковичей с женами. Портреты старшей ветви варенцовской семьи находятся ныне в Музее истории г. Москвы, а портреты Николая Марковича и его жены Елизаветы Максимовны до сих пор бережно сохраняются в семье наследников мемуариста.

³ Искренне благодарим вдову А.Н. Варенцова Лидию Петровну Варенцову, предоставившую возможность ознакомиться с хранящимся у нее текстом воспоминаний.

В 1873 г. по инициативе Н.А. Найденова для покупки и доставки хлопка из Средней Азии на фабрики Московского промышленного региона было учреждено Московское Торгово-промышленное товарищество (МТПТ). В Оренбурге действовал торговый дом «Н.П. Кудрин и К^о», позже он был расширен: указом Сената от 5 августа 1882 г. для осуществления двухсторонней торговли в Средней Азии и развития сырьевой базы отечественного хлопководства учреждалось «Среднеазиатское торгово-промышленное товарищество Н.П. Кудрин и К^о» (САТПТ), основными его пайщиками были крупнейшие предприниматели – Т.С. Морозов, Н.Н. Коншин, А.Л. Лосев, М.А. Хлудов, П.П. Малютин. Товарищество начало свою работу в 1885 г., правление составили директор-распорядитель Н.П. Кудрин и директора А.Л. Лосев, Н.П. Рогожин и А.А. Найденов. В апреле 1886 г. кандидатом в члены правления был избран Н.А. Варенцов, что стало началом его деловой карьеры. Здесь он приобрел практические знания, связи с торгово-промышленным миром и большой опыт в ведении дел и общении с людьми; чрезвычайно много дала ему совместная работа с Кудриным, человеком самобытным и целеустремленным.

Вскоре Варенцов был избран на пост директора САТПТ. Однако внезапная смерть Кудрина в 1888 г. крайне тяжело сказалась на делах Товарищества. Сложное финансовое положение, необходимость внесения изменений в устав САТПТ, частая сменяемость директоров привели к тому, что конкуренты сильно потеснили Товарищество, работа в нем перестала удовлетворять и Варенцова, поэтому он с радостью согласился на предложение Н.А. Найденова перейти на работу в возглавляемое им МТПТ.

В мае 1889 г. Варенцов был избран директором МТПТ по комиссионной торговле хлопком, шерстью и каракулем. В том же 1889 г. на Нижегородской ярмарке он сумел вести на равных конкурентную борьбу с авторитетными московскими оптовиками хлопка С.Ю. Ерзиным и О.М. Вогау и комиссионером-монополистом по шерсти – торговым домом «Шагазиев, Зыбин и Шимко». У Варенцова сложились тесные партнерские отношения со среднеазиатскими баями и купцами, искавшими надежных посредников для поставок хлопка по новому пути (железной дороге Чарджоу – Красноводск и далее пароходами по Каспию и Волге). Ему, как солидному поставщику сырья, оказал доверие сам владелец Никольской мануфактуры Т.С. Морозов, до того времени не имевший дел с МТПТ. Успеху коммерческой деятельности Варенцова способствовали его длительные деловые поездки по Средней Азии, личное знакомство с эмиром Бухары, туркестанским генерал-губернатором, высшими чиновниками администрации и местным купечеством.

В конце 1880-х гг. МТПТ взяло под свой контроль ряд промышленных предприятий, которым грозило полное разорение. На грани банкротства было и учрежденное в 1882 г. Товарищество мануфактур Н. Разоренова и М. Кормилицына в Кинешме. Новый директорат, состоящий из предпринимателей «найденковского клана» (И.Г. Простяков, И.И. Казаков и др.), в который с 1889 г. входил и Н.А. Варенцов, в короткий срок выправил положение дел на фабриках кинешемского предприятия, и в первый же год нового правления фирма получила доход в 100 тысяч рублей.

В 1905 г. Варенцов оставил работу в МТПТ и стал председателем правления Товарищества мануфактур Н. Разоренова и М. Кормилицына. (В 1907 г. оно было преобразовано в Товарищество Большой Кинешемской мануфактуры с основным капиталом в 2 млн 400 тысяч рублей.) На этом посту он оставался вплоть до 1918 г. Во время его правления Большая Кинешемская мануфактура превратилась в процветающее предприятие, на котором работало до 4 тысяч человек. В сферу его предпринимательских интересов к 1913 г. попадает и промышленность строительных материалов: он становится, вместе с дочерью Ниной Николаевной Лист (урожд. Варенцовой) и своим шурином А.Н. Найденовым соучредителем Товарищества по обработке камня «Н.Н. Лист и К^о», торгующего под фирмой «Георгий Лист».

Предпринимательской деятельности автора мемуаров был свойствен широкий размах. Он искал не только собственную выгоду, умел видеть проблемы развития отечественной промышленности в целом. Во многом благодаря его усилиям на российских текстильных предприятиях стали широко использовать хлопок из Туркестанского края взамен привозного – американского, египетского и индийского. Варенцов принимал участие в ряде общественных начинаний: был гласным Московской городской думы, попечителем частной женской гимназии в Москве, активным членом Дамского попечительства о тюрьмах, в состав которого входили видные представители городской администрации, духовенства и купечества. Н.А. Варенцов имел и награды: орден Св. Станислава 3-й степени и золотую Бухарскую звезду 1-й степени.

В деловых кругах Варенцов имел репутацию честного, справедливого и отзывчивого человека. Интересный случай, относящийся к голодным 20-м годам, описывает в своих воспоминаниях сын Николая Александровича, Андрей: приближалась Пасха, а «дома ничего не было, и достать было трудно. И вдруг вечером в Страстную пятницу приходит к отцу пожилой человек, представляется и говорит: «Николай Александрович, когда-то Вы меня выручили деньгами и я Вам их не отдал. А вот теперь я получил большую посылку от АРА (кажется, так называлось общество, доставлявшее сюда продовольственные посылки). Думаю, что Вы нуждаетесь, и вот решил хотя бы часть долга отдать Вам продуктами». Там, помню, оказались мука, сахар, масло и еще что-то много».

С начала своей деловой карьеры Варенцов становится московским домовладельцем, а затем и помещиком. Ему принадлежали комплекс доходных домов под № 4 на Старой Басманной улице (снесены в 1930-х гг.) и имение Бутово под Москвой. В 1889 г. он приобрел усадьбу в Токмаковом переулке (ныне здесь располагается Общество купцов и предпринимателей России). Однако спокойствие в этом доме длилось недолго, в середине 1890-х гг. начинается полоса тяжелых душевных переживаний. Около 1896 г. он расходится с М.Н. Найденовой, матерью его пятерых детей. Старший сын Сергей и дочери Нина и Мария уехали с матерью, а Марк и Лев остались с отцом. Позже Мария Николаевна вышла замуж за присяжного поверенного В.А. Александрова, а Н.А. Варенцов женился на Ольге Флорентьевне Перловой, происходившей из семьи известных московских чаепромышленников.

Судьба самого Николая Александровича и его детей от двух браков повторила жизненные пути многих, кому пришлось жить в смутные годы первой трети XX в. Старший сын Сергей, будучи учеником Александровского коммерческого училища, оказался участником революционных событий 1905 г. в Москве. Сергея Николаевича отец считал своим преемником и сделал его членом директората Большой Кинешемской мануфактуры. Но надеждам Николая Александровича не суждено было сбыться: С.Н. Варенцов погиб на фронте в первую мировую войну. Пропорщиками на этой войне воевали и два других сына – Марк и Лев.

Как и большинство представителей крупной буржуазии, Варенцов был членом партии октябристов, А.И. Гучков настойчиво предлагал ему войти в ЦК.

«Страх и трепет, угнетение души и сердца» – так, перефразируя слова из Библии, характеризовал Николай Александрович свое состояние первых послереволюционных лет. В Москве он жил под постоянной угрозой ареста. Вдруг оказалось, что его любимый дом в Токмаковом переулке имеет одно важное преимущество: выходя на две улицы, он позволял в случае опасности скрыться незамеченным. Варенцова не покидала тревога за сыновей. Марк в начале Октябрьской революции и боев в Москве вместе с юнкерами оборонял Кремль. Как известно, юнкера сдались Красной гвардии при условии, что их всех (без погон) выпустят из Кремля. «Я помню, – писал позднее Андрей Варенцов, – как Марк прибежал домой и отдал мне на память пропуск на выход из Кремля, подписанный каким-то полковником. К сожалению, я этот пропуск закопал на чердаке нашего дома». Позже Марк и Лев участвовали в белом движении: Марк сражался в Деникинской армии, а Лев – у Колчака (отступая с его частями, попал в Китай и умер в эмиграции после 1930 г.).

В 1918 г. Николай Александрович решил покинуть Москву и пробраться на юг. Вместе с семьей своего племянника М.А. Сачкова, а также с Николаем Петровичем Бахрушиным и его сыном Николаем ему удалось перебраться на Украину в Киев, оттуда в Одессу – в надежде выехать оттуда за границу. Несколько лет они прожили в Одессе. В 1920 г. Варенцов совершенно случайно обнаружил в госпитале больного сыпным тифом и оставленного без присмотра сына Марка и выходил его. Тогда же, в 1920 г., приехала в Одессу, преодолев все трудности пути, и Ольга Флорентьевна с младшими детьми. Однако выехать за границу семье не удалось. Позднее Н.А. Варенцов вспоминал, как проводилась погрузка на иностранные пароходы, какая была в порту паника, как туда приезжали на великолепных экипажах, все бросали и со слезами просили взять с собой на пароход, но это почти никому не удавалось, поскольку грузили в основном белогвардейские части (все это описал И.А. Бунин в «Окаянных днях»). В 1922 г. Варенцов и его родные вернулись в Москву.

Дом в Токмаковом переулке подвергся уплотнению: с 1918 г. здесь были размещены многочисленные организации и жильцы, Николаю Александровичу и Ольге Флорентьевне пришлось перебраться в маленький домик по соседству (Денисовский пер., № 6), а затем в квартиру своей невестки, жены младшего сына Константина в доме № 25 по Старой Басманной улице. Н.А. Варенцов еще сохранял надежду как-то наладить жизнь: пытался, следуя провозглашенной советской властью «новой экономической политике», заняться предпринимательством, организовал товарищество по торговле тканями с Туркестанским краем, но в 1924 г. деятельность его предприятия была прекращена. Он пытался быть полезным своими знаниями и опытом, предлагая услуги в качестве консультанта ВСНХ по хлопковому делу. Об этом времени вспоминал А.Н. Варенцов: «Вообще-то семья наша в 20—30-е годы бедствовала и еле держалась на поверхности: время-то – частые обыски, аресты, карточки и полная обобранность. <.....> Но я никогда не слышал от отца жалоб и упреков. Все он принимал как кару за прошлую богатую жизнь».

Репрессии, видимо, за преклонностью его лет, обошли стороной самого Николая Александровича, но не его семью. В 1927 г. был арестован и расстрелян по ложному обвинению ГПУ сын Иван. Зять – Владимир Львович Барановский (за ним была замужем дочь Нина, в первом браке Лист), брат жены А.Ф. Керенского Ольги Львовны, бывший полковник царской армии и генерал-майор, начальник кабинета военного министра Временного правительства, был репрессирован в начале 1930-х гг. В 1933 г. заболела тифом и умерла в Сокольнической больнице тяжело переживавшая гибель сына Ольга Флорентьевна, причем, как вспоминал А.Н. Варенцов, смерть избавила ее от ареста, вместо нее был арестован Николай Александрович, но вскоре выпущен, поскольку сумел доказать, что у него ничего уже не осталось⁴.

Марк, до революции окончивший юридический факультет Московского университета, по возвращении из Одессы работал юрисконсультom, а свободное время проводил за шахматами (он имел первый разряд; в свое время был известным футболистом, в 1911 г. выступал за сборную Москвы). Как выходцы из буржуазных семей, младшие братья Андрей и Константин постоянно испытывали на себе последствия своего социального происхождения: блестяще учившийся Константин не смог получить диплом промышленно-экономического техникума, созданного на базе Александровского коммерческого училища, ему пришлось поступить в заочный строительный техникум; позже братья работали в малозаметных технических конто-

---

⁴ А.Н. Варенцов вспоминает, как были отображены у Ольги Флорентьевны драгоценности в 1918 г.: «Мама получила повестку явиться в сейф, в котором хранила свои ювелирные вещи. Такие повестки получали все, у кого драгоценности хранились в сейфах. Там якобы должны были все переписать и дать охранную записку, а ключи отобрать. Мама почему-то взяла меня с собой. Помню элегантного молодого человека в черном костюме, при котором мама открывала сейф (стальной ящик с очень толстой крышкой). Он все переписывал. Когда он немного отвернулся, мама хотела спрятать какую-то драгоценность. Он сразу заметил: «Оставьте, гражданка, это все останется вашим». Квитанция-расписка была выдана. Больше своих драгоценностей мама не видела, а расписка где-то затерялась».

рах. В 1941 г. они были призваны в действующую армию, Константин погиб в ополчении под Москвой.

А.Н. Варенцов записал в своих воспоминаниях: «В зимы войны я, служа в гражданской обороне Москвы и работая преподавателем на офицерских курсах, иногда отпрашивался к отцу наколоть ему дров для маленькой печурки, установленной в его комнате. Дома тогда не топили, и электричества не было. Папа сидел, с головой накрывшись пальто, при маленькой копилочке. Но он был молодец и, несмотря на возраст и голод, сам днем ходил и покупал, что мог достать. <...> Папа пережил войну в своей комнате. Во время бомбежек ни в какие убежища не ходил, а подходил к окну и смотрел, как рвались зенитные снаряды, летели трассирующие пули, и слушал специфический гул немецких бомбардировщиков».

По свидетельству членов семьи одного из друзей Н.А. Варенцова – профессора Н.Е. Пестова, живших неподалеку и поддерживавших одинокого старика, Николай Александрович в годы войны сильно бедствовал и болел. Он умер в возрасте 84 лет 22 января 1947 года. Один из его знакомых, писатель А.А. Солодовников, так сказал о Н.А. Варенцове: «После 1917 года он лишился всего и стал нищим в полном смысле этого слова. Пройдя через такие духовные перегрузки, он не утратил ясности души, все воспринимал с благодарением и умер, повторяя “Слава Богу!”»⁵. Ныне простой православный крест осеняет его последнее пристанище на Немецком (Введенском) кладбище, у Большой боковой аллеи.

Работу над воспоминаниями «Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое»⁶ Н.А. Варенцов начал в 1930-е гг. Их основу составили отдельные дневниковые записи, деловые заметки, письма, документы, часть которых, по свидетельству автора, погибла в 1918 г. Первоначальный, черновой вариант, написанный на отдельных листах бумаги, был перебелен и переписан в восемь общих тетрадей, причем текст вновь подвергся небольшой авторской правке стилистического характера, внесенной по большей части карандашом, изредка чернилами⁷. В начале каждой тетради автором было сделано краткое рабочее оглавление. Одна из глав (67-я) имеет точную дату написания — 13 мая 1933 г. В тексте упоминаются также события 1932 г. (гл. 53) и 1936 г. (гл. 36). О том, что работа над мемуарами была закончена во второй половине 1930-х гг., свидетельствует и внучка Николая Александровича – И.А. Глинская, читавшая их в те годы. Имеются сведения, что отрывки из воспоминаний читались близким автору людям: Ф.Н. Малинину, Н.Е. Пестову, А.А. Солодовникову.

1930-е гг. явились для Николая Александровича временем осмысления и подведения итогов своей жизни. Не случайно, что еще одну такую же общую тетрадь в коричневой коленкоревой обложке он заполнил многочисленными выписками из сочинений духовных писателей и философских трудов, в частности из бесед Серафима Саровского, сочинений Игнатия (Брянчанинова), работ Н.А. Бердяева «Судьба человека в наше время» и П.А. Флоренского «Столп и утверждение истины»; возникает здесь и апокалиптическая тема.

Воспоминания Н.А. Варенцова относятся к купеческой мемуаристике, которая не была столь обширна, как, например, дворянская или революционная. Интенсивное промышленное развитие России в конце XIX – начале XX в. не нашло достаточного отражения в мемуарной литературе: главные участники этих событий – купцы, промышленники, банкиры – не вели дневников, а после 1917 г., оказавшись не у дел, очень немногие взялись писать мемуары. Опубликовано и многократно цитировались воспоминания Н.А. Найденова, П.А. Бурышкина,

---

⁵ Московский журнал. 1992. № 3. С. 41.

⁶ Ср.: *Найден Н.А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903—1905. Ч. 1—2.

⁷ Помимо семи тетрадей, переданных в 1980 г. в ГИМ, у родственников сохранилась первая тетрадь названных мемуаров и неоконченная тетрадь воспоминаний о первом послереволюционном времени под названием «Жуткие годы». Приносим сердечную благодарность Л. Н. и В. А. Варенцовым, разрешившим воспользоваться хранящимися у них материалами и включить их в публикацию мемуаров Н.А. Варенцова.

И.Д. Сытина, М.В. Сабашникова, С.И. Четверикова, П.И. Шукина и некоторые другие. Архивные разыскания (в государственных и частных собраниях) дают возможность постепенно расширять этот круг.

Данная область мемуаристики мало изучена, большая часть представляющих ее текстов стала известна сравнительно недавно. Купеческие воспоминания, написанные до революции, имеют характерную особенность: мемуаристы не предназначали свои произведения для широкой публики, видимо, находя свою жизнь и деятельность недостаточно общественно значимыми. Имея средства, авторы печатали свои воспоминания – но в очень ограниченном количестве экземпляров, не предназначая их для продажи⁸, и с указанием: «Для лиц, принадлежащих и близких к роду составителя»⁹.

Купеческое сословие не было однородным, из него выходили не только предприниматели, но и коллекционеры и меценаты. По этой причине часть мемуаров, возникших в купеческой среде, посвящена главным образом литературе и искусству. Таковы воспоминания П.И. Шукина, А.П. Бахрушина, И.Д. Сытина, М.В. Сабашникова. Деловой – промышленно-торговый и банковский – мир России описан не столь полно. Некоторые мемуаристы писали только о собственных предприятиях; другие, задумав обширное повествование, не успели довести его до конца.

К числу последних относятся воспоминания Н.А. Найденова, человека, занимавшего одно из ведущих мест в купеческой среде и обладавшего широким историческим кругозором. В его мемуарах судьба человека дается в контексте общеисторических событий. Рассказы автобиографического характера, подробно излагающие историю найденовского рода, детство и юность автора, начало его деловой карьеры, сочетаются здесь с описанием реформ городского и сословного управления, изложением истории ряда предприятий, психологическими портретами¹⁰. Воспоминания Найденова доведены только до 1870-х гг., о самом значительном периоде своей жизни автор рассказать не успел.

Как нам представляется, именно найденовские мемуары послужили образцом для Н.А. Варенцова. Это сказывается не только в переключке названий, но и в общем подходе к материалу, в стремлении дать широкую картину жизни купеческого сословия, выйти за узкие биографические рамки. Примечательно, что именно известием о смерти Найденова заканчиваются мемуары Варенцова.

«Москва купеческая» достаточно полно представлена в известной книге П.А. Бурышкина, однако этот труд соединяет в себе черты мемуаров и исторического исследования, поскольку автор в значительной степени опирался на собранные им документальные материалы и устные рассказы¹¹. Его первые собственные наблюдения над торгово-промышленным миром Москвы относятся к 1904 г., когда он начал выполнять секретарские обязанности при своем отце; активным же участником общественно-деловой жизни Бурышкин стал только в 1912 г. Будучи на 25 лет моложе Н.А. Варенцова, П.А. Бурышкин, конечно, не мог быть свидетелем событий, относящихся к последней трети XIX в., более того, он не имел и такого обширного круга личных знакомств, как автор публикуемых мемуаров. Поэтому воспоминания Варенцова превосходят по богатству, широте охвата событий и сообщаемой информации книгу Бурышкина.

Мемуары Н.А. Варенцова охватывают период с середины 1870-х гг. до 1905 г. (эта крайняя дата была выбрана автором вполне сознательно). Их ценность как исторического источ-

---

⁸ См.: [Вишняков Н.П.] Сведения о купеческом роде Вишняковых, собранные Н. Вишняковым. М., 1903—1911. Ч. 1—3. 100 экз.; Шукин П.И. Воспоминания. М., 1911/1912. Ч. 1—5. 50 экз.

⁹ Найденов Н.А. Воспоминания... М., 1903. Т. 1.

¹⁰ См.: Иванова Л.В. «Издатель и писатель по старой Москве»: Николай Александрович Найденов. 1834—1905 // Краеведы Москвы. М., 1995. [Вып. 2]. С. 77—78.

¹¹ См.: Бурышкин П.А. Москва купеческая. М., 1990.

ника не подлежит сомнению: они принадлежат человеку, благодаря своим обширным семейным и деловым связям хорошо знавшему описываемых персонажей и старавшемуся излагать события и факты максимально объективно.

Как предписано жанровыми канонами, Варенцов подробно излагает историю своего рода; в других источниках сведения об этой старинной купеческой семье отсутствуют. Автор мемуаров, безусловно, опирался на семейные предания, рассказы матери, других родственников. По возможности полно описывает основные генеалогические ветви семьи, отмечает все фамильные связи. Постоянное общение с родственниками, совместная предпринимательская деятельность, семейные обеды, не обходившиеся без рассказов и устных воспоминаний, дали Варенцову богатый фактический материал для мемуаров.

Кроме того, три десятилетия активного участия в российской торгово-промышленной жизни доставили Варенцову обширный круг знакомых: с одними он был связан дружескими отношениями, с другими – длительными деловыми; более того, «по долгу службы» ему приходилось наводить справки о состоянии дел своих клиентов. Ярко и колоритно обрисованы им известные представители купеческого мира Москвы и других городов России: Т.С. Морозов, А.А. и Н.П. Бахрушины, Н.А. Найденов, Н.А. Алексеев, целые семейные династии – Хлудовых, Востряковых, Боткиных, Рябушинских, Перловых, Коноваловых, и многие, многие другие. Автор описывает свои встречи с Д.И. Менделеевым, С.Ю. Витте, великим князем Николаем Константиновичем, Н.М. Барановым, И.Л. Горемыкиным, А.С. Сувориным, А.И. Коноваловым и другими известными людьми.

Художественная ткань мемуаров Варенцова включает целый ряд биографических очерков, в которых автор выстраивает не только жизненную канву своих героев, но дает им самостоятельные, тонкие характеристики. О некоторых персонажах варенцовских воспоминаний в настоящее время известно достаточно много по воспоминаниям их современников и потомков, а также по работам историков, тем не менее в публикуемом тексте читатель найдет описание любопытных бытовых деталей, внешности, подмеченных мемуаристом привычек и черт характера.

В мемуарах показаны пути становления и развития ряда мануфактур, торговых фирм и предприятий: от крупнейшей в России Кренгольмской мануфактуры до небольших хлопкоочистительных заводов в Средней Азии. При этом сообщаются такие сведения и подробности, большинство из которых невозможно найти в дореволюционных историко-статистических очерках и юбилейных изданиях¹².

О человеческих качествах мемуариста можно судить по тем оценкам, которые иногда сопровождают повествование, а также по авторским симпатиям и антипатиям. В основе всей деятельности Н.А. Варенцова лежала предпринимательская мораль, унаследованная им от предков и заключавшаяся в честных правилах ведения своего дела. Поэтому он нетерпимо относился ко всякого рода «грюндерским» проектам, разорявшим доверчивых и не слишком опытных вкладчиков, к безудержной наживе за счет спекулятивных махинаций и нечестной биржевой игры.

Типичный представитель своего сословия, человек думающий и наблюдательный, умудренный опытом прожитых после революции лет, Варенцов в своих воспоминаниях пытался осмыслить эпохальные события российской истории, свидетелем которых он был, и общественные настроения своего времени и класса. Мемуарист анализирует смену поколений в русском купечестве, когда прежних «крепких и сильных духом» купцов сменили их дети, более слабые

---

¹² См., напр.: *Иоксимович Ч.М.* Мануфактурная промышленность в прошлом и настоящем. М., 1915. Т.1; *Грязнов А.Ф.* Ярославская Большая мануфактура. М., 1910; *Торговое и промышленное дело Рябушинских.* М., 1913; *Материалы к истории Прохоровской Трехгорной мануфактуры и торгово-промышленной деятельности семьи Прохоровых.* М., 1915.

и суетные; осуждает политическую непримиримость и то, что теперь называется «двойным стандартом».

В воспоминаниях Варенцова нашли отражение его многочисленные поездки по России, Средней Азии, в Египет, европейские страны, Париж, Рим, Вену, Монте-Карло, Ниццу. Эти путевые очерки полны интересных сведений, наблюдений и описаний, касающихся истории, культуры, достопримечательностей и обычаев виденных стран.

Отдельные главы посвящены укладу жизни купечества, обычаям и семейным праздникам, паломничеству в Троице-Сергиеву лавру, тут многое перекликается с известными книгами И.С. Шмелева «Лето Господне» и «Богомолье». Хотя Варенцов не обладал таким блестящим литературным мастерством, как Шмелев, в его записках мы также найдем яркие бытовые зарисовки. В некоторых случаях автор выразительно показывает эволюцию русской жизни в XX столетии, разрыв духовных связей в обществе.

Н.А. Варенцов записывал воспоминания спустя несколько десятилетий после описываемых событий. Лишившись библиотеки, отобранной у него вместе с домом в Токмаковом переулке, он в стесненных бытовых условиях 30-х годов не имел под рукой справочных изданий, которые позволяли бы уточнить имена, названия, даты. И все же его редко подводила память: обращение к известным справочникам, в том числе «Вся Москва» и «Весь Петербург», подтверждает правильность подавляющего большинства называемых им имен и фамилий, даже у эпизодических персонажей. Это позволяет предполагать, что мемуарист опирался на первоначальные заметки дневникового или делового характера. На такой принцип работы указывает и авторское замечание в тексте 62-й главы. «Еще при самом начале моего путешествия по Египту, – пишет Варенцов, – я был очарован от всех получаемых впечатлений [от] этой дивной страны и уже тогда решил вести записи вроде дневника, чтобы в будущем можно было составить воспоминания о своем путешествии». Для этого он приобрел в Александрии фотокарточки, на обороте которых стал «писать в конспектном виде все переживаемое и их отсылать в закрытом виде в Москву детям, с предупреждением, чтобы они карточки сохранили до моего приезда». Дети так и поступили, фотографии были «мне вручены и все время лежали в укромном месте, ожидая приведения в исполнение моего желания, но в революционное время во время моего отсутствия из Москвы все бумаги были вытащены и уничтожены, то же случилось и с египетскими фотографиями, за исключением двух карточек, из которых увидел стоимость букетов роз, клубники и еще что-то, иначе можно ли запомнить такие мелочи!».

Воспоминания Варенцова обладают высокой степенью достоверности – в изложении событий, в характеристиках людей, в описаниях и деталях. Пожалуй, наиболее разительным примером правдивости записок может служить рассказ, раскрывающий историю создания известного полотна В.В. Пукирева «Неравный брак». Варенцов пишет о том, что в ее основу был положен рассказ Сергея Михайловича Варенцова, друга художника и двоюродного дяди мемуариста, он же и был первоначально изображен в виде шафера невесты. Эта версия расходится с общепринятой, основывающейся на сообщении В.А. Гиляровского, согласно которой материал для картины дала жизненная драма самого художника, а изображение шафера является его автопортретом. Недавние разыскания искусствоведа Л.В. Полозовой подтвердили варенцовское семейное предание: сравнение изображения шафера на эскизе к картине «Неравный брак» (ГТГ) с портретом С.М. Варенцова также кисти Пукирева не оставляет сомнений в том, что здесь изображено одно и то же лицо. В окончательном варианте картины (вследствие недовольства С.М. Варенцова) шаферу были приданы черты Пукирева¹³.

В воспоминаниях выведена яркая фигура М.А. Хлудова, храбреца и богатыря, участника Среднеазиатской экспедиции и турецкой войны. Многим современникам он запомнился сво-

---

¹³ Подробнее см.: *Варенцов Н.А.* Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое: Купеческий род со Старой Басманной // Наше наследие. 1997. № 43/44. С. 80—81, 83.

ими экстравагантными поступками и умением приручать диких животных, поэтому варенцовские рассказы находят подтверждение как в мемуарных источниках¹⁴, так и в изобразительных¹⁵. Жена М.А. Хлудова, Вера Александровна, оставшаяся молодой вдовой, была знаменита тем, что дала первый в Москве «электрический бал», о нем, но без упоминания имени хозяйки, также писал В.А. Гиляровский¹⁶.

Мемуары Варенцова представляют интерес для историков литературы: некоторые из описанных здесь лиц послужили прототипами литературных героев. Представители хлудовского семейства, известного в Москве своим богатством и причудами, были выведены Н.Н. Карзиным в романе «На далеких окраинах», А.Н. Островским в «Горячем сердце», Н.С. Лесковым в «Чертогоне». Преступление В.Ф. Мазурина, о котором со слов семейного врача Ю.П. Гудвилевича пишет Варенцов, нашло отражение в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». Крах Скопинского банка дал А.П. Чехову материал для серии репортажей «Дело Рыкова и комп.», публиковавшихся в 1884 г. в «Петербургской газете». В своей автобиографической прозе А.М. Ремизов вспоминает все найденовское семейство, его дом на берегу Яузы и сад, обращаясь тем самым к сюжетам и персонажам, о которых пишет и Варенцов.

Композиционно воспоминания, состоящие из 86 глав без заглавий, делятся на четыре части. Первую составили главы, посвященные началу коммерческой деятельности автора и его работе в САТПТ; вторая охватывает тот этап жизни Варенцова, который был связан с Найденовым, МТПТ и поездками в Среднюю Азию; в третью часть вошли рассказы о купцах, предприятиях и фирмах, которых хорошо знал Варенцов; и, наконец, в четвертой описана бытовая жизнь купечества и представлены размышления Варенцова над общественными катаклизмами начала XX в. Трудно сказать, была такая композиция продумана предварительно или сложилась в ходе работы. Хотя можно указать ряд перебивов в повествовании, все же мысль автора развивается логично, события его жизни и возникающие по ассоциации воспоминания наложены на четкую хронологическую канву.

Мемуары Варенцова написаны сочным, метким, живым языком; однако автор, не имевший большой литературной практики, в своей речи иногда допускал ошибки (неправильное употребление деепричастного оборота, несогласование, неверный порядок слов).

Охватывающие в своем повествовании весь девятнадцатый век и первую треть века двадцатого, воспоминания Варенцова насыщены событиями и персонажами. Но, кроме того, в них явственно ощущается личность самого мемуариста – человека талантливого, наблюдательного, думающего и независимого в своих суждениях; именно потому его книга не несет печати времени ее написания – 30-х годов XX в. Все это делает воспоминания Н.А. Варенцова ценным источником сведений о развитии предпринимательского дела в России второй половины XIX – начала XX столетий, быте и культуре Москвы того времени.

* * *

Настоящее издание осуществлено по беловому автографу: главы 16—86 – по рукописи, хранящейся в ОПИ ГИМ (Ф. 458. № 104960), главы 1—15 и «Жуткие годы» – по тетрадям, хранящимся в семейном архиве Варенцовых.

Текст печатается с учетом небольшой авторской правки, внесенной карандашом. Пунктуация и написание ряда слов приведены в соответствие с современными нормами, опiski и грамматические ошибки исправлены без оговорок. В квадратных скобках восстанавливаются

¹⁴ Гиляровский В. Москва и москвичи. С. 118—121; Константин Коровин вспоминает... М., 1990. С. 337.

¹⁵ См., напр., гравюру, изображающую М.А. Хлудова с мирно лежащим у его ног гепардом, помещенную в журнале «Всемирная иллюстрация» (1870. № 72. С. 354).

¹⁶ Гиляровский В. Москва и москвичи. С. 221—222.

необходимые по смыслу слова. Встречающиеся в тексте индивидуальные сокращения (например, слов «мануфактура», «товарищество», «банк» и т.п.) раскрыты без оговорок. Стилистические особенности авторского текста сохранены, лишь в некоторых случаях исправлены очевидные ошибки.

* * *

Публикаторы благодарят потомков Н.А. Варенцова – *Г.А. Андреева, Л.Н. Варенцову, Л.П. Варенцову, К.М. Варенцова, И.А. Глинскую, Е.Л. Юдину* – за интерес к нашей работе и помощь, за предоставление возможности ознакомления с хранящимися в их семейных архивах материалами. Искренняя признательность *Е.А. Агеевой, Л.В. Ивановой, С.В. Ильину, Л.Н. Краснопевцеву, Ю.А. Петрову, Л.В. Полозовой, С.К. Романюку, О.В. Рыковой и Н.А. Филаткиной* за консультации и советы, заведующему ОПИ ГИМ *А.Д. Яновскому* – за содействие в работе над рукописью воспоминаний.

При иллюстрировании книги использованы живописные, графические и фотографические материалы из собраний Государственного Исторического музея, Государственной Третьяковской галереи, Музея В.А. Тропинина в Москве, Центрального московского архива документов на специальных носителях (фонд Н.М. Щапова), а также из архивов: семьи *Варенцовых, Н.А. Добрыниной, В.Н. Живаго, А.П. Крюкова, В.А. Любартовича, Н.Е. Пестова, М.В. Пржевальского, Н.А. Филаткиной, А.Н. Фирсанова, М.С. Хлудовой.*

В.А. Любартович, Е.М. Юхименко

Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое

Часть I

Многое, виденное мною в жизни, я запомнил, но время, этот великий учитель, указал мне необходимость передать людям многое, чему я был свидетелем: оно будет дорисовывать тот век и образ мыслей людей тогдашнего времени.

Из записок М.С. Щепкина, 1859 г.

ГЛАВА 1

В апреле 1886 года мне сообщил Николай Александрович Найденов, мой тесть, что я выбран на общем собрании учредителей кандидатом в члены правления во вновь образовавшееся Товарищество¹⁷ «Н. Кудрин и К^о» и что мне нужно пойти туда такого-то числа в 9 часов утра.

В указанный день проснулся рано, ночь спал плохо: меня волновали разные мысли о полезности моей в этом деле. Задавал вопрос: в чем могу проявить свою деятельность? Я совершенно не был подготовлен к практической жизни: бухгалтерия для меня была темная наука, с ее терминами «актив», «пассив», «кредиторы», «дебиторы», «сальдо», «переходящие суммы» и другие наименования – были для меня пугалом; формами письменных изложений тоже не отличался, да и терпеть не мог такую работу; взять на себя внутренний распорядок конторы не мог из-за полного незнакомства с делом; обладал полным незнанием тех товаров, с которыми придется иметь дело.

Взволнованный вышел из дома в 8 часов утра и приехал к Троицкому подворью¹⁸ на Ильинку за три четверти часа до назначенного времени. Отворивший дверь артельщик указал мне комнату, где за письменным столом сидел и работал Николай Павлович Кудрин. Он быстро писал; на одной стороне стола лежала пачка написанных им писем, а на другой – стакан чая. Я ему отрекомендовался: он встал, поздоровался и предложил сесть напротив.

Кудрину на вид было лет под пятьдесят, был довольно высокого роста, плечистый, крепко сложенный, с небольшим брюшком, с отличными густыми темными волосами, с раскосыми глазами и с большими скулами, имел усы и жидкую бородку и видом очень походил на калмыка.

После некоторых любезностей он вместо того, чтобы сразу выяснить мое положение и род занятий, начал характеризовать свое дело, с перечислением всех товаров, контор, и, увлекшись, перешел на объяснение тех успехов, которые можно ожидать от дела в будущем.

Наконец я ему задал вопрос: «Укажите мои обязанности». Он ответил: «Сидите и читайте газеты!» Я почувствовал, как лицо мое все вспыхнуло: его слова я принял для себя за обиду. Кудрин сразу понял мое настроение и добавил: «Наше дело очень связано с курсом рубля, а

---

¹⁷ Товарищество – ассоциация предпринимателей, имеющая, согласно законодательству Российской империи, следующие разновидности: 1) товарищество «полное» («торговый дом»), в названии которого перечислены все его участники-«товарищи», отвечавшие своим имуществом в случае несостоятельности фирмы; 2) товарищество «на вере», в названии которого кроме фамилий его участников должно стоять «... и К^о», когда помимо «полных товарищей» в деле участвовали вкладчики, ответственность которых была ограничена суммой вклада; 3) товарищество «на паях» («акционерное общество»), когда его участники-пайщики или акционеры несли ответственность в пределах своего вклада в основной капитал предприятия.

¹⁸ Троицкое подворье (подворье Троице-Сергиевой лавры) – центр деловой жизни Китай-города, самое высокое гражданское сооружение центра Москвы того времени. Построено в 1876 г. для сдачи под квартиры, конторы и склады на ул. Ильинке, д. 5.

потому, понятно, надо быть весьма чутким к политическому положению, а учесть это состояние можно только из газет, читая внимательно их ежедневно, а относительно дела будет указано по мере необходимости в вашей услуге».

Из всей дальнейшей с ним беседы я понял, что не подошел к его желаниям: он искал лицо, могущее вложить большие средства в дело, чего я сделать не мог, да и мой тесть предупредил меня: «Входить в Товарищество с большими деньгами не следует, нужно сначала осмотреть его и узнать, что оно из себя представляет!»

Н.П. Кудрин был очень умным человеком, с сильным характером и волей, но благодаря недостаточности воспитания и малого образования у него проглядывали черточки характера, отталкивающие от него лиц, имеющих щепетильную совесть, что, несомненно, вредило ему в деле¹⁹⁶⁵⁵.

В это утро после меня первым посетителем Н.П. Кудрина был ивановский фабрикант Константин Иванович Маракушев.

Маракушев был высокого роста, полный, с круглым лицом, бороду брил, а имел усы; глаза у него были большие голубые, и мне казалось, что в них сквозило какое-то недоверие к Николаю Павловичу, с боязнью, чтобы он его не «объехал на кривой»; держал себя сначала с некоторым апломбом, выцеживая слова с предварительным обдумыванием и, когда говорил, откидывал свою голову назад.

После непродолжительной деловой беседы, окончившейся благоприятно для обеих сторон, Кудрин перевел разговор на Азию и на то будущее значение, какое она будет несомненно иметь. Кудрин обладал блестящим даром речи, говорил красиво и толково и с особым умелым подъемом, создавал полную картину развития богатств этого недавно присоединенного к России края. Его речь била по слабым струнам у лиц, страдающих тщеславием и сребролюбием, какими слабостями и страдал г-н Маракушев. Кудрин уверял, что этот край настолько богат, что один может употребить всю продукцию русских текстильных фабрик [и] сделается через 10—20 лет второй Америкой благодаря имеющимся громадным земельным ресурсам, с многосаженным пластом лёссового²⁰ наслоения, его следует только оросить, что весьма легко сделать благодаря рекам Сыр- и Амударье, несущим воду в громадном количестве со снеговых гор во времена таяния. Уверял, что даже и при том количестве земли, которое обрабатывается в данное время, если только доставить туда русский хлеб из Кубани и Семиречья²¹, цена

¹⁹ Могу указать этот его недостаток в примере. На Нижегородской ярмарке⁶⁵⁵ он отправлялся на обед, даваемый ярмарочным купечеством губернатору, я увидел его готовым к выходу, в порывавшей шляпе с отрывающимися полями, и сказал: «Пора бы вам купить новую шляпу!» Он махнул рукой и ответил: «Куплю». Возвратился с обеда в новой шляпе и в новых калошах, тогда как ушел без калош. Я его поздравил: «Наконец-то купили! Старая шляпа прямо была неприлична». Он, хохоча, ответил: «Нет, не покупал, надел чью-то чужую, да, кстати, и калоши, теперь долго не придется покупать». Вообще я замечал, что ему доставляло большое удовольствие оставить кого-нибудь в дураках, и от всех таких удач он был весел и от души потешался над пострадавшими. Они купили, но два компаньона поладить друг с другом не могли, и Попов продал свою часть Кудрину. Родился Н.П. Кудрин в бедной мещанской семье в Оренбурге; родители его отдали в учение какому-то купцу, имеющему меновую торговлю с азиатами. Как приходилось слышать, меновая торговля того времени отличалась объегориваньем покупателей, т.е. обмерить, обвесить, подменить и тому подобное. Нужно думать, что Кудрин достиг в этом большого совершенства, так как вскоре сделался старшим приказчиком и потом поступил в крупную ситцевую фирму Н.Н. Коншина, заняв там ответственную должность. Коншин, ликвидируя свое оренбургское отделение, предложил Кудрину и другому своему работнику, Попову, купить его дело в рассрочку на несколько лет платежом. Дело они купили, но два компаньона поладить друг с другом не могли, и Попов продал свою часть Кудрину. Кудрин, имея широкий характер, пооткрывал во всех больших городах Средней Азии отделения, но имел небольшие средства в деле, ему трудно было вести его, а потому он задумал учредить товарищество, чтобы значительную часть своих паев распределить между фабрикантами, интересующимися сбытом своих фабрикатов на рынках Азии.

⁶⁵⁵ Крупнейшая по товарообороту в России *Нижегородская ярмарка* проходила с 1817 г. ежегодно в июле—августе, с участием азиатских и западноевропейских коммерсантов.

²⁰ *Лёсс* – богатая известью осадочная горная порода светло-желтого или палевого цвета, характерная для степных регионов.

²¹ *Семиречье* – юго-восточная часть Казахстана, где протекают семь главных рек этого района: Или, Каратал, Биен, Аксу, Лепса, Баскан, Сарканд, – древнейший центр цивилизации Средней Азии, с середины XIX в. входила в состав России. Место дислокации семиреченского казачьего войска, созданного в 1867 г.

которого очень дешева, то землевладельцы почти все перейдут на посевы хлопка, дающего большую пользу обрабатывающим. Указал, что Средняя Азия кроме хлопка имеет еще другие разные товары, требующиеся в большом количестве, как-то: шерсть овечья, верблюжья, кожи, шелк-сырец, каракуль, шкурки которого очень ценятся на рынках Европы и у нас как по своей прочности, так и по красоте завитков; между тем каракулеводство существует только в одном месте всего мира, а именно в Бухарской провинции под наименованием Каракуль²². Каракуль славится своей солончаковой почвой, растительность ее имеет особое влияние на образование изящных шкурок у овец.

Кудрин утверждал, что горы, находящиеся в Средней Азии, ждут разработок, в них, несомненно, имеются все признаки нахождения золота, нефти, каменного угля и других минералов, и все это требует труда и денег. И заканчивая свою речь, он сказал: «Средняя Азия – жемчужина большой ценности в короне царя!»

К.И. Маракушев слушал его с большим вниманием, было видно, как все эти перспективы, высказываемые Кудриным, вливаются в его душу как особой прелести бальзам. Маракушев начал ерзать на месте, апломб и бывшее в его глазах недоверие к Кудрину исчезли, взамен чего появилась улыбка, с любовью посматривал он на Николая Павловича. Расстались они уже друзьями. Маракушев потом стал крупным пайщиком Товарищества и большим приятелем Кудрина.

В этот день Николая Павловича навещало много лиц, и я заметил, что он быстро улавливал душевные слабости каждого с ним говорившего и с особой чуткостью и умением подходил к нему, заставляя внимательно вслушиваться в его речь и поддаваться невольно его влиянию.

Приходило много – и всегда группами – азиатских купцов, хотя в это время года их проживало в Москве сравнительно небольшое количество. Я на них смотрел с особым удовольствием. Мне нравились их пестрые халаты, чалмы, ичиги²³; особый способ здороваться, прижимая руки одну ко лбу, другую к сердцу, потом подавая обе руки и держа себя за бороду, творя в это время про себя молитву. К Кудрину все они относились с особым чувством благоговения, по крайней мере, мне так казалось. Он свободно говорил по-татарски, азиаты пристально смотрели ему в лицо, не пропуская ни одного звука, и мне казалось, что они его любили и ему верили.

Весь мой первый день так называемой «работы» прошел в наблюдении и с большими впечатлениями. Вечером, покидая контору, я был как загипнотизированный, Кудрин меня превратил в морехода, увлеченного пением легендарной сирены. Я слушал его с восхищением и с полным желанием вложить в это дело все, что я имел в себе лучшего.

Дни потекли за днями, постепенно пополняя мои знания и опыт, открывая новые горизонты на жизнь, на людей с их страстями и слабостями. Кудрин ежедневно приходил в контору за час или даже за два до начала занятий в конторе, писал бесконечные письма, а с 9 часов начинался прием клиентов, с которыми он так же убедительно говорил об Азии и ее богатствах с целью, как я понимал, воздействовать на психику фабрикантов. И это ему в значительной степени удавалось; фабриканты слушали, покрывали, подписывались на паи, но, по своему мировоззрению, вместо кредитов за паи вручали залежавшиеся у них товары, то есть брак, думая про себя: «Это не денежки, что у бабушки, а то денежки, что за пазушкой». Несмотря на все это, паи были разобраны и Товарищество начало функционировать с капиталом миллион рублей.

Усиленная агитация Николая Павловича не осталась безрезультатной, как говорят: «На ловца и зверь бежит». Кудрин случайно в вагоне поезда познакомился с господином, внушав-

---

²² Каракуль – населенный пункт в низовьях реки Зеравшан, в пустынно-приоазисном районе на территории Бухарского эмирата, центр овцеводства.

²³ Ичиги, ичеготы (тюрк.) – мужские и женские высокие сапоги из мягкой кожи или цветного сафьяна.

шим своим видом и интеллигентностью полное уважение и доверие. Они разговорились, и Кудрин не преминул рассказать об Азии, что он говаривал другим, в таких же красочных выражениях и с большим увлечением. Они познакомились, господин оказался Гофмейстером Генрихом Карловичем, главным управляющим всеми имениями и сахарными заводами князя Александра Сергеевича Долгорукова. Как мне потом пришлось слышать, у князя дела шли весьма плохо, имения давали ему очень маленький доход, но, когда во главе управления стал умный, честный Г.К. Гофмейстер, дело скоро приняло другой оборот, имения стали давать большой доход. Гофмейстер приобрел у князя большое доверие и расположение.

Кудрину пришла мысль предложить Гофмейстеру продажу сахара с княжеских заводов. Из Азии были вытребованы образцы английского сахара, идущего в Персии. Персияне привыкли к английскому, имеющему вид маленьких головок, упакованных в синюю бумагу. Такие же головки были сделаны сахарными заводами князя. Партия, отправленная в Мерв и Асхабад, пограничные города Персии, имела успех; персидские купцы покупали с охотой, постепенно вытесняя английский сахар из Северной Персии по дешевизне провоза и хорошего качества.

Гофмейстер доложил князю о новом рынке сбыта сахара с его заводов и не преминул рассказать о Н.П. Кудрине и том впечатлении, которое он произвел на него. Князь выразил желание познакомиться с Н.П. Кудриным, что было сделано Гофмейстером. Кудрин в свою очередь и князя увлек своими рассказами, и он пожелал приобрести паи Товарищества.

Нужно сказать, что князь Долгоруков был очень близким человеком государю Александру III, в детстве они вместе росли и учились, и, когда Александр вступил на престол, Долгоруков был сделан обер-гофмейстером двора государя. Кроме того, князь Долгоруков был свояком министра двора Воронцова-Дашкова, они были женаты на родных сестрах гр. Шуваловых²⁴. Князь, рассказывая Воронцову-Дашкову о впечатлении, произведенном на него Кудриным, заинтересовал его повидать русского самородка. Молва и разговоры распространились в высшем придворном кругу двора царя и дошли до великой княгини Марии Павловны, а потом и до государя, и все они пожелали видеть его.

Кудрин, представляясь государю, с таким же успехом рассказал все об Азии и ее богатствах, после его ухода государь сказал Воронцову-Дашкову о Кудрине: «Наш милый и интересный калмык».

Кудрин сделался самым модным человеком в С.-Петербурге, он был принят государыней, наследником, всеми великими князьями, а за ними всеми выдающимися при дворе лицами. И ему пришлось долго жить в Петербурге, чтобы удовлетворить всех желающих его видеть. Как мне передавал Кудрин, он имел у всех успех.

Говоря о Кудрине, понятно, начали говорить об Азии и ее богатствах и о необходимости обратить внимание на нее.

Если бы не Кудрин с его возбуждающими речами, я уверен, Средней Азии еще пришлось бы долго находиться в заброшенном виде, отделенной от России громадными бесплодными степями и песками, но он с его энтузиазмом возбудил спящие сферы нашего высшего правительства, после чего дело заглухнуть не могло. А потому я считаю, что Н.П. Кудрин был первым пионером по развитию Средней Азии, в короткое сравнительно время достигшей большого процветания. И кудринское Товарищество под наименованием «Среднеазиатское товарищество Н. Кудрин и К^о» было первым инициатором по выписке в больших размерах американских семян и по распространению их между посевицами-туземцами. И эта слава за Кудриным должна остаться вечно. Пишу об этом, считая необходимым воздать ему должное, так как немногим это известно.

---

²⁴ Жены А.С. Долгорукова и И.И. Воронцова-Дашкова – княгиня Ольга Петровна Долгорукова и графиня Елизавета Андреевна Воронцова-Дашкова родными сестрами не были.

В 1925 или 1926 году мне пришлось зайти к Михаилу Григорьевичу Ерофееву, занимавшему в то время ответственный пост в каком-то хлопковом учреждении, устроенном Советским правительством. Ерофеев мне передал, что он составил бумагу с изложением первых инициаторов по развитию хлопка из американских семян, сделал все это он по поручению своего начальства. Ерофеев прочел мне ее. Но после того, как я рассказал все, что описываю здесь, он был очень сконфужен и мне ответил: «Я совершенно этого ничего не знал, теперь неловко взять обратно бумагу, пусть останется, как написано».

Первыми же посевицами хлопка из американских семян были жители города Ташкента гг. Лахтин и С.И. Тарсин. Посев производился у них в садах при домах, где они жили. Полученное от посева волокно было ими послано на Всероссийскую выставку, бывшую в Москве в 1882 году²⁵. За этот хлопок им была присуждена высшая награда. Эксперты нашли волокно хлопка подходящим к американскому сорту «Си-Айленд»²⁶.

Нельзя отнять этой заслуги у гг. Лахтина и Тарсина, показавших всем интересующимся хлопком возможность разведения высших сортов хлопка в Средней Азии, и эта заслуга останется за ними навсегда.

Эксперты, вынося свое основательное заключение, и не могли ничего большего сделать, и скоро труды Лахтина и Тарсина забылись. Лица, причастные к хлопководству, то есть туземцы, совершенно хладнокровно отнеслись к этому факту, да – я и уверен – они об этом не знали, а если даже знали, что они могли сделать, не имея семян? Для того чтобы ввести американские семена между посевицами, требовались большие усилия и денежные затраты, что было сначала сделано Товариществом Кудрина, а потом Большой Ярославской мануфактурой.

ГЛАВА 2

Состав правления Среднеазиатского товарищества «Н. Кудрин и К^о» был из следующих лиц:

Директором-распорядителем: Н.П. Кудрин.

Директорами: Александр Лукич Лосев,

Николай Павлович Рогожин,

Александр Александрович Найденов.

Кандидатом к ним я.

О Н.П. Кудрине я уже кое-что рассказал, еще добавить могу, что его семья жила в Оренбурге, и предполагалось, что он будет жить там же, то есть в главной конторе по своим торговым операциям, и действительно, он туда часто ездил и жил там по месяцу и более. В Оренбурге у него был свой каменный двухэтажный дом.

А.Л. Лосев был директором Собинской мануфактуры и крупным там пайщиком, был образованным и начитанным человеком, отличался твердой волей и характером и большой хитростью: ловко заставлял других вытаскивать для себя жар из печки²⁷.

---

²⁵ *Всероссийская художественно-промышленная выставка 1882 г.* состоялась в Москве в специально выстроенных павильонах на Ходынском поле.

²⁶ *Си-Айленд* (от англ. Sea-Island), – американский хлопчатник вида *Gossypium barbadense* (лат.), имеющий крупные корочки, раскрывающиеся при созревании, в отличие от среднеазиатских видов, на четыре створки.

²⁷ Предки Лосева были ямщиками, занимавшимися перевозом чая из Китая в Москву, потом завели оптовую чайную торговлю, составив этим свое благосостояние; после того, как чайное дело начало падать, купили с двумя какими-то компаньонами Собинскую мануфактуру. Во главе этого дела стал Александр Лукич, один из даровитейших братьев семьи Лосевых, поставил его в блестящее положение. Об остальных его братьях не приходится говорить, так как они ничем не отличались от самых заурядных людей того времени, разве только один из них, Михаил Лукич, со званием инженера, представлял из себя некоторую величину. Александр Лукич, боясь, что он будет вмешиваться в дела Собинской мануфактуры, убедил его занять должность директора в Ярцевской мануфактуре, перешедшей Вере Александровне Хлудовой после смерти ее мужа Михаила Алексеевича Хлудова. Рекомендую своего брата на этот высокий пост, Александр Лукич убивал двух зайцев: устранял его из своего дела, зная, что он не может принести ему пользу, а скорее вред, а потом через него же может получать разные сведения,

А.Л. Лосев был среднего роста, худой, с бледным лицом, с большим развитым лбом, со стальными серыми глазами, и в то время, когда он был кем-нибудь недоволен, на его глаза смотреть было неприятно, хотя, зная это, он потуплял их. Говорил тихим и как бы спокойным голосом, но чувствовалось, что внутри его клокочут страсти; принадлежал он к типу людей, про которых говорят: «Мягко стелет, да спать-то жестко!»

А.Л. Лосев был на Всероссийской выставке 1882 года одним из экспертов по хлопку, здесь он увидел из представленных Тарсиным и Лахтиным образцов, какой в Азии может родиться хлопок, и увидел в этом пользу для русских прядильщиков.

И он – хитроумный Улисс²⁸ – не задумался пойти в Товарищество с целью изучить хлопководство в Азии и постараться первому снять пенки с этого дела. Да притом сумел обойти Кудрина, убедив его принять плату за пай не деньгами, а чаем, оставшимся после ликвидации их чайного дела. Отправленный в отделение Средней Азии чай провалился без движения много лет: кто его однажды купил на пробу, больше уже не требовал. Чай был продан после кончины Кудрина через несколько лет, с большой уступкой в цене.

А.Л. Лосев все-таки был одним из самых деятельных директоров правления, понятно, не считая Кудрина. Он бывал ежедневно в правлении, внимательно прочитывал письма, давал полезные советы, но он в те годы был слаб здоровьем и зачастую не являлся в правление, и мне приходилось ездить к нему в дом с бумагами; он принимал меня с обмотанными головой и шеей, и по всему было заметно, что он сильно страдал.

После выяснения результатов с чаем Н.П. Кудрин возненавидел его всей душой, хотя, встречаясь в правлении, они старались не показывать виду, что не любят друг друга.

Кудрин, оставаясь со мной наедине, называл его неприличным словом, уверяя, что он незаконнорожденный сын, так как все его братья ни по уму, ни по характеру не похожи на него.

Видя его больным, увязанным, он, бывало, скажет: «Долго не проживет – в чем только душа его держится!» Лосев же прожил долго и был здоровым и толстым человеком и скончался, как мне помнится, незадолго до Великой войны 14-го года, а Кудрин, здоровый с виду и крепкий, скончался через два года после предсказаний.

Второй член правления, Н.П. Рогожин, принужденный оставить должность директора в Товариществе С. Морозова, незадолго до открытия Товарищества «Н. Кудрин и К^о», оставаясь без работы, узнал от своего сына Владимира Николаевича об образовании Товарищества «Н. Кудрин и К^о», пожелал вступить в члены его правления, хотя ради только кворума, так как по своим знаниям хлопкового дела вряд ли мог считать себя полезным делу.

Рогожин не внес в дело ничего полезного, и по всему было заметно, что он смотрит на свою службу как на временную, предполагая перейти на какое-нибудь другое, более для него интересное и полезное место.

Приходил он в правление часов в 10, имея обыкновение, когда снимал пальто в передней, говорить артельщику: «Что это у вас дурно так пахнет, нужно проветривать, покурить чем-нибудь!» Молодые клерки, передразнивая его, понятно, после его ухода, говорили ту же фразу и его голосом²⁹.

нужные ему для своей фабрики, с выборкой оттуда лучших покупателей. А.Л. Лосев двух своих компаньонов очень ловко выставил из Собинской мануфактуры. Несколько лет подряд не выдавал дивиденда, затрачивая весь доход от фабрики на ее увеличение и улучшение; из тех же доходов, которые все-таки оказывались, он усиленно списывал на машины и стройки фабричные, на должников, которые, по его мнению, были неблагонадежны. Компаньоны, видя такое ведение дела и предполагая, что оно будет продолжаться так все время, продали ему свои пай, радуясь, что хотя вернули деньги, внесенные ими при покупке. На следующий год после этой сделки оставшиеся в деле братья Лосевы получили дивиденда по сто процентов.

²⁸ Улисс – древнеримский вариант имени Одиссея, мифологического царя Итаки, славившегося своим умом, хитростью и отвагой.

²⁹ Про Рогожина рассказывали служащие Товарищества С. Морозова, как он попал директором туда. Будучи доверенным⁶⁵⁶ в петербургском отделении у С. Морозова, он приехал в Москву в правление с отчетом, в это время выбыл один из директоров С. Морозова и нужно было заменить его кем-нибудь. Тимофею Саввичу, озабоченному приисканием нужного

Оставался он в правлении недолго и покидал его до следующего дня.

Скоро он был выбран в директора первого Московского общества взаимного кредита и покинул кудринское Товарищество навсегда.

Третий директор, Александр Александрович Найденев, вступил в правление только по просьбе его брата Николая Александровича; предполагаю, что это было сделано ради меня, чтобы дать возможность подучиться мне и он бы уступил мне свое место члена правления.

Александр Александрович в дело ровно ничего не внес, посещал правление редко и по своей мелочности замечал только что-нибудь смешное, которое рассказывал своим братьям и другим родственникам.

Доверенным фирмы был В.Н.Рогожин, сын Николая Павловича, ему было приблизительно около тридцати лет. Он был довольно красивый блондин, носил бородку, пенсне, имел коротенькие ножки и очень быстро ходил. Он почти весь день в конторе отсутствовал, посещая биржу, банки, покупателей, забегал в контору, чтобы подписать письма и записать сделки, им произведенные. Я могу предполагать, что Н.П.Кудрин не был им доволен, из слов его, однажды мне сказанных про Владимира Николаевича: «Быстро ходит ногами и тихо двигает мозгами».

Бухгалтером правления был Николаев, находившийся под полным влиянием Н.П. Кудрина, наводившего на него какой-то магический страх. С Николаевым я старался сойтись, чтобы получить от него первые знания по бухгалтерии, приглашал его к себе обедать. Он любил выпить и, когда выпьет, начинал говорить о Н.П. Кудрине; здесь-то я и мог увидеть то отношение, которое он питал к Кудрину. Однажды он мне сказал: «Я уйду из Товарищества и не буду испытывать того, что приходится переживать от Николая Павловича, и страха за свою ответственную работу». Но дальнейших объяснений своим словам он не дал и действительно оставил свою службу в Товариществе.

В первый месяц после начала функционирования Товарищества правление собиралось почти каждый день в определенные часы. На одном из первых собраний был поднят вопрос о выписке из Америки хлопковых семян для раздачи дехканам в Средней Азии. Лосева просили, чтобы он поручил это одному из своих знакомых представителей по продаже хлопка из Америки. Представитель, которому было поручено, послал в Америку письма нескольким фирмам с просьбой выслать вагон семян, но ото всех получил отказ исполнить это. Тогда принуждены были купить семена в Марселе у маслострующей фирмы, делающей из хлопковых семян масло, отправляемое в разные государства на консервные заводы под наименованием «прованского».

Семена были отправлены в Среднюю Азию. Оказались смешанными с египетскими семенами, но посеянный из них хлопок получился великолепным.

Полученные семена с большим трудом навязывались дехканам, с тем чтобы они раздавали их земледельцам, с обязательством Товарищества, что за хлопок, выращенный из этих семян, будет уплачиваться против рыночных цен на 10—20 копеек за пуд дороже, чем за посеянный из местных семян.

В этом же году то же было сделано Ярославской мануфактурой, производившей закупку в Средней Азии хлопка для своей фабрики.

Из этих двух партий семян началось сильное развитие посевов хлопка из американских семян, качеством значительно лучшего, чем настоящий американский. И те хозяева бумаго-

---

лица из среды своих служащих, понадобилось пойти в уборную, где не оказалось мыла, кем-то украденного. Рассерженный этим обстоятельством, неоднократно повторяющимся, он при выходе встретил Н.П. Рогожина, которому и поручил провести дознание, кто ворует мыло. Рогожин принялся за дело энергично, произвел обстоятельное обследование, написал хороший доклад, хотя виновника воровства не нашел, но его доклад понравился Тимофею Саввичу, и ему пришлось в голову, почему бы не сделать директором Рогожина.

⁶⁵⁶ *Доверенный* – ответственный сотрудник правления фирмы, уполномоченный вести переговоры, заключать сделки от ее имени.

прядилен, которые смекнули об этом прежде всех, закупая его в большом количестве, нажили большие деньги.

Единовременно с выпиской семян начали выписывать машины (джинь³⁰) для очистки волокна от орешков, строить паровые хлопкоочистительные заводы с гидравлическими прессами. Раньше же хлопок-сырец очищался на простых ручных маленьких деревянных машинках, очень дробивших семена и много оставлявших на семечках волокна, и, понятно, требовалось большое количество людей для этой очистки.

Мои отношения с Н.П. Кудриным постепенно налаживались, он начал брать меня с собой на Биржу, водить по фабрикантам, посвящая меня в их слабости и странности, рассказывая об их характерах. Все эти сведения мне потом весьмагодились.

Выезжая в Оренбург, он сказал мне: «Советую вам приехать в Оренбург на некоторое время, следует посмотреть и познакомиться поближе с делами нашего Товарищества».

ГЛАВА 3

Я не преминул воспользоваться приглашением Кудрина и отправился в Оренбург. Поехал туда через Нижний по Волге до Самары, а потом по железной дороге.

Приехал в Нижний при проливном дожде, продолжавшемся целые сутки. Сел на паром общества «Самолет». На пароходе первого класса было только двое пассажиров – я и еще молодой человек, с которым я познакомился; он оказался сыном Сергея Владимировича Алексеева и доводился братом известному артисту Станиславскому. Ехал в Самару на кумыс, чувствовал себя всю дорогу больным, а потому большинство времени проводил в своей каюте. Потом мне вскоре пришлось узнать, что он скончался в Москве от чахотки³¹.

Я прямо умирал от скуки, не знал, что делать, чем заняться. Газет и книг не было, спать больше был не в состоянии; на пристанях, где останавливались, выйти не мог: дождь лил как из ведра; стоило только выйти на палубу, как дождь пронизывал тебя насквозь.

Наконец, на какой-то из маленьких пристаней сел в первый класс господин, по виду похожий на купца, промышленника или доверенного. С виду он был несимпатичен: угрюмый, молчаливый. И на все мои вопросы отвечал только «да» или «нет». Но томлящая скука наконец и его заставила к вечеру заговорить, он спросил меня, не играю ли я в преферанс, я ответил, что играю. Лицо у него оживилось, сделалось приветливее, и он спросил меня: «Не сыграть ли нам?» Я согласился, но предупредил его, что играю по маленькой, по двадцатой. Он рассмеялся: «Да такая игра свеч не стоит!» Предложил сыграть по копейке. Я отказался. Начался торг, и наконец остановились на 1/4 копейки, за карты платить поровну. Две первые игры он проиграл, и мне показалось, что он плохо играет, но потом в последующих он и дал мне трепку. Начали создаваться такие игры, с такими комбинациями, которые обыкновенно бывают у играющих в жизни раз или два, у нас же они повторялись без перерыва. Я внимательно следил за его тасовкой карт, но им все проделывалось так чисто, что я заметить ничего не мог. Я решил, что он ловкий шулер, и сказал: «У меня болит голова, кончимте игру!» Он, рассерженный, со злыми глазами, почти закричал на меня: «Вы должны продолжать игру! Почему я должен половину платить за карты, когда вы не желаете продолжать?» Я ему ответил, что уплату за карты целиком принимаю на себя. Заплатил ему небольшой проигрыш и за карты 4 рубля, отправился спать, радуясь, что дешево отделался.

На другой день проснулся при полном солнечном сиянии. В рубке, на палубе первого класса было уже много народу, прибывшего за ночь.

---

³⁰ Джина, джин (от англ. gin) – механическое устройство для очистки хлопка-сырца от семян и оболочек коробочек.

³¹ Речь идет о Павле Сергеевиче Алексееве, скончавшемся от туберкулеза на хуторе под Самарой в возрасте 13 лет. Похоронен в Москве на кладбище Алексеевского монастыря.

Уже с раннего утра началась картежная игра, где я заметил и вчерашнего моего партнера; ко мне подходило несколько человек с предложением поиграть, но я видел теперь в каждом человеке шулера и отказывался. Потом мне пришлось узнать, что шулера всегда собираются партиями и никогда в одиночку не ездят, и в настоящее время можно было думать, что на пароходе их было достаточное количество из числа прибывших за ночь.

Бывают дни в жизни, как бы ничем не отличающиеся от других дней, но некоторые минуты, пережитые в них, не забываются во всю жизнь и вспоминаются с наслаждением. Я не знаю, чем это можно объяснить. В душу входит какая-то сила, поднимает твой дух на неимоверную высоту, поглощает тебя. Все окружающее радует и восхищает; душа наполняется благодарностью к неведомому Создателю всего видимого и переживаемого. Эти настроения бывают редки и не у всех, а потому для многих и не будут понятны.

Такое переживание случилось и со мной в это чудное бесподобное утро. Я наслаждался жизнью, гуляя по палубе, вдыхая чудный воздух, напоенный ароматами цветов; осматривал превосходную панораму, открывающуюся перед глазами: налево – берег с расстилающимися лугами, направо – гористая местность, покрытая лесом, с перемежающимися селами, церквями, колокольнями, деревнями и с пасущимися стадами скота. Ритмичное постукивание паровой машины парохода не раздражало, а, скорее, убаюкивало. После этой моей второй поездки по Волге возлюбил милую родную реку, как величают ее в народе, «старую столбовую дорогу русской торговли», а потому редки были года, когда я не путешествовал по ней, но такого настроения больше со мной не повторялось.

Оренбург как город не оставил у меня никакой памяти (помню, что стояла в то время большая жара, духота) и отличался сильной пылью.

Меновой двор, находящийся за пределом города, за рекой Уралом, произвел на меня сильное впечатление: большой участок земли, окруженный высокой каменной стеной, к которой примыкали каменные амбары. В них складывали азиатские купцы свои дорогие негромоздкие товары и сами в них жили, расстлая кошмы, на которых вповалку спали; в них же готовили себе еду из привозимой со своей родины провизии, чтобы не тратить деньги на ее покупку.

На громадной площади двора были сложены в бунтах хлопок, шерсть, кожа. Около этих товаров и амбаров суетились толпами купцы и их приказчики, одетые в разноцветные халаты, с разноцветными чалмами на головах, а у туркмен и хивинцев были надеты громадные папахи из овечьих шкур. В красивые азиатского стиля ворота, выходящие на дорогу в Азию, входили гордо, с важностью, покачивая в ту и другую сторону головами, верблюды, с надетыми у них на шее колокольчиками, с нагруженными на их спины двумя тюками с товарами. Впереди верблюдов на ишаке верхом ехал азиат-вожатый, с палкой с острым концом в руке, а в другой держал веревку, привязанную к первому верблюду через проткнутую носовую кость его, тем понуждая исполнять свою волю; следующий верблюд шел с такой же веревкой, но привязанной к хвосту первого верблюда, и так далее. Вся эта картина для меня была новая, интересная, и я долго не мог оторваться от нее, любуясь всем видимым.

Н.П. Кудрин водил меня по всему двору, осматривал привозимые товары, заходил в амбары, знакомил меня с баями, имевшими дела с Товариществом.

Завтракали мы с ним в имеющемся на Меновом дворе трактире непрезентабельного вида как снаружи, так и внутри, но славившемся приготовлением пельменей, свежей рыбой и зернистой икрой, и все эти блюда были по очень дешевой цене.

Памятен мне этот трактир еще тем, что с нами рядом за столиком была совершена сделка в 8000 голов лошадей по 8 рублей за лошадь. Меня удивила как цена, так и количество: я не мог себе представить, что бывают такие большие продажи табунов.

Торговый амбар Товарищества помещался в центре города, размещался в двух этажах, в нижнем была торговля, а в верхнем кабинет Кудрина и контора. Амбар почти весь день был

наполнен купцами, конечно, в большой части азиатами. Крупные купцы-баи заходили в кабинет Николая Павловича, с такой же церемонией здоровались; старшие и почетные размещались на стульях, с завистью посматривая на младших, сидящих на корточках по стенам кабинета, но, не желая терять своей амбиции, сидели на стульях.

После того, как я пробыл в Оренбурге несколько дней, Кудрин мне сказал: «Доверенному Товарищества Василию Ивановичу Вошнину я поручил съездить в Илецкую Защиту³² по делу и, кроме того, заехать по пути к одному калмыцкому баю, только что перекочевавшему к Оренбургу, так не хотите ли поехать с ним вместе?» Я от такого предложения пришел в восхищение, с радостью согласился. В поданный легкий тарантас, запряженный тройкой резвых лошадей, поместились В.И. Вошнин, молодой приказчик и я.

Лошади легко подхватили экипаж, и мы помчались; быстро прокатали верст двадцать, после чего кучер-калмык свернул с дороги в сторону, и, проехав еще несколько верст, увидели много кибиток, расположенных вразбивку. Еще далеко находясь от них, заметили, что приезд наш всеми обитателями кибиток замечен; из всех кибиток выскакивали калмыки с женами, детьми, с лающими собаками и с любопытством осматривали нас.

Ямщик с удалством, подергивая тройку, подкатил к кибитке, более украшенной, чем другие.

Около открытой кошмы, изображающей дверь, стоял старый почтенный бай, окруженный всей своей семьей. После общепринятых приветствий и поздравлений с прибытием он пригласил нас войти в кибитку. Посреди большой кибитки стоял стол вершков шесть высоты, и он предложил нам сесть вокруг его на разостланных коврах и кошмах. На столе моментально появился дастархан³³ так называемое угощение, состоящее из хлебных лепешек, фисташек, миндаля, изюма и конфет, приготовленных на бараньем сале, и все эти угощения лежали на медном подносе.

Мне впервые пришлось сидеть на корточках, и я чувствовал себя скверно, у меня ломило ноги. В это время Вошнин и бай говорили по-татарски про дела, улажившиеся скоро к благополучию обеих сторон. После чего бай сказал что-то жене, сидящей позади его. Та встала, взяла деревянную миску, какие обыкновенно употребляются в деревнях для хлеба, вытерла ее тряпкой, поднятой с пола, грязной и черной, как сажа, после чего начала наполнять кумысом из стоящего здесь же ушата, покрытого старым рваным халатом. Наполненную миску подала мужу. Он берет фарфоровую пиалу китайской работы, из которой обыкновенно пьют чай, зачерпывает кумыс из деревянной миски, пьет сам, потом подает В.И. Вошнину, который тоже пьет, и потом передает мне. Я говорю Вошнину: «Пить не могу, от кумыса мне сделается тошно». Вошнин, испуганный моим заявлением, умоляющим голосом просит: «Пожалуйста, выпейте, хотя бы только пригубьте; если этого не сделаете, то для хозяина-бая будет большая обида и он будет до конца своей жизни нашим врагом, а между тем он для нашего дела полезен». Я взял себя в руки, употребил всю силу воли и проглотил несколько глотков, и, слава Богу, без всяких последствий.

Скоро мы с ним распрощались, провожаемые целой толпой обитателей всех палаток, чрезвычайно довольных неожиданной тамашой³⁴, доставившей им большое удовольствие.

Отъехавши верст десять, наш ямщик-калмык, повернувшись лицом к нам, взволнованным гортанным голосом начал говорить что-то Вошнину, указывая кнутом вдаль. Вошнин встал в тарантасе, приложил ладонь к глазам и устремил взгляд на место, указываемое ямщиком.

³² *Илецкая Защита* (Илецк) – название до 1945 г. современного гор. Соль-Илецка, основанного в XVII в. как крепость. С 1865 г. – город в Оренбургской губ.

³³ *Дастархан* (перс.) – угощение из разных восточных сладостей.

³⁴ *Тамаша* — в Средней Азии – развлечение, народное зрелище, сопровождаемое пением и танцами.

Я стал тоже смотреть туда, вижу скачущего лихого наездника на отличнейшей лошади на довольно большом расстоянии от нас и делающего круг, за ним скакал второй, третий и четвертый, и с каждым кругом уменьшался их радиус от нас: они, несомненно, приближались к тройке. Вошинин и молодой приказчик, было видно, сильно взволновались. Вошинин, вынув револьвер, закричал что-то ямщику, стегнувшему сильно лошадей кнутом, понесших нас быстро. Наездники, сделав несколько кругов, были сравнительно близки от нас, вдруг разлетелись в разные стороны и исчезли с глаз.

Вошинин снял шапку, перекрестился и, обращаясь ко мне, сказал: «Так обыкновенно нападают барантчи (разбойники), и недавно было такое нападение с убийством и ограблением. Вот почему я так испугался!»

Недалеко от Илецкой Защиты заехали на соляные промыслы, производимые оренбургскими купцами во главе с оренбургским головой Назаровым. Разработка шла первобытным способом: снимался пласт земли, под которым лежал слой превосходной белой соли большой глубины. Соль разбивали, укладывали на возы, отправляя в Оренбург. Там рассказывали, что таковая разработка соли производится последний год, так как правительство в дальнейшем отдало им право на разработку с условием, что они устроят выемку соли через шахты и штольни. Я там приобрел несколько замечательных, сделанных из соли вещей.

ГЛАВА 4

Вернувшись из Оренбурга в Москву, мне пришлось недолго оставаться в ней по случаю открытия Нижегородской ярмарки, куда меня направил Н.П. Кудрин. Описывать ярмарочные впечатления здесь не буду, оставляя на позднейшее время, чтобы обо всех годах, проведенных там, сказать в одном месте.

Она осталась у меня в памяти тем, что по неопытности доверенного В.Н. Рогожина Товарищество потеряло 40 тысяч рублей.

В конце ярмарки Н.П. Кудрин уехал в Москву, поручив закончить дела на ярмарке Рогожину.

Горовиц, один из крупных представителей заграничной лейпцигской фирмы, купил в Товариществе каракуля на 40 тысяч рублей, сказав, что деньги внесет дня через два-три, по получении их из-за границы, что делалось им и в предыдущие годы, и он аккуратно оплачивал.

В.Н. Рогожин имел обыкновение ездить на вокзал к отходу курьерского поезда, где он обедал, а в свою очередь мог видеть всех отъезжающих. После продажи Горовицу он отправился на вокзал и видит его отъезжающим в Москву, не учинив расчета за последнюю покупку в 40 тысяч рублей.

По ярмарочным правилам, купец, не окончивший расчета за товар, может быть задержан полицией на ярмарке вплоть до расчета.

В.Н. Рогожин подошел к Горовицу и спросил: «Как, вы уезжаете, не заплатив Товариществу сорок тысяч рублей?» Смущенный Горовиц, отозвав Рогожина в сторону, сказал: «Мой доверитель по ошибке перевел деньги вместо ярмарки в Москву, за ними я туда и еду. Как их получу, вам сейчас же переведу, потому прошу вас не беспокоиться. Но, может быть, вам нужны деньги, то я могу вам выдать вексель на эту сумму по предъявлению, тогда вам беспокоиться совершенно не придется».

Рогожин так и поступил, поехали оба в контору, Горовиц подписал векселя на 40 тысяч рублей по предъявлению, Рогожин проводил его на вокзал, усадил в вагон, и они дружески простились. С этого момента почтенный Горовиц, много лет ездивший на ярмарку, «канул, как камень в море».

Скупка хлопка в Азии начиналась приблизительно в сентябре, с каждым дальнейшим месяцем увеличиваясь. Кудрин до утверждения Товарищества стремился развить комисси-

онное дело и покупал наличный хлопок в Оренбурге, так как для скупки хлопка в Азии не имел нужных средств. С учреждением Товарищества началась скупка хлопка по всем городам, где были конторы Товарищества, но для скупки хлопка всегда требовалось много денег. А.Л. Лосев учел это положение, предложив Кудрину: «Я бы мог Товариществу помочь, внося известную сумму на покупку, но с тем, что хлопок, купленный на эти деньги, поступает ко мне, за труды ваши уплачиваю установленный по соглашению процент комиссии; все расходы, как-то: очистка хлопка от орешков, прессовка, тара, провоз – ставятся мне в счет по действительной произведенной затрате. И Товариществу это будет очень выгодно!»

Кудрин с радостью ухватился за его предложение, и дело началось, постепенно увеличиваясь.

А.Л. Лосев, руководствуясь сообщениями Кудрина о ценах на сырец на рынках в Средней Азии, выходе из него волокна и принимая в соображение другие расходы, увидал, что польза от покупки будет немаленькая. Но он не доверял Кудрину, зная, что он не постесняется – в отместку за его чай – сделать так, что значительная часть ожидаемой пользы не попадет к нему в карман. И эти мысли Лосева угнетали, и он старался найти способ получить твердые данные, которые бы дали в будущем возможность оспаривать цифры, поставленные в его счета.

Ему это удастся благодаря отъезду Кудрина в Оренбург.

В правлении – незадолго до окончания работ – оставалось только двое, я и Владимир Николаевич, подписывающий последние письма к отправке по назначению, вдруг открывается дверь и является Александр Лукич с веселым и радостным лицом и говорит: «Вот, как вы поздно занимаетесь! Я не предполагал кого-нибудь застать! Случайно был у своего знакомого в Троицкой гостинице, думаю: отчего не зайти? Делает вам честь, что вы так работаете». Подсаживается к столу Рогожина, достает портсигар, закуривает и предлагает Рогожину, говоря: «Табак чудный, высылаю мне мой знакомый крымский табаковод». Любовно посматривая на В.Н. Рогожина, он начинает его расспрашивать о делах в Азии: как идут там закупки, по какой цене, почем обходится очистка сырца, прессовка, провоз.

Рогожин, не желая уронить себя в глазах директора, сообщает все то, что слышал от Н.П. Кудрина, не сообразивши, что сведения эти лишь только ориентировочные, точных же отчетных цифр из азиатских контор не имеется. Лосев делает изумленное лицо и говорит: «Вы счастливее, у вас хорошая память, а я вот сейчас слышу, стоит мне выйти из конторы, все и забуду! Видно, что вы в будущем будете большим дельцом!»

В.Н. Рогожин, получая от него такие приятные реплики, выбивается из сил, чтобы всеми своими сведениями поразить Лосева; глаза у него разгорелись, лицо покраснело, как говорят – «ушки поехали на макушку», и это его положение можно было сравнить с крыловской вороной с сыром в клюве, заслушавшейся лестью лисы. Лосев подбавил ему еще разных комплиментов, тем усиливая настроение расхвалившегося Владимира Николаевича.

Из находящихся на столе чистых листов почтовой бумаги с бланком Товарищества Александр Лукич один поддвигает к Рогожину, мило улыбаясь, говоря: «Пожалуйста, напишите мне все это, а то я, как уйду от вас, все забуду: уже стал стареть, мне память изменяет». Рогожин почти все под диктовку Лосева записывает на бумаге, не пропуская своим вниманием ни одного слова.

Когда все это было написано, Лосев взял письмо, еще внимательно просмотрел, улыбнулся Рогожину и сказал: «Ну, вот теперь хорошо!.. Я буду помнить. Ах, да, впрочем, подпишите его и поставьте число и месяц, а то когда понадобится посмотреть это письмо, и не будешь знать, от кого оно». Рогожин исполнил его просьбу – подписал. Это письмо в дальнейшем повлекло к большим последствиям, дав убытку Товариществу несколько десятков тысяч рублей.

Из азиатских контор начали поступать счета на хлопок. Бухгалтерия правления, руководствуясь ими, выписала счета для Собинской мануфактуры, откуда они вернулись обратно с

письмом, подписанным А.Л. Лосевым, с извещением, что счета не соответствуют действительным сведениям имеющегося у него документа от Товарищества за подписью В.Н. Рогожина.

По этому поводу было собрание правления, на котором присутствовал А.Л. Лосев, доставивший письмо Рогожина. Кудрин, прочитав его, возмущенным голосом сказал: «Эту записку, подписанную Рогожиным, можно рассматривать как ориентировочную, в ней написано все, что я вам лично говорил, и я указывал, что цены могут измениться». Вызванный Рогожин подтвердил слова Кудрина, уверяя, что давал Лосеву сведения только приблизительные.

Лосев, смотря на Кудрина своими стальными, злыми глазами, ответил: «Меня удивляет, что доверенный фирмы дает письма со своей подписью, на бланке Товарищества, с какими-то фантастическими сведениями. Я привык иметь дело с фирмами, имеющими солидных доверенных, и смотреть на их письма как на что-то серьезное, а не как на лепет ребенка, не знающего, что он делает».

В конечном результате Лосев добился скидки.

Вскоре после этого В.Н. Рогожин, видя к себе неприязненное отношение Н.П. Кудрина, оставил службу в Товариществе, и все его обязанности перешли ко мне³⁵.

Мне пришлось принять от Владимира Николаевича Рогожина кассу, в которой находилось на несколько десятков тысяч рублей купонов вышедших и невышедших³⁶. Все вышедшие купоны я подсчитал и отправил в банк на текущий счет. Вечером, перед окончанием занятия, подсчитав кассу, увидел просчет в 1000 рублей. Это меня сильно взволновало. По произведенному розыску оказалось, что артельщик, которому я поручил снести в банк купоны, присвоил себе 1000 рублей, врученных ему обратно кассиром банка, как оказавшиеся лишними. Он же мне их не вернул. Раскрытый таким образом недочет меня весьма обрадовал; явившийся ко мне на квартиру артельщик повалился в ноги, прося его не губить; я его простил, только уволил со службы, но дал себе слово, что в продолжение всей моей жизни кассовые дела вести не буду³⁷.

После ухода В.Н. Рогожина пришлось подписывать все письма, вести переговоры с покупателями, посещать их, наблюдать за кредитом покупателей, определяя их кредитоспособность, и вообще на моих плечах оказался весь внутренний распорядок по конторе. Дела оказалось много, но я не страшился и даже радовался.

Особенно мне приходилось трудно, когда Н.П. Кудрин жил в Оренбурге, а А.Л. Лосев серьезно захворал и даже не принимал никого по делам у себя в доме. От Кудрина я ежедневно получал письма, написанные на четырех и пяти страницах, и зачастую было по два, по три письма в день; одно из них он адресовал на имя правления, а другое – на мое.

Однажды, придя с Биржи в контору – в то время собрания Биржи бывали от 4 до 5 часов вечера, – я углубился в перечитывание последних писем Кудрина, чтобы не пропустить чего-либо по его запросам. Вдруг от неожиданности я вздрогнул – от голоса Лосева, стоящего

³⁵ Н.А. Варенцов не упоминает о научной и собирательской деятельности В.Н. Рогожина, ставшего впоследствии известным библиографом и историком-архивистом, членом многих научных обществ. В 1909 г. ценная библиотека В.Н. Рогожина поступила по его завещанию в Российский Исторический музей. См.: [Некролог В.Н. Рогожина] // Новое время. 1909. 10 октября; «И за строкой воспоминаний большая жизнь...»: Мемуары, дневники, письма: К 125-летию Государственного Исторического музея. М., 1997. С. 61, 72.

³⁶ *Купоны вышедшие и невышедшие* – отрезные талоны ценных бумаг (акций и облигаций), предъявляемые для получения процента или дивиденда при объявлении (выходе) срока их погашения.

³⁷ Когда мне пришлось познакомиться со Львом Николаевичем Толстым, его жена Софья Андреевна очень просила меня принять должность казначея в ее благотворительном учреждении, где она была председательницей. Я при всем моем желании оказать ей эту услугу принужден был отказать в ее просьбе, благодаря чему у нас произошло охлаждение в отношениях⁶⁵⁷.

⁶⁵⁷ Софья Андреевна Толстая с января 1900 по февраль 1902 г. была попечительницей приюта для беспризорных детей в Москве (см.: Толстая С.А. Дневники. М., 1978. Т. 2. С. 458—459, 593). О знакомстве мемуариста с Л.Н.Толстым и его женой именно в этот период свидетельствует фотография писателя с его подписью-автографом и датой «1 октября 1900 г.», подаренная Н.А. Варенцову и хранящаяся ныне у его потомков в Москве.

перед моим столом: «Здравствуйте, Николай Александрович, наконец мне доктора разрешили выйти! Вы читаете письма от Николая Павловича? Дайте мне их прочесть, что он там пишет?»

У меня вся кровь бросилась в голову, лицо вспыхнуло, как красный мак... я не знал, что делать, как быть. В этом письме на имя правления Н.П. Кудрин между деловых изложений позволил себе ругательски ругать А.Л. Лосева, уверяя, что он скоро подохнет и туда ему дорога; все эти и другие вставки, касающиеся Лосева, были крайне циничны и непристойны. Предполагаю, что Кудрин писал о Лосеве в письме к правлению, зная, что он не бывает в правлении из-за болезни, о чем я ему своевременно сообщал.

Я был поставлен в весьма неприятное положение требованием Александра Лукича дать ему прочесть письма. Если бы я дал ему прочесть, то, несомненно, получился бы большой конфликт: Лосев оставил бы должность директора, но весьма было бы нежелательно потерять такого умного и полезного человека в деле.

Я, еще более краснея, потупив глаза, ответил ему: «Позвольте мне прочесть письмо вслух, так как в этом письме имеются личные дела, касающиеся только меня; все, что касается меня, я выпущу, а что касается дела, я вам прочту».

Лосев посмотрел на меня своими злыми, стальными глазами и тихим, шипящим голосом проговорил: «Странно, в деловых письмах о личных делах писать не допускается!» Сухо простился и вышел из комнаты. Этот мой поступок Лосев не мог простить всю жизнь, хотя с виду был любезен и официально корректен. И имею основание предполагать, что он в одном деле, интересном для меня, повредил.

А.Л. Лосев и некоторые другие пайщики неоднократно указывали Кудрину на необходимость ему побывать в Азии, лицу, стоящему во главе дела и ни разу не побывавшему там. Кудрину ехать не хотелось, но замечания пайщиков он считал основательными, и ему пришлось поехать. Вся его поездка по Средней Азии продолжалась месяца три с чем-то. Срок весьма короткий для такой поездки, когда пришлось ехать на лошадях от Оренбурга до Ташкента, проехать всю Сырдарьинскую область, Фергану, бухарские владения и Туркмению до Асхабада.

Вернувшись оттуда, он был еще более очарован Азией и предстоящей ей будущностью. Почти во всех городах, где он останавливался, накупил недвижимостей для контор, амбаров и хлопкоочистительных заводов.

В Ташкенте познакомился с великим князем Николаем Константиновичем, сосланным туда государем за покражу фамильного бриллиантового кольца у своей матери. Великий князь всучил ему какую-то свою недвижимость стоимостью в 75 тысяч рублей, от которой правление потом не знало как отделаться.

В Бухаре был принят эмиром³⁸, одарившим его разными подарками и, кроме того, подарившим 1000 десятин необработанной земли при впадении в Амударью какой-то горной речки (земля находилась в сорока верстах от города Чарджуя), но с условием, что она должна быть орошена в течение известных лет. Кудрин оценивал стоимость этой земли в миллион рублей.

Первое общее собрание пайщиков после возвращения из Средней Азии Кудрина отличалось многолюдством. На нем присутствовали почти все пайщики; всем была охота послушать Николая Павловича об этом малознакомом крае и о предполагаемом развитии там дел Товарищества.

Кудрин был в особом ударе, он превзошел себя. Все присутствующие с большим вниманием и напряженностью ему внимали, боясь пропустить слово. Описывая край с его богатствами, он как бы затрагивал в душах присутствующих слабую струнку купечества – алчность.

---

³⁸ Эмир Бухары – административный глава и духовный вождь (халиф) мусульман вассального России Бухарского ханства (эмирата). Обладал неограниченной властью во внутреннем управлении страной (на основе шариата и адатного (обычного) права), но не мог иметь самостоятельных сношений с другими государствами. С 1885 по 1910 г. эмиром Бухары был Сеид-Абдул-Ахад-хан.

Он говорил: громадные количества пустопорожней земли, с лёссовым наслоением в несколько саженной глубины, ждут только орошения из протекающей многоводной реки Сырдарьи, чтобы превратить эти земли в рай земной. Ему приходилось проезжать по этой земле, называемой Голодной степью, в первые теплые дни после зимы, когда земля была напоена влагой. Степь ожила: наполнилась чудной растительностью, пахучими красивыми цветами, с массой птиц, животных и насекомых. Воздух наполнился благоуханием и пением, все ожило и радовалось. Но продолжалось это чудо короткое время. Жгучее солнце скоро отняло у земли зимнюю влагу, и все поблекло и умерло до следующего года. Если оросить Голодную степь, то на ней можно посеять столько хлопка, что не только он удовлетворит нашу промышленность, но еще можно будет вывозить хлопок за границу. Кроме хлопка Средняя Азия может дать громадное количество сырца шелка, каракуля, кожи, шерсти, сала и разных минералов, признаки которых везде имеются.

Его рассказ об Азии продолжался довольно долго, и его увлечение передалось присутствующим, которые слушали, затаив дыхание, и по окончании его благодарили за понесенные им труды.

Недоброжелатели Кудрина, Лосев и Колесников, старались вставлять свои едкие замечания по поводу особого его увлечения, но успеха среди других пайщиков не имели, и они замолкли.

После собрания состоялся ужин в ресторане «Континенталь»³⁹ с тостами и речами, даже один из выдающихся купцов проплясал «Камаринскую» на столе.

Общим собранием пайщиков все его приобретения в Азии были одобрены и утверждены. На другой день после общего собрания пайщиков в правлении дело закипело: начались проектирование построек домов, заводов, набор служащих. Старший персонал был приглашаем Н.П. Кудриным, мне же был поручен наем служащих на мелкие должности, таковых было весьма трудно находить, так как в то время желающих ехать туда было мало.

Кудрин понимал, что найти опытных и хороших агрономов для работы на земле, подаренной Товариществу эмиром, было чрезвычайно трудно. Кто согласится ехать в глушь, с изобилием хищников, тигров, рысей, кабанов и других тому подобных, с ближайшим расстоянием от жилья в сорок верст? Ему пришла мысль найти среди молодежи, оканчивающей в этом году курс в Петровской земледельческой академии⁴⁰, находящейся близ Москвы в местечке Петровско-Разумовское. Куда он и поехал, предложив мне с ним прокатиться вместе.

В то время в академии был директор г-н Юнг⁴¹, известный тем, что по профессии был глазным врачом, а по протекции попал в директора высшего агрономического заведения. К нему Н.П. Кудрин и направился. Г-н Юнг принял нас довольно сухо и, когда отрекомендовались, указал на стулья, но руки не протянул.

Николай Павлович изложил ему цель нашего посещения, с указанием значения в будущем этого дела для государства. Причем когда он все это говорил, то не стеснялся величать его «Вашим Высокопревосходительством». Я пристально смотрел в лицо директора, предполагая, что таковое неподобающее ему титулование не будет ему приятно, но, к моему удивлению, лицо Юнга сделалось гораздо любезнее и он посматривал на нас с большим доброжелательством. Выразил полное согласие приискать между оканчивающих студентов достойных людей, готовых поработать ради идеи. Проводил нас до передней и на прощание крепко жал нам руки.

---

³⁹ Ресторан «Континенталь» размещался в доме № 5 на Театральной площади в Москве (здание не сохранилось).

⁴⁰ Петровская земледельческая и лесная академия была основана в 1865 г. Московским обществом сельских хозяев, в 1873 г. стала государственным учреждением. В 1894 г. преобразована в Московский сельскохозяйственный институт, ныне Тимирязевская сельскохозяйственная академия.

⁴¹ Правильно – Юнге.

Едучи обратно в Москву, я сказал Кудрину: «Я думал, что директор на вас обидится: вы его высоко титуловали!» – «Нет, – ответил Кудрин, – чиновники на это не обижаются, они об этом мечтают!»

Присланные агрономы оказались лучше, чем мы могли ожидать (один из них имел диплом доктора и диплом агронома), и ехали в Среднюю Азию с большим удовольствием и увлечением.

Среди молодежи, приглашаемой мною на должности конторщиков, приемщиков, был взят Голиков, лет ему было двадцать с чем-нибудь, довольно высокого роста, с прыщавым лицом, красным носом, с плохим серым цветом лица, – словом, красотой не блистал!

Через несколько дней после его отъезда в Оренбург получили письмо оттуда из конторы, в котором доверенный сообщает, что еще Голиков не приехал в Оренбург, как местный полицмейстер⁴² вызвал внезапно его к себе и строго приказал: как только явится Голиков в контору за деньгами для дальнейшего путешествия в Азию, то немедленно его препроводить к нему, что было исполнено. Оказалось, что этот молодой человек увлек с собой молодую красивую барышню, дочку известного биржевого маклера Петра Гавриловича Кречетова. Роман у них начался с какого-то любительского спектакля. Барышню эту я знал по даче, где мы жили рядом с ними. Она была красивая брюнетка, с великолепным цветом лица, хорошо сложенная, и только можно было удивляться, как она могла влюбиться в этого «глиста», как он был назван кем-то по уходе его из правления с подписанным договором. Огорченный отец, узнав об их отъезде в Азию, обратился к московскому обер-полицмейстеру⁴³ с просьбой задержать его дочку в Оренбурге, с возвращением обратно в Москву.

Какие меры были приняты оренбургским полицмейстером с целью разъединить влюбленных, мне неизвестно, но Голиков уехал в Азию, а она в Москву. Но это событие произвело между скромными провинциальными тружениками оренбургской конторы большую сенсацию.

ГЛАВА 5

Вскоре после общего собрания пайщиков Н.П. Кудрин собрался ехать в Петербург для передачи письма от великого князя Николая Константиновича его матери великой княгине Марии Павловне, врученного ему великим князем с поручением передать лично в руки матери. Все письма великого князя проходили через руки генерал-губернатора⁴⁴, прочитывались, а ему было нужно ей написать, чтобы все осталось между ними, не попадая в цензуру. Г.К. Гофмейстер взялся сопровождать Кудрина в Петербурге, так как отлично понимал, что добаться Кудрина к великой княгине без солидной протекции не придется. Гофмейстер познакомил Кудрина с Долгоруковым и, как я уже писал, с Воронцовым-Дашковым, а через них и со всей царской семьей, после чего ему доставить письма к великой княгине Марии Павловне не было трудно.

Эта первая поездка Кудрина в Петербург была очень долгая; вернувшись в Москву, где пробыл несколько дней, он опять уехал в Петербург. По случаю его долгих отлучек все текущее дело легло на мои плечи, и мне пришлось окупаться в дела с головой.

Продажей хлопка занимался я, но для продажи других товаров, как-то: шелка-сырца, сырнка, шерсти, кожи, каракуля – был бухарец Хусейн Шагазиев. Ему было лет около пятидесяти, роста был небольшого, имел выпуклый упрямый лоб, с жидкой растительностью на лице, скуласт. Одевался по-европейски, на голове носил чаплашку⁴⁵. Вид у него был щеголе-

---

⁴² Полицмейстером в Оренбурге был тогда Николай Васильевич Одинцов.

⁴³ Этот пост занимал в то время Евгений Корнильевич Юрковский.

⁴⁴ Туркестанским генерал-губернатором с 1884 по 1889 г. был Николай Оттонович Розенбах.

⁴⁵ Чаплашка – круглая шапочка из ткани, наподобие ермолки или тюбетейки.

ватый: в галстук булавка с большим бриллиантом, на указательном пальце перстень с таким же бриллиантом, на жилете висела толстая золотая цепочка с брелоками. По-русски говорил довольно хорошо, с небольшим акцентом. Был о себе большого мнения и не любил, когда ему в его делах приходилось делать замечания, даже в очень мягкой форме. Когда был доверенным В.Н. Рогожин, мне неоднократно приходилось слышать, как Шагазиев на него покрикивал и ни во что его не ставил. Происходило это оттого, что он считался лучшим специалистом по каракулю и ему бухарцы чрезвычайно доверяли и его любили. Когда малокультурный азиат почувствует, что его считают необходимым лицом в деле, то с таким весьма трудно иметь дела и неприятно: он делается как лошадь без узды.

Когда Шагазиев попал первый раз в Москву, то кто-то вздумал свести его на балет в Большой театр. Это зрелище его ошеломило, как он мне сам рассказывал: сотни красивых полураздетых женщин, изящно танцующих под аккомпанемент чудной музыки, поражающий блеск от освещения, от нарядных дам, с угнетающим запахом духов. Все это вскружило ему голову, он схватил ее руками, предполагая, что сошел с ума: ведь это чистая иллюзия магометанского рая с гуриями⁴⁶! Этот спектакль решил его участь. Он бросил Бухару, семью и навсегда поселился в Москве. Сначала занимался маленьким комиссионерством, водя своих соотечественников по фабрикантам в качестве переводчика, потом начал продавать каракуль, научился в нем разбираться и наконец попал к Кудрину в приказчики с жалованьем 6 тысяч рублей в год.

Тратил большие деньги на женщин, имел красивых и нарядных жен-дам.

Однажды он пригласил меня обедать. Хозяйка была молодая, красивая, усыпанная дорогими бриллиантами, держала себя скромно и солидно. Было заметно, что она на него имела большое влияние и он ей ни в чем не отказывал. Не прошло после этого обеда месяца, как мне пришлось услышать: Шагазиев по каким-то своим делам должен был уехать из Москвы на несколько дней, во время его отсутствия жена его покинула, увезя всю обстановку и все бриллианты. Сначала он убивался, но скоро утешился другой, такой же красивой и молодой.

Ведя такую жизнь, нужно было иметь много денег, а потому получаемое жалованье и другие его заработки навряд ли могли покрыть эти траты на красивых дам. Естественно, я начал вникать в его дела с особой внимательностью, но делал это с крайней осторожностью из-за боязни ухода его из Товарищества: другого опытного продавца было трудно найти; знал, что Кудрин им дорожит.

Как-то разговаривая с Кудриным, я ему высказал по этому поводу свои сомнения относительно Шагазиева, на что он мне ответил: «Дорожить Шагазиевым не следует, а потому не считайтесь с ним особенно; он желает открыть свою торговлю и ведет переговоры с Шимко и Зыбиным». Эти слова Николая Павловича развязали мне руки для более самостоятельного действия.

Сезон с товарами, находящимися под заведованием Шагазиева, кончался, вследствие чего у меня с ним и не могли быть особые недоразумения, но я принял со своей стороны некоторые меры, чтобы по возможности изучить товары и поближе познакомиться с покупателями, для чего взял за правило по возможности чаще посещать амбар, где складывался товар и происходила продажа. Мои частые посещения не особенно были приятны Шагазиеву, он относился ко мне в довольно небрежном тоне, стараясь по возможности игнорировать меня. С весны 1888 года начал подходить в большом количестве хлопок-сырец. Имевшийся амбар, больших размеров, на Ильинке в Старом Гостином дворе⁴⁷ был переполнен сверху донизу, пришлось снять другой такой же рядом, и он быстро наполнился шелком. В начале прихода шелка цена ему стояла 400 рублей с чем-то за пуд, но, ежедневно понижаясь, дошла наконец до 100 рублей.

⁴⁶ *Гурии* – девы, услаждающие, согласно Корану, мусульман-праведников в раю.

⁴⁷ *Старый Гостиный двор* на ул. Ильинке был сооружен в 1791—1805 гг., перестраивался в 1830 г. Крупнейший торговый центр Москвы в XIX в.

Даже мне – неопытному и мало сведущему в торговле – бросалась в глаза такая ненормальность и неумение (а вернее – желание повредить Товариществу) со стороны Шагазиева избежать такого быстрого понижения цены. Покупатели, видя громадный приход шелка, не спешили им запастись, предпочитая покупать ежедневно небольшими партиями, в размере дневной их потребности, причем ежедневно выторговывая по пяти и десяти рублей в пуде.

Я заметил Шагазиеву, что продавать шелк по такой убыточной цене невозможно, нужно для этого принять какие-нибудь меры. И это мое замечание уже довело его до белого каления; он покраснел, с пеной у рта начал уверять меня, что ему, опытному и почтенному продавцу, не приходится учиться у молодых людей, еще ничему не научившихся, что замечания мои его оскорбляют и он уходит из Товарищества; предполагаю, что он выбрал время для ухода из Товарищества самое удобное для себя, так как это случилось вскоре после кончины Н.П. Кудрина и будучи уверен, что я не справлюсь с делом. К Шагазиеву мне придется в будущем еще вернуться в дальнейших моих воспоминаниях.

Помощником у Шагазиева был молодой татарин Мухамед-Амин Кашаев, как его называли «малайка», в переводе на русский – слуга, приказчик. Кашаев мне нравился, имел открытое, честное лицо, выглядел интеллигентным человеком, хотя был почти без образования; он при Шагазиеве работал два года, а потому я был уверен, что он в это время мог изучить дело, присутствуя с утра до вечера в амбаре. Я его и поставил вместо Шагазиева, приказав ему съездить в Кокоревское подворье⁴⁸ и снять там амбары, после чего ежедневно по окончании торговли и запоре нашими соседями своих амбаров перевозить в «Кокоревку» ежедневно по пяти—десяти кип шелка, причем строго-настрого приказал Кашаеву и артельщику Лебедеву никому о таком перемещении не передавать, даже нашему бухгалтеру, а говорить, если кто будет расспрашивать, что шелк продается, а потому и убавляется.

Было все хорошо и точно исполнено; покупатели, видя уменьшение количества шелка, начали покупать в большом количестве, а я же с каждым днем прибавлял цену и довел ее опять почти до 400 рублей.

ГЛАВА 6

По случаю продолжительных отсутствий из Москвы Н.П. Кудрина мне пришлось ежедневно посещать наших покупателей – фабрикантов-прядильщиков; из них у меня осталось особенно в памяти Товарищество Каретниковых, старая и богатая фирма, во главе которой в то время стояли двое братьев, сравнительно еще молодых людей, Иван и Степан Васильевичи Каретниковы, с высшим образованием. Они мало занимались своим делом, поручив ведение его доверенным; одно это не могло служить к преуспеянию Товарищества, и оно постепенно регрессировало. В свою лавку директора приезжали поздно и оставались там мало времени; мне однажды по какому-то делу на Нижегородской ярмарке было необходимо их видеть, и один из их артельщиков, расположенный ко мне, посоветовал: «Приходите в три часа, они в это время только пьют утренний кофе». Действительно, я в это время их застал. Между тем работа на ярмарке начиналась рано, и, когда начинало темнеть, работа руководителей дела кончалась.

Мне рассказывал Н.П. Кудрин интересный случай, бывший с ним во время его молодости, когда он работал у своего первого хозяина в Оренбурге, принужденного уехать куда-то далеко по делам, поручив Кудрину во время его отсутствия управлять делом. В это время получается от Каретникова, отца нынешних директоров⁴⁹, телеграмма с поручением купить 5 тысяч кип хлопка, с переводом для этого несколько десятков тысяч рублей. Кудрин немед-

---

⁴⁸ Кокоревское подворье, «Кокоревка» – гостинично-складской комплекс на Софийской набережной в Москве, построенный на средства В.А. Кокорева в 1862—1865 гг.

⁴⁹ Речь идет о Василии Степановиче Каретникове, отце И.В. и С.В. Каретниковых.

ленно приступил к исполнению его поручения и купил 5 тысяч кип хлопка, приблизительно 40 тысяч пудов, после чего ему телеграфировал: «5 тысяч кип хлопка купил, переводите немедленно остальные деньги для расчета». От Каретникова получил ответ: «Поручил купить 5 тысяч пудов, почему купили 5 тысяч кип?» Кудрин снял копию с его телеграммы, засвидетельствовал ее у нотариуса и послал почтой, уведомив его об этом телеграммой; как оказалось, это случилось по оплошности телеграфа.

Этот случай произошел как раз по объявлении англичанами блокады берегов Америки, во время войны Северо-Американских штатов⁵⁰. Начавшаяся блокада сильно подняла цены на хлопок, дошедшие до небывало высокой цены. Каретников, конечно, немедленно перевел все деньги за 5 тысяч кип хлопка.

Вернувшийся хозяин Кудрина послал его на ярмарку сдавать Каретникову отправленный хлопок. Кудрин, явившись к Каретникову, привез показать ему подлинную телеграмму, где значилось 5 тысяч кип, а не пудов. Каретников заключил Кудрина в свои объятия, расцеловал его и вручил ему пакет, сказав ему: «Это тебе подарочек!» В пакете лежало на 5 тысяч рублей новеньких серий с необрезанными купонами. Оказалось, что от этой ошибки на телеграфе Каретников нажил несколько миллионов рублей.

Вторая фирма, наша большая покупательница, была Товарищество Викула Морозова с сыновьями. Хозяином этой фирмы был старообрядец-беспопoveц⁵¹ Викул Елисеевич Морозов. В мое время возглавлял эту фирму как деятель некто Иван Кондратьевич Поляков, выдающийся по уму и другим своим качествам коммерсант. Поляков был высокого роста, довольно плотный, совершенно плешивый, с ясными, лучистыми глазами, невольно притягивающий к себе людей, заставляя его подчиняться; имел твердый, настойчивый характер и имел способность быстро ориентироваться во всех трудных вопросах. Карьера его началась со сторожей у ворот фабрики Викула Елисеевича; его жена Ненила Карповна в дни простоя фабрики мыла там полы и окна. Они были молодые, только что поженившиеся. Викул Елисеевич Морозов был большой любитель слушать чтение Священного писания на церковно-славянском языке, и кто-то из его старших служащих сообщил: новый молодой сторож при воротах фабрики хорошо читает, очень внятно и толково. Хозяин велел позвать Ивана. Его чтение ему очень понравилось, и он велел управляющему фабрикой поместить его в корпус на какую-то небольшую работу.

Поляков постепенно двигался все выше и выше, наконец за смертью старого управляющего был поставлен на его место, где в короткое время сумел показать себя: сравнительно неважное дело превратил в одно из передовых. После того, как В.Е. Морозов свое личное дело превратил в товарищество с правлением в Москве, И.К. Поляков был выбран директором, оставаясь в деле вплоть до передачи его Советскому правительству.

И.К. Поляков пользовался большой популярностью как среди своих конкурентов-фабрикантов, так и между своими многочисленными покупателями, имевшими к нему особое доверие. Случалось ли какое нибудь несчастье или затруднение в делах, все спешили к нему за советом, зная, что он мудро и полезно даст им его.

Многие из его покупателей, не справившиеся со своим делом по сложившимся неблагоприятным для них условиям, обращались к нему, и он их успокаивал и давал советы, которые почти всегда были в их пользу⁵².

⁵⁰ Во время гражданской войны в США 1861—1865 гг. между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом флоты Англии и Франции, поддерживавшие южан, блокировали восточное побережье США, чтобы не допустить распространения освободительного движения на их колонии и уменьшить военно-экономический потенциал северян.

⁵¹ *Старообрядцы-беспоповцы* – направление старообрядчества, не признающее преемственность священства в официальной православной церкви, прервавшуюся, по их учению, в результате церковных реформ середины XVII в.

⁵² Свидетельством обращения купцов и предпринимателей в затруднительных случаях к консультативной помощи И.К. Полякова служит, в частности, письмо, направленное ему 25 мая 1913 г. известной серпуховской фабриканткой и купчихой

Многие из недобросовестных покупателей, желая поскорее составить состояние, приходили к нему, объясняя свое тяжелое положение какой-нибудь неблагоприятной для них причиной, с просьбой получить за задолженную ими сумму вместо полного рубля 10%, другие 20, 30% и т.д. Если этого нельзя было сделать без общего собрания всех кредиторов, то просили Ивана Кондратьевича выступить в защиту их на собрании, зная, что к его голосу большинство фабрикантов прислушиваются и делают по его совету.

С годами число таких неплательщиков много увеличилось, и в большинстве случаев это были такие, которые желали бы поскорее обогатиться за чужой счет. Конечно, от Ивана Кондратьевича – большого ума и опытности человека – не могло все это скрыться, и он, преследуя личные интересы Товарищества, где он работал, начал извлекать для Товарищества пользу; так, давая обещание выступить в защиту неплательщика на собрании, он говорил ему: «Ты предлагаешь 20%, хорошо! А нашей фирме дашь 50%, тогда я буду за тебя просить, а иначе не согласен!» Понятно, большинство соглашалось на такое предложение.

Один из крупных оптовщиков мануфактурист Василий Семенович Федотов вздумал увеличить свой капитал за счет своих кредиторов, обратился к И.К. Полякову и получил от него согласие на известную скидку с тем, что тот будет поддерживать его на собрании кредиторов. Федотов успокоился, предполагая, что его дело – в шляпе, и принял при разговоре с одним из крупных кредиторов, Николаем Давидовичем Морозовым, еще сравнительно молодым человеком, довольно небрежный тон. Н.Д. Морозов, директор Богородско-Глуховской мануфактуры, талантливый, энергичный и красноречивый, выступил на собрании кредиторов как раз против предложения Полякова, с требованием назначения конкурса над делом Федотова, чтобы этим раз и навсегда отвести других неплательщиков от посягательства на деньги кредиторов⁵³. Общее собрание с доводами его согласилось, и над делом Федотова был учрежден конкурс⁵⁴.

Конкурс был проведен скоро и весьма успешно для всех кредиторов, получивших полностью свой долг, и это, кажется, было впервые в продолжение моей жизни, когда при конкурсе никто не потерял из кредиторов, но Федотов был жестоко наказан⁵⁵.

А.В. Мараевой, текстильной фабрике которой грозил финансовый крах: «...Я осмеливаюсь прибегнуть к Вам, глубокоуважаемый Иван Кондратьевич, с моей покорно смиренной и слезной просьбой, во имя Бога всемогущего прошу и умоляю Вас не отвергнуть мою просьбу, помогите, научите нас, дайте нам Ваш многоопытный совет и указание, каким путем встать на ноги. <.....> Вас, многодобрый Иван Кондратьевич, Бог умудрил и опытом великим научил <.....> и во имя Христа и пречистой Его Матери помогите, поддержите и научите нас» (ЦИАМ. Ф. 341. Оп. 1. Д. 270. Л. 14—14 об. Источник указан Е.А. Агеевой).

⁵³ Ср.: «Он (Н.Д. Морозов. – В.Л., Е.Ю.) вел суровую борьбу против отдельных попыток всякого рода злоупотреблений и бесчестностей в торгово-промышленном обиходе: неплатежей, невыполнения обязательств по контрактам, нарушения данного слова» (Бурыйшкін П.А. Москва купеческая. М., 1990. С. 120).

⁵⁴ Конкурс – управление имуществом несостоятельного должника, осуществляемое заимодавцами.

⁵⁵ В.С. Федотов представлял из себя довольно интересный тип купца, вышедшего из приказчиков и достигшего хорошего благосостояния, но корысть с желанием положить к себе в карманчик лишний миллиончик погубила его. Федотов был среднего роста, плешивый, с черными глазами, старающийся не смотреть вам в глаза; при встречах он поднимал веки, быстрым взглядом осматривал вас, сейчас же опускал их; такой же взгляд приходилось наблюдать у некоторых женщин, применяемый ими как особый род кокетства. Он был крайне нервный; когда он говорил с вами, поднимал глаза к небу, руки тоже, чтобы засвидетельствовать правоту свою, а если этого было, по его мнению, мало, он изливал слезу, бил себя в грудь. Вся его фигура, весь вид его с его жестами, слезами были какие-то неестественные, и ему особенно не доверяли, называя его за глаза Васька Федотов, говоря: «Этот Васька все-таки когда-нибудь пригласит нас на “чашку чая”». У купечества «чашка чая» означала собрание кредиторов с предложением скидки. И это мнение оказалось совершенно правильным; он своевременно, перед приглашением на «чашку чая», перевел на свою жену свои два дома, стоимость которых приблизительно была около 300 тысяч рублей, положил на ее имя в банк капитал тоже 300 тысяч рублей и был уверен, что он этим себя обеспечил на «черный день». Но оказалось, как говорят, «человек предполагает, а Бог располагает»! Когда конкурс осуществился, жена его выпроводила его из своего дома, сошлась с каким-то доктором и зажила на доходы с домов и капитала. Федотов, оскорбленный, разоренный, чтобы существовать, заделался биржевым «зайцем» и занимался комиссионерством, захаживал ко мне с разными предложениями. Однажды, во время такого прихода, он, бледный, с блуждающими от волнения глазами, войдя ко мне, сел на стул, схватив себя за голову, упал на стол и зарыдал. Рыдания его – я чувствовал всей душой – были искренние, а не лукавые, как приходилось ему проделывать раньше для получения каких-либо выгод; он действительно страдал. Вода и валерьяновые капли привели его к более спокойному состоянию, он извинился за причиненное беспокойство и рассказал: «Вам известно, что я лишился всего состояния, любимого дела, покинутый женой, но это, как ни больно было для меня, я перенес. У меня

Третьей фирмой, с которой нашему Товариществу пришлось иметь большие дела, была Реутовская мануфактура, принадлежащая миллионеру Мазурину⁵⁶. Мазурин был совершенно молодым человеком, но о нем говорили, что он отличается большими дарованиями. Делом не занимался, предоставив вести его Герасиму Сергеевичу Герасимову⁵⁷, весьма почтенному и солидному человеку, выделившемуся из среды старших работников Мазурина. Герасимов оставался в деле до конца своей жизни; вскоре после его кончины Мазурин продал свою мануфактуру за дешевую цену какому-то обрусевшему немцу⁵⁸ за миллион рублей. После моего состоявшегося знакомства с Г.С. Герасимовым, представленный ему Н.А. Найденовым, я предложил ему купить хлопка, но получил от него такой ответ: «С делом, где во главе стоит Николай Павлович Кудрин, которому совершенно не доверяю, я не желаю иметь никаких дел!»

Получив такой категорический отказ, придя в контору, передал Николаю Павловичу в мягкой форме слова Герасимова, что он никогда в Товариществе не купит хлопка, так как имеет что-то против него. На другой день на Бирже я заметил Кудрина, разговаривающего с Герасимовым, лицо которого не обнаруживало приятного расположения, и подумал: отлетит от него Николай Павлович – долго будет помнить!

В конторе я застал пишущего Кудрина, передавшего мне ордер на продажу двух тысяч кип Реутовской мануфактуре, причем добавил: «Кроме того, через две недели он купит у вас еще столько же, не забудьте!»

С этого времени Реутовская мануфактура сделалась большим покупателем кудринского Товарищества и пайщиком его, с дружеским отношением Герасимова к Кудрину. После чего я Н.П. Кудрина начал считать неотразимой сиреной.

Говоря о Мазурине, я не могу не передать того, что мне пришлось слышать об этой семье; хотя все эти воспоминания не относятся к периоду начала моей работы в Товариществе «Н. Кудрин и К^о», но я решил вставить здесь, отдельной главой, чтобы в дальнейшем не возвращаться к этому.

ГЛАВА 7

Думать, что что-либо невозможно лишь вследствие того, что оно кажется нам непонятным, есть самосомнение человеческого невежества. Поэтому нельзя отрицать возможность чуда как чего-то нам совершенно непонятного.

«Сила и материя (Kraft und Stoff)» проф. Mendsley⁵⁹.

С 1888 года по 1902 год мне приходилось бывать в правлении Реутовской мануфактуры, помещавшемся в полуподвальном этаже роскошного особняка Мазурина на Мясницкой улице⁶⁰, но за все это время ни разу не пришлось встретиться с хозяином этого дела; как предполагаю, Мазурин мало интересовался своим делом. Между тем мне очень хотелось повидать

была единственная дочка, которая была для меня дороже всего. Выдавая замуж, наградил ее пятьюдесятью тысячами рублей, столько же дал ей бриллиантов и приданого; когда бы она ни приходила бы ко мне, я всегда дарил что-нибудь, спрашивал ее: «Не нужно ли чего тебе?» Она для меня была радость и любовь, я жил для нее, и она была для меня все! Идя к вам у Ильинских ворот, я вижу ее идущую мне навстречу. Можете представить мою неожиданную радость! Я спешу к ней... она же, увидав меня, повернула в сторону, сделав вид, что не желает со мной говорить. Это было уже сверх сил моих!» Вскоре после этого случая он скончался.

⁵⁶ Главным пайщиком и председателем правления Товарищества Реутовской мануфактуры с 1880 по 1902 г. был Константин Митрофанович Мазурин.

⁵⁷ Правильно – Григорию Сергеевичу Герасимову.

⁵⁸ В 1902 г. правление Товарищества Реутовской мануфактуры возглавил Людвиг Артурович Рабенек.

⁵⁹ Сведений о профессоре Mendsley и его работе «Kraft und Stoff» обнаружить не удалось.

⁶⁰ Особняк К.М. Мазурина располагался в современном домовладении 31—33 по Мясницкой ул. (не сохранился) (сообщено Н.А. Филаткиной).

Мазурина и познакомиться с ним, из-за рассказов моей матушки о родоначальнике этой семьи, с которого началось особенное денежное благополучие этой фамилии.

Этот жуткий рассказ мне пришлось много раз слышать еще с самого раннего детства, и он удержался у меня в памяти до глубокой старости. Кроме того, что я слышал от своей матушки, мне пришлось от одного моего знакомого получить печатную брошюру⁶¹, где описывалось все то же, но с большими подробностями, кончавшееся смертью этого Мазурина⁶². Я постараюсь рассказать, как это у меня сохранилось в памяти.

Матушка относила это событие к 1845 году⁶³, когда ей было тринадцать лет. Она была взята родителями на это необычайное зрелище на улицу Покровку, где жил Алексей Мазурин, которого вели из дома в Казанский собор⁶⁴ для принесения клятвы в правоте своих показаний на суде.

Покровский дом Мазурина находился рядом с церковью Воскресения в Барашихах⁶⁵, известной тем, что императрица Елизавета после своего венчания с графом Разумовским в селе Перове приехала в церковь Воскресения в Барашихах и отслужила благодарственный молебен. По случаю этого события на церкви была водворена глава в виде короны с крестом, которая была снята во время революционного времени в 1932 году и церковь упразднена.

Двухэтажный особняк Мазурина стоял в глубине большого двора, сзади его находился сад, а по бокам двора размещались флигели для жилья приказчиков и амбары для склада товаров⁶⁶.

Дом этот был продан Мазуриными приблизительно в 1888—1890 годах моему знакомому, сибирскому купцу Евстафию Ефимовичу Емельянову, который изменил ему вид некоторыми пристройками и украшениями. До этого он был мрачного вида, окрашенный в желто-грязноватый цвет.

Мазурина считали за умного и предприимчивого купца, пользующегося известностью среди московского купечества; особенно с ним дружил один богатый грек (фамилию забыл, но Н.П. Сырейщиков, любитель хроники из жизни московского купечества, мне называл Баюкли⁶⁷), занимающийся скупкой сибирских мехов, продавал их в Лондоне и, кроме того, торговал жемчугом, бирюзой и другими драгоценными цветными камнями, привозимыми из Индии. Дружба Мазурина с греком с каждым годом укреплялась, и они решили побрататься между собой, то есть поменяться крестами, надетыми на них во время крещения, и после чего считали себя родными братьями. Начиная какое-нибудь дело, всегда советовались друг с другом и в тяжелые годы поддерживали взаимно деньгами.

Грек, скупивший достаточное количество мехов, собирался поехать в Лондон, а оттуда поехать в Индию для пополнения своего ассортимента драгоценных камней, зашел перед отъездом к Мазурину с просьбой взять на хранение его драгоценности, коих у него было на зна-

⁶¹ Эту брошюру отыскать не удалось.

⁶² Речь идет об Алексее Алексеевиче Мазурине.

⁶³ Описываемое событие не могло относиться к 1845 г., т.к. один из главных его участников, А.А. Мазурин, умер в 1834 г. Скорее всего, мемуарист в описании событий, связанных с клятвопреступлением А.А. Мазурина, опирался не на рассказ матери, а на воспоминания бабушки (может быть, в пересказе своей матери).

⁶⁴ *Казанский собор* на Никольской ул. был построен в 1612 г. и освящен в 1636 г., закрыт в 1930 г. и разрушен в 1936 г. Восстановлен на прежнем месте в 1995 г.

⁶⁵ Храм *Воскресения Христова «в Барашихах»*, на углу ул. Покровки и Барашевского пер., был построен в 1733—1734 гг., закрыт в 1929 г., колокольня и купольное завершение разобраны в 1932 г.

⁶⁶ Усадьба А.А. Мазурина во второй четверти XIX в. располагалась на месте современного дома № 34 по ул. Покровке и домов № 2—6 по Лялину пер. См.: ЦАНТД. Яузская часть. Д. 202.

⁶⁷ В купеческом мире Москвы был известен нежинский грек И.Д. Буюкли (не Баюкли), ровесник А.А. Мазурина. В своих неопубликованных воспоминаниях о семье Мазуриных П.М. Юдина называет фамилию другого грека-купца – Ашкенази. См.: *Филаткина Н.А.* Мазурины (по страницам неизданных мемуаров) // *Московский журнал*. 1997. № 6. С. 24.

чительную сумму, опасаясь оставлять их в своем деревянном доме в Успенском переулке⁶⁸, говоря: «Избави Бог, пожар!.. все сгорит, а у тебя дом и амбары каменные, хорошо охраняемые, да, кроме того, жена моя сравнительно молодая женщина, чего не бывает... все возможно, увлечется и может растратить!»

Мазурин с охотой согласился исполнить его просьбу.

В день отъезда грек привез ларец, наполненный драгоценностями, и передал их Мазурину в его кабинете в присутствии его десятилетнего сына, случайно пришедшего к отцу.

Кроме того, грек, вручая ларец, передал Мазурину сумму денег, по его мнению, достаточную на прожитие его жене с двумя дочерьми в течение двух лет, говоря: «Я рассчитываю совершить поездку в год, но, может быть, задержусь, так на всякий случай даю на два, чтобы моя семья ни в чем не нуждалась за мое отсутствие». Трогательно простились, и грек уехал.

Греку благополучие сопутствовало во всех делах: в Лондоне меха продал по высокой цене, нашел скоро отходящий корабль в Индию, в Индии накупил подходящие драгоценности, сел на корабль для обратного путешествия в Лондон.

Но вскоре счастье ему изменило: корабль попал в сильный шторм, понес аварию и пошел со всеми людьми и товарами ко дну. Спасшихся было мало, но одним из них оказался грек, уцепившийся за какой-то обломок корабля, с которого был снят – в бессознательном состоянии – на корабль, идущий из Европы в Индию. Его, еле живого, доставили в какой-то порт и поместили в больницу, после долгого пребывания в больнице был выпущен и очутился на воле без средств и знакомых. Принужден был обратиться к английскому консулу с просьбой отправить его в Россию, но получил отказ, после чего побывал у всех консулов других государств и везде получил отказ.

К его благополучию, во французском консульстве был назначен новый консул, к которому он обратился, уверяя его, что он богатый человек и все расходы по его проезду и содержанию будут уплачены по возвращении в Россию. Лицо грека консулу показалось симпатичным и рассказ его правдоподобным, и он дал ему возможность выехать на корабле, идущем во Францию, откуда он через русское посольство перебрался в Москву.

Грек, прибывший в Москву, откуда он выехал более трех лет назад, поспешил в свой дом на Покровке, в Успенском переулке. Увидел, что дом сгорел, остались горелые стены и разрушенные печки. Пошел к своему приходскому священнику, но не застал дома, тогда зашел к псаломщику. Псаломщик, увидав вошедшего грека, сильно перепугался, счел за призрак и с испуга начал креститься и читать заклиняющую молитву, но греку в конце концов удалось успокоить перепуганного псаломщика, убедив его, что он не выходец из загробного мира, после чего псаломщик рассказал, что его считали давно умершим и церковь молится за упокой его души. Его жена и дочери живы, живут на Швивой горке⁶⁹, открыли прачечную, трудами своих рук добывают себе на прожитие; после того, как дом его сгорел через два года после его отъезда, оставленные им Мазурину деньги были израсходованы и он дальше отказался давать.

Отправился к жене, подтвердившей все сказанное псаломщиком.

Грек, возмущенный поступком побратима, пошел к нему. Войдя в кабинет, увидел сидящего Мазурина за письменным столом, что-то читающего. Мазурин поднял глаза, увидел стоящего перед ним грека, от неожиданности вскрикнул.

Не сомневаюсь, что у Мазурина в голове блеснула, как молния, мысль: сознаться!.. но это не укрепит старую дружбу, потерянную навсегда; так не лучше ли сказать, что никаких ценностей не брал, и они останутся у него навсегда, а притом они так хорошо и выгодно им пристроены.

---

⁶⁸ Большой Успенский пер. на ул. Покровке (ныне Потаповский пер.).

⁶⁹ Швивая горка – в XIX в. окраинный район Москвы, крутой холм у впадения р. Яузы в Москву-реку.

Произошел крупный разговор, кончившийся тем, что Мазурин сорвал с себя крест и швырнул его в грека со словами: «После твоих вымогательств и лжи я тебе не брат!»

Начался судебный процесс. Грек показал, что он привез Мазурину ларец с драгоценностями и вручил ему при его малолетнем сыне. Вызванный сын показал: ларец он видел, но, что в нем было, ему не известно.

Дело тянулось долго, прошло все инстанции, и, понятно, оказался тот прав – по суду того времени, – кто богат и силен. После проигрыша греком дела Мазурин привлек его в свою очередь к суду за вымогательство. И суд бывшего друга Мазурина присудил в тюрьму. Мазурин был уверен, что ему оттуда уже не выбраться.

В этом году была назначена Николаем I ревизия московских тюрем. Производил ревизию какой-то генерал-адъютант, назначенный лично государем. Обходя тюрьму, генерал расспрашивал некоторых заключенных, имевших жалобу, и таким образом греку удалось подробно рассказать все свое дело, причем он сказал: «Я знаю, что пересмотр моего дела вторично не может быть, но я бы был совершенно доволен, если Мазурина заставят принять клятву перед крестом и св. Евангелием, что он ларца с драгоценностями не брал; если он это исполнит, я готов остаться в тюрьме на всю жизнь».

Грек, с его исстрадавшимся лицом, умными и добрыми глазами, генералу понравился, и он обещал доложить о его деле государю и сообщить его просьбу.

При докладе государю генерал исполнил просьбу грека, причем указал, что он своим видом внушает доверие и не похож на вымогателя. Резолюция государя была такова: грека из тюрьмы освободить, а Мазурина привлечь к принесению клятвы перед крестом и св. Евангелием, что он драгоценности не присваивал.

Распоряжением московского начальства принесение клятвы было обставлено чрезвычайно торжественно. В двенадцать часов ночи Мазурин должен выйти из дома босым, одетым в саван, перепоясанный веревкой, со свечой из черного воска в руке. Перед ним шло духовенство в черных ризах, несли крест и св. Евангелие; это шествие по бокам сопровождал ряд монахов в мантиях, тоже со свечами в руках. Находящиеся по пути следования церкви печально пере-званивались, как это обыкновенно делалось во время перенесения праха священника на место постоянного упокоения.

Путь шествия был по Покровке, Маросейке, Ильинке, Красной площади до Казанского собора.

Это картинное зрелище – борьбы житейских выгод мира с чувством совести – было чрезвычайно тяжелое и потрясающее; многие слабонервные плакали.

Площади и тротуары были усыпаны народом, собралась смотреть вся Москва.

Мазурин шел бледный, утомленный, с потупленными в землю глазами.

В соборе священник сказал слово, предупреждая Мазурина о страшном гневе Божьем на клятвопреступников, могущих ожидать кары Божьей не только в будущем мире, но она может последовать здесь, на земле. Просил приступить к клятве с полным сознанием святости совершаемого.

Мазурин поклялся, что ценностей не присваивал, и немедленно уехал в ожидавшей его карете.

Вскоре после этого грек серьезно захворал. Предчувствуя близость смерти, он попросил одного из своих друзей сходить к Мазурину и передать ему, что он умирает. Он от него ничего не ищет и ничем житейским не интересуется, а лишь имеет одно желание: умереть истинным христианином, примириться со всеми, чтобы уйти отсюда без злобы и ненависти и не оставить у других такого же чувства. Мазурин не поехал. Грек скончался.

Друзья Мазурина советовали поехать на похороны, говоря: «Тебя осудят, если не поедешь, ты был долгое время с ним дружен!»

Мазурин приехал на отпевание. В конце отпевания, когда все близкие подходили к усопшему и прощались, при трогательном пении молитвословия, бьющем по нервам мотивом: «Зряще безгласна... и целуйте мя последним целованием...», Мазурин тоже подошел к гробу и нагнулся, чтобы поцеловать руку покойника. Случилось очень редкое явление: в трупе получился разрыв артерии, обыкновенно сопровождающийся сильным шумом, наподобие шума от разорвавшейся бутылки, наполненной жидкостью с газами. Мазурин как-то неестественно откатнулся, бледный, с блуждающими глазами выбежал из церкви. Домой вернулся уже сумасшедшим человеком, оставшимся до конца жизни таковым.

Вскоре умер и Мазурин. На похороны собралась масса народа, и невольно бросалось в глаза надетое покрывало с половины лица от носа покойника, чего обыкновенно не бывает. Оказалось, что пришлось это сделать по необходимости из-за выпадения языка наружу. Цвет его был темно-синий, размером громадный. Видевшие труп Мазурина без покрывала вспоминали об этом с трепетным ужасом. Народная молва приписывала тяжелую болезнь Мазурина и его ужасную смерть Божьему наказанию за его проступок и утверждала, что весь его род до седьмого колена понесет наказание.

Моя трудовая жизнь, начавшаяся с двадцатитрехлетнего возраста, проходила между крупным московским купечеством, где в среде их встречались отроки из семьи Алексея Мазурина. Естественно, меня интересовали эти семьи как могущие в некоторой степени подтвердить народное поверье, что проступки предков против законов духовного мира бывают наказуемы до седьмого колена.

Все, что мне пришлось слышать и видеть, расскажу здесь.

В 1865 году было большое на шумевшее уголовное дело: один из потомков А. Мазурина убил на своей квартире в своем доме по Златоустинскому переулку (потом этот дом был куплен Бахрушиными) купца бриллиантами и ограбил его.

Убийство было произведено Мазуриным в тот вечер, когда его сестра Варвара Федоровна бракосочеталась с известным московским купцом Михаилом Андреевичем Чернышевым; после венчания был многоядный бал. В то время, когда гости встречали в зале второго этажа новобрачных с бокалами шампанского, поздравляя их, в первом этаже брат невесты разрезал труп убитого им купца на части, пряча их в сундук. Преступление открылось⁷⁰. Мазурина судили и приговорили к смертной казни.

Казнь должна была происходить на Калужской площади. Лица, ходившие смотреть на ожидаемую казнь, видели мать убийцы⁷¹, сопровождавшую всю дорогу своего сына, сидящего на телеге спиной к лошадям, с прикрепленным на груди плакатом с указанием его проступка. Мать шла с потупленными в землю глазами. С этого дня она никогда и никому не смотрела в глаза, вплоть до своей смерти.

Смертная казнь после прочтения приговора была заменена наказанием плетью и ссылкой на каторжные работы.

Во времена моего детства в моей семье был постоянным врачом Юлий Петрович Гудвилович, навещающий нас даже тогда, когда никто не хворал; приглашаемый к чаю, он почти всегда рассказывал о разных случаях, бывших с ним в жизни. Он рассказывал о семье Мазуриных, где он тоже был домашним врачом, и знал убийцу еще с детства. Однажды тот захворал

---

⁷⁰ Убийство ювелира Ильи Калмыкова Василием Федоровичем Мазуриным, внуком А.А. Мазурина, произошло 14 июля 1866 г. (а не в 1865 г., как утверждает автор) в день помолвки его сестры, в доме Мазуриных в Большом Златоустинском пер. (д. 4/7, не сохранился). В.Ф. Мазурин пригласил к себе Калмыкова, чтобы сговориться с ним по поводу выкупа заложенных им у одного ростовщика фамильных бриллиантов. Когда ювелир пришел к нему с крупной суммой денег для выкупа, Мазурин убил его, ограбил и труп спрятал в пустом помещении магазина на первом этаже здания. Через 8 месяцев преступление было раскрыто, Мазурин был судим и приговорен к смертной казни, замененной 15 годами каторги. Этот трагический случай нашел отражение в романе Ф.М. Достоевского «Идиот». См.: *Филаткина Н.А.* Указ. соч. С. 27—28; *Дороватовская-Любимова В.С.* «Идиот» Достоевского и уголовная хроника его времени // Печать и революция. 1928. № 3. С. 31—53.

⁷¹ Матерью осужденного была Александра Васильевна Мазурина, урожд. Перлова.

какой-то серьезную болезнью, которая все осложнялась и ухудшалась. Гудвилович посоветовал родителям созвать консилиум, боясь на себя одного брать ответственность. Консилиум состоялся из нескольких известных докторов, возглавляемых профессором. Консилиум определил безнадежность больного мальчика и приговорил к неминуемой смерти. Профессор, уезжая и видя состояние матери, посоветовал Гудвиловичу не покидать дом Мазуриных, чтобы можно было бы подать первую помощь ей в случае, если мальчик скончается.

Профессор и доктора, понятно, скрыли от матери свое определение, но она поняла, что должна лишиться сына, побежала в свою спальню, бросилась на колени перед иконой с горячей молитвой о сохранении жизни ребенка. В экстазе она видит – как бы во сне: святой, изображенный на иконе, вышел и говорит: «Не проси Господа о сохранении ему жизни, много он принесет горя тебе и другим!» Она с сильным порывом чувств прокричала: «Я готова на мою голову принять все страдания, но умоляю Бога оставить ему жизнь!» Был ответ: «Будь по-твоему!»

Гудвилович, сидя у постели страдающего мальчика, заметил в его здоровье перемену: мальчик начинает ровно дышать, хрип, выходящий из груди, прекращается, и больной засыпает. Доктор прикладывает руку к голове: жар уменьшился, пульс бьется правильно.

О результате своих наблюдений он спешит сообщить матери, посылая няньку, чтобы она привела ее сюда. Нянька находит мать распростертой на полу перед иконой в бессознательном состоянии. Приведенная в сознание, после того как доктор поведал ей, что у сына ее перелом болезни и имеется надежда на выздоровление, мать в безумной радости рассказывает всем присутствующим о своем видении.

Когда с Мазуриным случилось несчастье, Гудвилович рассказал об этом моей матушке.

Гудвилович был поляк-католик. После случая с Мазуриным он стал посещать ежегодно Троице-Сергиевскую лавру, где перед мощами св. Сергия Преподобного совершал молебен и ставил свечу в рубль, как сам об этом рассказывал. Из чего я заключил, что явившийся матери Мазурина угодник был св. Сергей Радонежский, считающийся в семье Мазуриных их покровителем, и они всегда особо его почитают.

Я в компании с А.Н. Дунаевым, Ф.Н. Щербачевым и Р.В. Живаго приблизительно в 1907 году летом отправился в имение Максимильяна Васильевича Живаго, находящееся в нескольких верстах от станции Подсолнечной Николаевской железной дороги.

Встретивший нас хозяин был весьма возбужден и расстроен, объяснив свое состояние тем, что ему сейчас сообщили из имения Мазурина, соседнего с ним, о лишении себя жизни хозяином, зарезавшимся тарелкой, переломленной им пополам. Этот Мазурин⁷² (имя и отчество забыл) страдал манией самоубийства, уже неоднократно старался привести в исполнение свою мысль. В предупреждение этого в его комнате все стены были обиты толстым английским сукном, подбитым слоем ваты, чтобы не дать ему возможности с разбега разбить голову. Твердую пищу давали мелко нарезанной, чтобы он мог есть ее ложкой, и во всем остальном были приняты таковые же меры. Кто мог думать, что тарелка окажется орудием самоистребления!

Как-то зайдя к своей знакомой М.Н. Васильевой, застал у нее в гостях даму, с которой она меня познакомила, назвав ее фамилию – Юдина Пелагея Михайловна, причем прибавила, что она дочка Михаила Андреевича Чернышева, а мать ее – Варвара Федоровна, урожденная Мазурина.

Завязался общий разговор о Мазуриных; хозяйка, зная, что я интересуюсь этой семьей, обратилась к Юдиной с просьбой рассказать все, что пришлось слышать ей в своем доме о них.

П.М. Юдина рассказала про своего дядю, Федора Федоровича Мазурина, брата матери, которого она хорошо помнит и которого она очень любила. Федор Федорович был начитанным, интересным человеком, отличался большими странностями. Одна из таких особенно выделя-

---

⁷² Личность этого Мазурина не установлена.

лась: он ежегодно ранней весной покидал дом до глубокой осени, одевшись в костюм простого крестьянина, с котомкой на плечах и в лаптях на ногах. В таком виде он обходил самые дальние, глухие поместья, скупал там разные ценные издания, тратя на это большие деньги. Все эти путешествия были вдалеке от железных дорог, проделывались пешком; питался исключительно подающими, не расходуя на это ни копейки своих денег.

Федор Федорович Мазурин был известный библиоман, владелец большой библиотеки роскошных и редких книг, спрятанных в его доме в запертых сундуках⁷³.

Потом г-жа Юдина сказала, что как это ни странно, но в их семье почему-то никогда не говорили о Мазуриных; иногда только у родителей прорывались фразы, дающие возможность думать, что в этой семье произошло что-то ужасное; так, у родителей, рассерженных какой-нибудь шалостью или проступком детей, вырывалась фраза: «Ах, все это из-за мазуринского наследства!»

Рассказала, что в их семье Чернышевых не все было благополучно: однажды, когда сидели за чаем в столовой, из комнаты ее старшего брата раздался выстрел: «Мать, разливавшая чай, вся задрожала, бледная, вскочила, закричав: «Это мазуринское проклятье!» – и без чувства упала на пол. Действительно, мой брат застрелился»⁷⁴.

Когда мадам Васильева сказала Юдиной, что мне известно мазуринское событие, то она очень просила рассказать о нем. Выслушав, она ответила: «Теперь мне ясны восклицания родителей и их боязнь за нас, детей». Причем она добавила: «Из трех оставшихся в живых братьев все были неизлечимые алкоголики, доставившие родителям много огорчения, а также и нам, сестрам».

Сказала еще, что в их семье особенно почитается св. угодник Сергей Радонежский, считающийся покровителем их семьи.

Уходя, прощаясь, она добавила: «У меня двое сыновей, и я начинаю понимать, что и у них достаточно мазуринского проклятья, – это меня весьма волнует, но оно почти несомненно!»

М.Н. Васильева по уходе Юдиной добавила, что у нее две сестры, отличающиеся большими странностями, и они не избежали болезни рода Мазуриных, да и сама мадам Юдина, с громадными способностями, кончившая блестяще гимназию, подававшая большие надежды в молодости, своим образом жизни, разными странными делами, с преобладанием непонятной алчности, заставляет думать, что и она в достаточной мере награждена мазуринским наследством.

Почти одновременно с моим знакомством с Юдиной пришлось познакомиться с Н.П. Сырейщиковым, хорошо знавшим семью Василия Алексеевича Бахрушина, женатого на Вере Федоровне Мазуриной, сестре Варвары Федоровны Чернышевой. Про Веру Федоровну Бахрушину он сообщил, что она, несомненно, душевнобольная, ее единственный сын, Николай Васильевич, страдает тяжелой формой мании преследования, об этом я тоже слышал от его двоюродного брата Николая Петровича Бахрушина; из ее дочерей две – Мария Щеславская и Лидия Челнокова – тоже страдали душевной болезнью, а третья, Наталия Урусова, была как бы нормальна.

Относительно Мазурина, владельца Реутовской мануфактуры, могу сообщить очень мало, так как не был с ним знаком и не имел общих знакомых, могущих подробно рассказать о его образе жизни и странных проявлениях ее. Но кое-что пришлось слышать из разных источ-

---

⁷³ О Ф.Ф. Мазурине вспоминал П.И. Щукин: «...Не могу обойти молчанием еще одного библиофила, которого хотя и не знал лично, но часто встречал у букинистов, а именно – потомственного почетного гражданина Федора Федоровича Мазурина. Всегда угрюмый и плохо одетый, он по целым дням рылся в книжных лавках, причем иногда незаметно вырывал из редкой книги лист или два, чтобы ее обесценить и купить подешевле, а при случае даже воровал книги. Мазурин покупал книги в долг и постепенно платил <.....> Свои книги Федор Федорович держал не в шкафах, а в сундуках <.....>» (Щукин П.И. Воспоминания. М., 1912. Ч. 3. С. 10).

⁷⁴ Покончил жизнь самоубийством Сергей Михайлович Чернышев, сын М.А. Чернышева и Варвары Ф. Чернышевой, урожд. Мазуриной (сообщено Н.А. Филаткиной).

ников: он был весьма даровитым человеком, окончил университет и, кажется, еще какое-то одно из высших учебных заведений. Семейная жизнь его была сумбурная, с переменой многих жен, но была ли этому причина его душевное неравновесие или естественная распущенность богатых людей, получивших состояние, нажитое не своими трудами? Странная продажа фабрики по сравнительно дешевой цене, а тоже своего роскошного особняка на Мясницкой улице, с большой ценной землею и с доходными домами на ней, а взамен этого постройка роскошного особняка на Собачьей площадке, дорого стоящего⁷⁵.

Когда ему было около сорока лет, он поступил в Московский университет на медицинский факультет, где окончил курс и после чего открыл лечебницу для извлечения коммерческих выгод от произведения абортов у дам и девиц.

Недаром говорится в священной книге «Премудрости Соломона» (гл. 3, 19): «ужасен конец несправедливого рода».

ГЛАВА 8

В Среднеазиатском товариществе конец 1887 года ознаменовался некоторыми событиями: Н.П. Кудрин переехал на постоянное жительство в Москву, правление Товарищества перебралось из Троицкой гостиницы в дом Хлудова на Ильинку⁷⁶ и директор правления А.А. Найденов оставил Товарищество. Следующий, 1888 год, високосный, по народному поверью – тяжелый, подтвердил в Товариществе эту народную примету; год оказался весьма тяжелым как для меня, так и для Товарищества. Н.П. Кудрин заметно сделался раздражительным, раньше он был весьма сдержанным. Бесконечное его чаепитие усилилось; обыкновенно, когда он являлся в контору, артельщик приносил ему стакан чаю, положив в него два куска сахара, оставлял пока немного охладиться, после чего Кудрин в три-четыре приема выпивал, звонил артельщику, и так весь день, пока он находился в правлении. Когда у Н.П. Кудрина не было посетителей, то он все время писал письма, отправляя на почту целыми пачками, и статьи в газету «Московские ведомости»⁷⁷.

Все письма, касающиеся товаров, получаемых из отделений Товарищества, как о нехватке или плохом качестве, шли из правления за моей подписью. В одном из таковых писем я сделал серьезный выговор доверенному одного из отделений за то, что им была куплена и принята кожа невыделанная – сырая, а чтобы она во время долгого пути не сгнила, была просыпана солью, отчего товар терял значительно свою стоимость.

Николай Павлович, прочитав это письмо, обратился ко мне и сказал: «Я работаю несколько десятков лет и не знал, что кожу солят! Советовал бы, прежде чем писать такие письма, поговорить со мной, а то в отделениях будут смеяться!»

Я, обиженный таким замечанием, не воздержался и ответил ему: «Удивляюсь, что вы, занимаясь несколько десятков лет торговлей, не знаете обыкновенных мошенничеств, применяемых плутами-продавцами. Прием товара нашим доверенным можно рассматривать так: либо он не понимает ничего в товаре, либо получает от продавца взятку!» Сейчас же позвал приказчика-специалиста, объяснившего Кудрину все это дело. Кудрин был сконфужен, но промолчал.

---

⁷⁵ К.М. Мазурину принадлежал *особняк*, выстроенный им в неоготическом стиле в 1897 г. на *Собачьей площадке* в Москве. В послереволюционные годы особняк был передан Союзу композиторов, а в 1962 г. снесен при прокладке проспекта Калинина (Нового Арбата). См.: *Романюк С.К.* Из истории московских переулков. М., 1988. С. 187.

⁷⁶ Василий Алексеевич Хлудов, по завещанию своего отца, А.И. Хлудова, с 1882 по 1905 г. владел трехэтажным домом на углу ул. Ильинки и Карунинской пл. Ныне на месте этого дома стоят здания Верховного суда и Министерства финансов Российской Федерации (ул. Ильинка, д. 9).

⁷⁷ «Московские ведомости» выходили с 1756 по 1917 г., в 1850—1855 и в 1863—1887 гг. их редактором был М.Н. Катков.

Часто говоря с ним, оставаясь вдвоем в правлении, я замечал, что некоторые мои фразы и мысли он записывал на клочках бумажки, которые прятал к себе в ящик стола. Для чего он это делал, я не могу до сего времени представить. Но уверен, что делалось с целью, чтобы в будущем иметь возможность пользоваться ими против меня. После его кончины при описи его бумаг в столе все они были найдены. Между Кудриным и мной началось какое-то разъединение, между тем я так много вникал в дело и, благодаря советам опытных и сведущих лиц, в Товарищество вносил известный порядок и режим, который он видел и который он не мог не одобрить, и эта мысль меня сильно угнетала и печалила, но, как оказалось, тому была причиной начавшаяся у него серьезная болезнь. В мае однажды он не явился в правление, прислав из дома с просьбой, чтобы я доставил ему все письма и телеграммы.

Я поехал сам и застал его лежащим в кровати, причем его жена, по предписанию доктора, просила не заниматься делом, но он, понятно, и слушать не хотел, прочитывал всю корреспонденцию и делал пометки для ответов. Положение его здоровья с каждым днем делалось все хуже и хуже. Лечивший его доктор Никольский определил брайтову болезнь почек⁷⁸ и объяснил, что его бесперывное чаепитие есть верный показатель этой болезни.

Меня очень волновало здоровье Николая Павловича, я отлично понимал: умри он, дело продолжаться не может, не найдется другого человека, чтобы заменить его. Советовал его жене пригласить профессора Захарьина, она все не решалась этого делать, но, видя, что здоровье его с каждым днем ухудшается, попросила меня съездить к Захарьину.

Отворил дверь лакей, я попросил доложить Захарьину обо мне. Мне бросилось в глаза, что лакей как-то странно посмотрел на меня, что-то хотел сказать, но, промолчав, пошел доложить. В приемную, куда я был введен лакеем, через некоторое время вошел высокого роста, крепко сложенный старик, с густыми бровями и черными проницательными глазами, как бы пронизывающими тебя насквозь.

Я ему отрекомендовался и высказал свою просьбу, с указанием, что болезнь и могущая быть смерть такого человека, как Кудрин, так нужного для развития Среднеазиатского края, заставила меня его побеспокоить, с целью проверить его болезнь и правильность лечения. Захарьин задал несколько вопросов относительно Кудрина и сказал, что фамилию Кудрина он знает из газет и фамилия моя ему знакома: «Не ваш ли родственник Николай Маркович Варенцов?» Я ответил, что он мой дед. «Где вы учились?» Я ответил. «Вам неизвестно, что я не езжу по приглашению больных, а только по приглашению доктора, лечащего больного?» Посмотрел на меня сурово своими злыми глазами, сказав «Посидите!», вышел из приемной.

Я остался сидеть и в это время думал: какова причина его недовольства мною? В это время в соседней комнате начало происходить что-то невероятное: шум, битье палкой мебели, падение ее, треск. Я был всем этим шумом ошеломлен, думая, что все это значит. Правда, я сильно волновался, чувствуя ясно, что причиной всего этого был я, и испугавшись, что он может отказаться поехать к Кудрину и я буду виновником этого. Жена Кудрина будет на меня сердиться и обвинять меня, если ее муж скончается.

Треск и шум продолжался минут 15 или 20, наконец притих. Отворилась дверь, и вбежал взбешенный, с глазами, полными ненависти, Захарьин, начавший упрекать меня: «Вы, молодой человек, учившийся в высшем учебном заведении, позволили меня назвать доктором!» Я открыл рот, чтобы извиниться. «Молчите! Вся Россия знает, что я не езжу по приглашению больных. У меня лечатся великие князья, министры, другие известные лица, и все знают, что я приезжаю по приглашению докторов...». Я стоял перед ним сконфуженный, подавленный своей ошибкой: действительно назвал его доктором! Опять хотел извиниться. «Молчите!

---

⁷⁸ Брайтова болезнь – заболевание почек (нефрит). Названа по имени английского врача-нефролога Р. Брайта, описавшего ее клинику и морфологию.

Посидите немного, я скоро вернусь.....» Он выбежал из комнаты, битье и треск продолжались, но с меньшим уже шумом, и наконец замолкло.

Через некоторое время Захарьин вышел спокойный и даже сконфуженный: «Извините меня, я больной человек!» Посадил меня рядом и начал обстоятельно расспрашивать о больном, потом сказал мне, что по окончании им университета его первый больной был мой дед, а потому он хорошо его помнит⁷⁹. Назвал фамилию своего ассистента, к которому я должен поехать; после его осмотра больного и доклада ему он приедет и лично осмотрит Кудрина. Простился со мной очень любезно⁸⁰⁶⁵⁸.

На другой день Захарьин приехал к Кудрину, подтвердил правильность лечения доктором Никольским и, успокоив жену, сказал: «Опасности для жизни больного нет».

На следующий день после его посещения из дома пришли сообщить: Николай Павлович скончался⁸¹.

Я, подавленный его неожиданной кончиной, отправился сообщить Н.А. Найденову в банк, в то время там было заседание членов Учетного комитета, некоторые из них поинтересовались узнать, остались ли у него средства. Я ответил, что знал: в Оренбурге у него был дом, стоящий 30—50 тысяч рублей, паев Товарищества на 200 тысяч рублей и на текущем счету его личных денег 160 тысяч рублей, так что всего приблизительно тысяч на 400.

В церкви, когда отпевали его, народу было много. В то время, когда архиерей раздавал присутствующим зажженные свечи, я заметил пробирающегося ко мне нашего артельщика, я подошел к нему. Он подал телеграмму и сказал, что она доставлена особым чиновником из Главного почтамта с тем, что должна быть принята обязательно под расписку Н.П. Кудрина. Когда ему сказали, что он скончался, он велел передать его заместителю. Я отошел в сторону и прочел. Она была за подписью министра финансов Вышнеградского, извещающего и поздравляющего Кудрина с милостивейшим соизволением государя императора об отводе государственных земель в Голодной степи по реке Сырдарье в количестве миллион десятин и 150 тысяч десятин на Мургабе в аренду на 99 лет, с просьбой поспешить приехать в Петербург для оформления и закрепления сего дара.

Я с огорчением подумал: вот ирония судьбы! О своих хлопотах в Петербурге о земле Кудрин никому в правлении не сообщал. Для меня стало понятным, почему Николай Павлович так интересовался корреспонденцией, особенно из С.-Петербурга, спрашивая меня накануне своей кончины: «Нет ли чего из Петербурга?»

---

⁷⁹ Ср.: «Известно было, что Захарьин носил в своем жилетном кармане тот серебряный полтинник (50 коп.), который он получил как первый гонорар за лечебную практику. Этот свой первый врачебный заработок он носил при себе всю жизнь, “на счастье”» (Юдин С.С. Профессор Захарьин и другие... Из воспоминаний хирурга // Наше наследие. 1998. № 46. С. 182).

⁸⁰ Про профессора Захарьина много ходило разных легенд, слухов и смешных историй, главная тема их – его корыстолюбие. Мне пришлось запомнить одну из них, как у молодого, только что повенчавшегося миллионера фон Дервиза захворала его жена, у ней поднялась температура тела выше 39°. Влюбленный муж сильно перепугался, немедленно послал управляющего к Захарьину с просьбой приехать и осмотреть его жену. С управляющим фон Дервиза произошло то же самое, что и со мной: битье, треск, выговор и отправка к ассистенту. Ассистент немедленно поехал, осмотрел больную и, видя волнение мужа, успокоил его, сказав: «Я нахожу, что у вашей жены грипп, серьезного пока ничего не вижу, а потому советую вам не волноваться!» Фон Дервиз поблагодарил его и вручил ему пакет. Доктор, желая посмотреть, сколько находится денег в пакете, дорогой раскрыл его и увидел, что в нем лежало десять сотенных билетов. Тогда его взяло сомнение, не принял ли фон Дервиз его за профессора Захарьина. Решился вернуться обратно и передал фон Дервизу: «Вы сочли, нужно думать, меня за профессора Захарьина, дав тысячу рублей, а между тем я только его ассистент». Фон Дервиз его успокоил: «Я знал, что вы не Захарьин, заплатил вам за сообщенную радость, что у моей жены несерьезная болезнь». Ассистент, приехав к Захарьину, сообщил о состоянии больной и сколько им получено от фон Дервиза. Захарьин немедленно выехал к фон Дервизу, но не был принят, ему сообщили, что болезнь выяснена и этого вполне достаточно. Захарьин, видя, что его ассистенту дали тысячу, думал получить там не меньше 5 тысяч рублей⁶⁵⁸.

⁶⁵⁸ Это произошло во время болезни Анны Карловны фон Дервиз, первой жены Сергея Павловича фон Дервиза (сообщено П.Г. Дервизом).

⁸¹ Н.П. Кудрин скончался 8 июня 1888 г. См.: Московские ведомости. 1888. 9 июня.

Говорят: пришла беда, отворяй ворота! Так, после кончины Н.П. Кудрина посыпались на нас разные беды. Только похоронили Кудрина, как из Оренбурга пришла телеграмма, извещающая о наступлении срока векселя Кудрина с бланком Товарищества на сумму 30 тысяч рублей, учтенного в одном из оренбургских банков, с предупреждением, если не последует своевременной высылки денег, вексель будет протестован. Причем в телеграмме добавлено: шлется письмо с разъяснением. В правленских книгах бухгалтерии таковых векселей не значилось, но, опасаясь протеста, деньги перевели.

Из полученного письма доверенного Вошинина увидели: Кудрин вручил ему векселей на 170 тысяч рублей со своей подписью и распорядился учесть их в разных банках, с бланком Товарищества, согласно имеющейся у Вошинина доверенности на право учета покупательских векселей. Вошинин уже старый, по характеру мягкий, безвольный, не осмелился послушаться директора-распорядителя, все это исполнил, внеся полученные от учета деньги на имя Н.П. Кудрина, вследствие чего получились в кассе Товарищества 160 тысяч рублей, числящихся на его имени, с уплачиванием ему процентов за их пользование.

Все письма из Азии, адресованные на имя Н.П. Кудрина, пришлось прочесть, из них увидели, что положение дел с мануфактурой находится в весьма печальном виде: амбары наполнены товаром исключительно неходовых сортов, которые могут быть только понемногу сбываемы, если к ним добавят ходовых сортов. Пришлось побегать по фабрикантам с просьбой дать нужных товаров, но почти все под благовидным предлогом отказывали, понимая, что Товарищество без Кудрина не может долго продержаться.

Из писем, получаемых от агрономов из Чарджуя, были и приятные известия: сто с чем-то десятин очищены от камыша, устроена плотина, земля засеяна хлопком, который несколько раз окучивали и поливали, ожидался блестящий урожай. Но в августе пришла телеграмма: сильная жара усилила таяние снега в горах, благодаря чему в Амударье получился большой приток воды, разрушивший в один миг плотину и уничтоживший посев хлопка. Это несчастье произвело потрясающее впечатление на молодых агрономов: один из них, доктор, сошел с ума и был увезен в Россию, другой бросил службу и не мог слышать равнодушно об Азии, покинув ее навсегда. И это дело погибло с трагическим концом⁸².

В довершение всего незадолго до открытия Нижегородской ярмарки Шагазиев, вернувшийся из Бухары, открыл свое комиссионное дело, переманив почти всех клиентов Товарищества к себе, мы же остались с ничтожным количеством товаров, понятно, исключая хлопок.

Через месяца полтора после кончины Кудрина состоялось общее собрание пайщиков, и был выбран в директора Николай Михайлович Владимиров.

Компаньоны чувствуют, что завязли в этом деле, делать нечего: послали опять. В августе получают вновь телеграмму: урожай громадный, не хватает мешков для сбора и паковки, требуется прикупить тары, высылайте денег столько-то. Послали. Ждут прихода хлопка, но получают телеграмму: «Налетела саранча и весь хлопок пожрала!» Персиянин больше в Москву не приезжал, и, по наведенным справкам, хлопка он даже не сеял, а полученные деньги употребил на покупку для себя земли. Это мне сообщил Арсений Михайлович Капустин, бывший в числе компаньонов перса. Этот посев кончился комически.

---

⁸² Москвичи давно интересовались посевами хлопка, только изыскивали лицо, могшее двинуть это дело. В конце семидесятых годов прошлого столетия в Москву ежегодно приезжал перс для продажи своего хлопка. Он заинтересовал нескольких купцов, рассказывая им о громадных барышах от посевов хлопка; составила компания, собрали деньги и поручили персу произвести посев хлопка. Перс уехал. Через некоторое время его компаньоны получили телеграмму: хлопок посеял, всходы отличные, требуется окучка денег не хватает, переведите столько-то. Компаньоны потолковали между собой и решили перевести деньги. Через месяц получают опять телеграмму: рост хлопка лучше, чем ожидал, необходима вторая окучка и поливка, иначе хлопок пропадет, переведите столько-то.

ГЛАВА 9

Н.М. Владимиров был лет пятидесяти с чем-нибудь. Роста был высокого, довольно плотный, с отличной растительностью, с длинной окладистой бородой, носил золотые очки. Вообще по виду это был хорошо сохранившийся мужчина и походил видом своим на ученого, земского деятеля⁸³, то есть на лицо, занимающееся интеллигентным трудом, а не на коммерсанта. Говорил образованным языком, видно, что был начитанный и с хорошим образованием. Кончил он курс в Петербургском коммерческом училище⁸⁴, откуда со школьной скамьи поступил в Лондон к известному купцу Громову⁸⁵.

Перед поступлением в Среднеазиатское товарищество работал в Торговом доме А.К. Трапезникова с сыном в Сибири. Бежал оттуда, как рассказывал сам, испугавшись обострившихся отношений с окружающими, что его там могут убить. Считал себя счастливым, что ему удалось выбраться в Москву.

На меня произвел хорошее впечатление, и мне казалось, что он добрый и хороший человек. Я с большим удовольствием начал его вводить в курс дела, рассказывал и показывал все, что сам знал.

Николай Михайлович работал всю жизнь по бухгалтерии и к коммерческой жизни, требующей инициативы и быстрых решений, не был приспособлен. Мне думается, это Владимиров и сам хорошо понимал, а потому живой работой тяготился, делал вид, что он может дать особый способ ведению дел по европейскому образцу, не принимал во внимание, что наша русская торговля того времени требовала более близких дружеских отношений и особого доверия друг к другу. А он сразу не поладил с клиентами Товарищества – азиатами, они начали его бояться и избегать, стремясь всеми силами вести деловые переговоры со мной, а не с ним. Придя в контору и узнав, что меня там нет, уходили, а если был, то, чтобы не попасть к Николаю Михайловичу, вызывали меня через артельщика или даже, открыв немного дверь, манили меня к себе пальцем.

Это бесило Николая Михайловича, предполагавшего, что все это проделывается с моего согласия, и он начинал попрекать меня: «Это ваши штучки! Все делается, чтобы меня унижить и оскорбить!»

Я запретил азиатам меня вызывать в переднюю и вызывающего приводил в правление и сажал к столу Н.М. Владимирова. После того они начали ловить меня на Бирже или на улице, при входе в правление, и, когда я предлагал им пойти со мной в правление, не шли, говоря: «Там бульно хузяин сердит!»

Отношения мои с Владимировым все-таки были хорошие. Как мне казалось, он сам понимал, что я не виновен в нерасположении к нему клиентов, и начал объяснять все это их дикостью и необразованностью.

Бывали с ним и такие случаи: иногда во время нашей мирной и дружеской беседы он вдруг начинал волноваться, лицо бледнело, глаза краснели, он повышал тон своего голоса, вдруг ударял рукой по столу, вскакивал и начинал упрекать в словах, которые я не произносил, и поступках, которые я не делал, и не прощаясь уходил из правления. На другой день приходил в правление, как ни в чем не бывало, подходил ко мне, любезно жал руку и просил извинения за вчерашнюю вспышку.

---

⁸³ Земство – орган местного всесословного управления, введенного в ходе земской реформы 1864 г. по «Положению о губернских и уездных земских учреждениях». Ликвидировано в 1918 г.

⁸⁴ *Петербургское коммерческое училище* – среднее специальное учебное заведение для лиц всех сословий и вероисповеданий, с курсом обучения в 8 лет. Размещалось по адресу: Чернышев пер., д. 9.

⁸⁵ Крупный петербургский купец В.Ф. Громов, торговавший лесом в России и за границей, имел контору-представительство своей фирмы в Лондоне.

Николай Михайлович, прослуживший со мной несколько месяцев, начал в определенные часы уходить из правления, извиняясь и говоря: «Мне нужно навестить моего хорошего знакомого, я скоро вернусь». Однажды перед таким его уходом ко мне пришел бухарец и подарил мне шелковый халат, отличающийся пестротой окраски (полосы на нем были всех цветов радуги), но не лишенный красоты и оригинальности; я его преподнес Николаю Михайловичу. Он поблагодарил и очень им любовался, было видно, что мой подарок ему понравился. Он его тщательно завернул и взял с собой.

Вернувшись от своего знакомого, он сказал: «Надеюсь, вы на меня не обидитесь: я ваш подарок поднес моему знакомому, которому он очень понравился; я его все равно носить не стал бы и он у меня так бы и провалялся».

Вскоре мне пришлось узнать, что его «хороший знакомый» был один из членов правления в Московском Купеческом банке, устроивший его туда же в члены правления. Таким образом, мой подарок – особо пестрый халат – в некотором роде поспособствовал этому избранию его в правление.

Уход Н.М. Владимиров меня огорчил: кого еще Бог пошлет ко мне в товарищи? С ним было тяжело работать, но я смотрел на него как на нервнобольного человека и этим многое ему извинял, все-таки он порядочный и честный человек.

Н.М. Владимиров прослужил в Московском Купеческом банке несколько лет, но с ним случилась неприятная история. Однажды он разговаривал с каким-то служащим, тоже, нужно думать, с больными нервами; разговор у них шел сначала мирно и спокойно, но потом, как это бывало со мной, Владимиров начал повышать голос, кричать, упрекая его в каких-то словах и делах, в которых он неповинен был; тот, возмущенный несправедливостью, в свою очередь разгорячился и ударил его кулаком в лицо. На другой день Николай Михайлович подошел к ударившему его служащему, протянул руку и просил извинения, считая себя виновным перед ним. Этим извинением инцидент был окончен, оба остались служить в банке, но Николай Михайлович на первом общем собрании акционеров принужден был отказаться от должности директора.

Владимиров, получая в банке хорошую тантьему⁸⁶, имел возможность сберечь известную сумму, на проценты с которой он потом и жил.

Семья Н.М. Владимирова состояла из жены и дочери. Дочка у него была прехорошенькая, я видал ее, когда она с отцом и матерью приходила к своему родственнику, жившему в моем доме со мной на одном дворе. Владимиров после ухода из банка переехал на жительство за границу, ежегодно летом приезжая в Москву на непродолжительное время. В первые года своего приезда он меня постоянно навещал. Объяснял свой отъезд за границу желанием дать дочери хорошее образование, и, по его мнению, таковое образование можно получить только там благодаря изобилию и доступности публичных лекций, музеев, картинных галерей и т.п. Слушая его об этом, я не утерпел и сказал ему: «Вашей дочке кроме учения и жить хочется, иметь знакомых из своих сверстников, иметь привязанности – ведь это самая лучшая пора жизни для нее: молодость и не заметишь как пройдет!»

Мои слова его сильно взволновали, с пеной у рта начал доказывать неосновательность моих взглядов: думать и говорить так нельзя! Счастье человека только в учении и знании – и пошел, и пошел.... Я был не рад, что затеял этот разговор, а откровенно сказать, было жаль эту красивую девушку, погибающую из-за маньяка-отца.

После этого разговора он ко мне больше не приходил. Через год или два я встретил Николая Михайловича идущего по улице с дочкой. Он меня не заметил, а мне его останавливать не

---

⁸⁶ *Тантьема* (от фр. *tantième* – часть) – вознаграждение, выплачиваемое в виде процента от прибыли администрации коммерческого банка, акционерного общества или страховой компании.

хотелось. Дочку его трудно было узнать: из красивой изящной девушки вышла измученная, с болезненным лицом, тусклыми глазами, небрежно одетая старая дева.

ГЛАВА 10

На освободившееся место директора был выбран Николай Иванович Решетников, интересный молодой человек приблизительно лет тридцати с чем-нибудь, стройный, с мягким, вкрадчивым обхождением, с большим лбом, с правильным красивым овалом лица, с черными гладкими причесанными волосами с боковым пробором, с глазами, старающимися изобразить искренность, но не выдерживающими упорного взгляда других. Всегда он был одет в отлично сшитый сюртук черного цвета; в черном шелковом галстуке торчала булавка с довольно крупным бриллиантом.

До этого Решетников был в деле отца, имевшего оптовую мануфактурную торговлю⁸⁷; почему он покинул ее, является тайной их семьи.

В первые месяцы нашего знакомства и работы меня сильно поражала его щедрость, переходящая в расточительность, конечно, проявлявшаяся для меня в то время только в мелочах. И это мне давало основания думать, что он хорошо материально обеспечен, что поднимало его значительно в моих глазах, особенно из-за тех лишений, которые предстояли ему в Азии. Я не мог думать, что получаемый им оклад жалованья в 20 тысяч рублей мог быть причиной его желания жить там. Видимо, он искал со мной более близких отношений, я в свою очередь рад был этому – сойтись с умным и изящным человеком и быть с ним в дружеских отношениях. До знакомства с ним я жил сравнительно просто и невзыскательно, довольствуясь всем, что имел, не мечтая и не требуя лучшего, выходящего из установившихся вкусов на внешнюю и обстановочную форму моей жизни.

Я старался Решетникову подражать во многом, и он был, так сказать, моим наставником по наведению буржуазного лоска: убедил в выгодности шить костюмы у лучших портных, обуваться у лучших сапожников и так далее.... Показал мне прелесть лучших ресторанов и даже дал возможность разбираться во всех тонкостях меню. До этого же я довольствовался преимущественно второстепенными трактирами и был вполне доволен ими.

Вспоминаю, как он пригласил меня на обед во французский ресторан «Эрмитаж»⁸⁸ и угостил меня обедом, но так как я не был гурманом, то и не оценил в полной мере тонкости подаваемых блюд. В свою очередь – как реванш – и я пригласил его туда же обедать и, согласно своему вкусу и понятию, выбрал блюда: солянку из осетрины, поросенок заливной, гусь с капустой и на сладкое гурьевскую кашу. Вполне довольный тем, что выбрал, взглянул на Николая Ивановича, доволен ли он? Прочел в глазах его какой-то ужас, спросил его: «Быть может, вам это не нравится?» – «Нет, нет, пожалуйста! – ответил он страдальческим голосом. – Обед отличный, только очень сытный, не лучше ли вместо гурьевской каши взять... ну хотя бы... тарталетки, а то после такого обеда, пожалуй, не встанем со стула!»⁸⁹ Н.И. Решетни-

---

⁸⁷ Отец Н.И. Решетникова Иван Степанович вел мануфактурную торговлю в Москве с 1888 г. под фирмой «И. С. Решетников и К^о».

⁸⁸ Ресторан и гостиницу «Эрмитаж» на Петровском бульваре, в д. 96 содержало основанное в 1883 г. Товарищество гостиницы «Эрмитаж Оливье».

⁸⁹ При воспоминании такого обеда мне невольно вспомнился рассказ Александра Федоровича Морокина, фабриканта из дер. Гальчиха. Он, будучи в Петербурге, был приглашен своим покупателем-французом обедать. Он рассказывал: «Хозяйка налила мне полтарелки супа, потом подали рыбу под соусом, после была курица с салатом и зелень – артишоки, название ее я узнал уже после. В это время, рассказывая о чем-то французам, увлекся разговором, не обратив внимания, как едят артишок. Разрезал его на четыре части и одну из частей положил в рот. Жую – колет! Выплюнуть неловко – осудят! Продолжаю жевать. ... А напротив меня сидит постреленок – сынишка француз, схватил салфетку, да в нее фпр!.. фпр!.. Смотрю: дело что-то неладно. Поглядел на французам, а он отрывает по листику от артишока, обмакивает в соус, положит в рот да облизывает; говорю: “Извините, в первый раз в жизни ел эту зелень, если бы не ваш сынок, которого я так рассмешил, то ушел бы, не зная обращения с нею”. После обеда, посидев немного, от французам отправился напрямик в трактир Палкина⁶⁵⁹, где и заказал по

ков в последующих моих обедах инициативу выбора блюд всегда брал на себя, чем я весьма был доволен, нужно думать, боясь за свое здоровье из-за моего пристрастия к сытным блюдам.

Н.И. Решетников, вместо того чтобы поспешить скорее поехать в Азию, еще долго жил в Москве, объясняя тем, что нужно познакомиться с делами Товарищества. Приходил в правление довольно поздно, посидит часик или два, потом шли с ним завтракать, после чего расставались с ним до другого дня; иногда ходили вечером обедать в «Эрмитаж», после обеда ездили в «Яр» или «Стрельну»⁹⁰, чтобы послушать солисток. В это время я заметил его щедрость, но в ней не проглядывало желания сделать добро, а скорее, получить знаки внешнего почета, с намерением выставить себя богачом, смотрите: швырнуть несколько десятков или сотен рублей мне ничего не стоит! – и тем вызывая у присутствующих и от прислуживающих особое к себе почтение.

Наконец после нескольких месяцев он тронулся в путь. Из его писем я увидел, что им выбрано в Азии местопребывание – город Самарканд, который по красоте, мягкости климата, отличной воде может быть приравнен к Флоренции в Италии.

Несколько лет спустя обнаружилось, что избрание Самарканда постоянным местом жительства было большой ошибкой. Самаркандская область в смысле посевов хлопка не имела большого значения, и пребывание в нем главной конторы и хозяина дела не было полезным, так как развитие хлопководства особенно преуспевало в Ферганской области, где наши конкуренты поместили своих руководителей, с проживанием в городе Коканде.

В Самарканде Николай Иванович купил на свое имя землю, построил дом, развел виноградники, устроил отличный подвал для вина, стал устраивать приемы и зажил весело⁹¹. Вместо того чтобы во время сезона покупки хлопка присутствовать в главных пунктах скупки его, он жил в Самарканде, а значительную часть времени уделял на поездки в Ташкент для бесполезных визитов к генерал-губернатору и другим важным чиновникам, объясняя свои визиты тем, что они будто бы необходимы для успешной работы в этом крае. То же его посещение эмира бухарского, сопряженное с довольно большими расходами за счет Товарищества, с трудной и крайне неприятной поездкой верхом на лошади в дачную резиденцию эмира, находящуюся в десяти верстах от Бухары. Ехать ему пришлось в вышитом золотом мундире, в треуголке, присвоенной какому-то благотворительному учреждению, где Николай Иванович был членом-жертвователем; и только для того, чтобы получить от эмира ответные подарки в виде халатов, ковров, рысаков и еще чего-нибудь вроде этого. Все это его интересовало и забавляло, между тем его подчиненные, осведомленные о его путешествиях, успешно набивали свои карманы.

своему вкусу обед: борщ с мясом и сметаной, баранину с кашей, ну, после этого насытился. Француз как-то после приехал в Москву. «Я, – говорит Александр Федорович, – пригласил его обедать и повел к Арсентьичу⁶⁶⁰, в трактир, славившийся готовкой русских простых блюд. Заказал суп-рассольник из гусиных потрохов, белугу с хреном и огурчиками, а потом жареный поросенок с гречневой кашей, а на сладкое – гурьевскую кашу. Француз чуть-чуть покушает да отставляет тарелку, а я ему говорю: «Нет, не хорошо – кушай, как следует! Я у тебя обедал, не стеснялся, ... и ты не должен меня обижать!» Так и принуждал кушать все блюда. Сговорились завтра повидаться. Француз не пришел. На другой день пошел к нему в гостиницу. А француз, бедный, лежит больной, уверял, что это случилось от несварения желудка, так и провалялся в кровати дней десять!»

⁶⁵⁹ Ресторан «К.П. Палкин» находился в доме № 47 по Невскому проспекту и содержался наследниками купца 1-й гильдии К.П. Палкина. Был известен блюдами русской кухни.

⁶⁶⁰ Трактир «Арсентьича» находился в Большом Черкасском пер., в Китай-городе в Москве, славился ветчиной и бело-рыбницей. Возрожден под тем же названием в 1990-х гг.

⁹⁰ «Яр» и «Стрельна» – фешенебельные ночные рестораны в Петровском парке в Москве.

⁹¹ Решетникову, чтобы приобрести достаточное количество земли в одной меже для виноградника, пришлось скупать у многих владельцев небольшими участками; один из бухарцев, хозяин земли, вдававшейся в глубь владения Николая Ивановича, не пожелал продать свою землю, несмотря на то что ему давали высокую плату за его участок и предлагали другой участок в лучшем месте, но бухарец ни на какие уступки не шел. Тогда кто-то из доброжелателей Решетникова посоветовал завести свинарник, построив его на меже неговорящего магометанина, и завести свиней. Было так и сделано и имело большой успех: правоверный не мог перенести близость поганых животных и немедленно продал землю.

И действительно, положение дел в Средней Азии под его руководством не улучшалось, а, скорее, ухудшалось. Пришлось закрыть мануфактурную торговлю и торговлю другими товарами. Составленный отчет показал, что значительная часть капитала Товарищества потеряна. И вот в это время совершенно неожиданно получаем от Решетникова известие о необходимости приехать в Москву для решения разных вопросов. Приезд его был желателен, чтобы совместно рассмотреть баланс, сделать переоценку имущества, товаров и должников.

Николай Иванович, сообщая о своей жизни в Азии, о местных делах, надеждах и тому подобном, между прочим рассказал, что Н.П. Кудрин страдал запоем, что мне не было известно, и он, путешествуя по Азии, все время был в невменяемом состоянии. Увлечение Азией у Николая Ивановича было ничуть не менее, чем у Кудрина, он тоже восхищался ею и очень обвинял меня, что смотрю на дело Среднеазиатского товарищества очень пессимистично; упрекал, что моя оценка капитала Товарищества в 200 тысяч рублей неестественно мала.

Приступив к оценке имущества и долгов, я указал на повышенную стоимость недвижимости и на то, что с векселей дебиторов придется сделать большую скидку, так как многие по ним не заплатят. Он меня убеждал, что я не прав, употребляя такие методы к моему вразумлению: «Вы находите, что стоимость такого-то завода в сорок тысяч рублей дорога? Хорошо, оставьте его за мной за эту цену! Этот вексель находите безнадежным? Я оставляю его за собой в пятьдесят процентов!» – и т.д. Не мог же я с ним настойчиво спорить. Он видел все своими глазами и знает положение среднеазиатского рынка, несомненно, лучше меня, но все-таки один из безнадежных векселей я согласился оставить за ним. Он немедленно согласился, сказав, что деньги за него внесет на днях. Но это обещание осталось обещанием: деньги не внес. И несмотря на таковую оценку, определили размер оставшегося капитала в 400 тысяч рублей.

Согласно уставу Товарищества, если потеряны 2/5 части капитала, то Товарищество должно быть ликвидировано, если не последует желания со стороны пайщиков пополнить его. Правлением были приглашены крупные и влиятельные пайщики для обсуждения создавшегося положения. Они пришли к выводу: ликвидировать дело жаль, так как все-таки оно жизненно; желающих добавлять капитал не окажется, просить об уменьшении капитала до 400 тысяч рублей – понятно, со стороны Министерства финансов последует отказ, как против действия, нарушающего устав Товарищества, высочайше утвержденного; таковое нарушение устава может последовать не иначе, как только с разрешения государя.

Пользуясь случаем, что среди пайщиков имеется князь А.С. Долгоруков, благодаря его протекции можно надеяться, что разрешение от государя можно будет получить, и в короткое время.хлопоты по этому делу поручить мне. Это постановление состоялось в зиму 1888/89 годов.

Н.П. Кудрин, взбудораживший высшие круги правительства своими повествованиями об Азии, заставил ускорить постройку Среднеазиатской железной дороги⁹², и в 1888 году состоялось назначение генерала Анненкова строителем ее. Анненков, проезжая в Среднюю Азию, остановился на некоторое время в Москве; он, будучи с визитом у Аполлона Александровича Майкова, бывшего директора императорских театров, и узнав от него, что он знаком со мной, просил привести меня к нему. Из всего разговора с ним я понял, что он интересуется первоначальным пунктом направления стройки: дорогу можно было вести из Оренбурга до Ташкента или же от Красноводска, порта Каспийского моря, до Бухары, и какое из этих направлений было бы более приемлемо для торговли. Я утверждал, что постройка через Оренбург, конечно, будет удобнее по следующим соображениям: не потребуются ни больших земляных работ, ни

---

⁹² Закаспийская (Среднеазиатская) казенная железная дорога от ст. Узун-Ада до ст. Самарканд была построена в 1880—1888 гг., ее отдельные участки до ст. Кушка и Наманган строились вплоть до 1900 г.

длинных мостов. Он возразил мне, что строить параллельно лошадиному тракту, где существует большое грузовое движение, не будет удобно и они будут мешать друг другу.

Скоро стало известно, что Анненков начал строить железную дорогу от Каспийского моря, выбрав порт на Каспийском море Узун-Ада. Дорога проходила по перемещающимся пескам, тянувшимся более трехсот верст, без воды, перевозимой на железнодорожных платформах в громадных деревянных баках; с громадным мостом в версту длиной.

Многие объясняли таковой его выбор следующим: пожалованные государем Кудрину 150 тысяч десятин при Мургабе после его кончины были переведены в собственность кабинета его величества, начиналась постройка плотины для орошения этой площади, а потому, чтобы удешевить постройку ее, Анненков поспешил постройкой в этом месте железной дороги, чтобы угодить лицам, поставленным во главе сооружения плотины. Другие объясняли причину, что стройка в этом направлении обошлась государству значительно дороже, чем бы она прошла от Оренбурга, это было выгодно для личных интересов господ инженеров-путейцев, редкие из которых пользовались добросовестной репутацией.

Потом на практике выяснилось, что путь от Каспийского моря послужил успешному выходу негодных элементов Кавказа и Кубанской области в лице армян, греков и других национальностей, захвативших торговлю в свои руки, с усвоенными ими приемами обмана и надувательства, с успешным укоренением этих пороков у местных жителей, не испорченных еще цивилизацией.

ГЛАВА 11

Г.К. Гофмейстер дал мне письмо к личному секретарю князя А.С. Долгорукова Дмитрию Никитичу Иванову, к которому я поехал в Петербург и познакомился с ним. Иванов обещался немедленно доложить о моей просьбе князю и о результате доклада мне сообщить.

С князем Александром Сергеевичем я познакомился вскоре после смерти Н.П. Кудрина. Долгоруков приехал в Москву, остановился в гостинице «Дрезден»⁹³, находящейся против генерал-губернаторского дома, прислал мне сказать, чтобы я побывал у него. Князь был высокого роста, стройный, с большой проседью, носил бакенбарды, с милыми и добрыми глазами, дающими право думать о его доброте.

Александр Сергеевич меня принял немедленно после доклада ему Иванова, в своей квартире на Миллионной улице. Лакей ввел меня в гостиную, поразившую меня своей величиной и красотой убранства. Она была заставлена вся мебелью разных стилей, образующей уютные уголки, с диванчиками, креслами, стульчиками, пуфами, столиками с вазами и статуэтками. Как мне потом передавали, таковое убранство гостиных – мебелью разных стилей – было последним словом моды.

Я только начал внимательно осматривать красивую комнату, как князь вошел в дверь с противоположной стороны, и я поспешил пойти к нему, но это нужно было сделать с большой ловкостью, лавируя между мебелью, с ужасом думая: не уронить или не опрокинуть что-нибудь.

Князь любезно поздоровался и предложил мне сесть. Я высказал ему все о создавшемся положении с Товариществом и просил посодействовать нашей просьбе. Внимательно выслушав, князь сказал: такой выход – и он находит – будет правильным; обещался переговорить с министром двора Воронцовым-Дашковым и министром финансов Вышнеградским. Посоветовал остаться в Петербурге на некоторое время, чтобы представиться министру двора, от которого многое зависит, чтобы наше ходатайство осуществилось.

---

⁹³ Гостиница «Дрезден» находилась на Тверской ул., в д. 28 (не сохранился).

На другой день Д.Н. Иванов заехал ко мне и сказал, что князь Александр Сергеевич пере-говорил с министром двора и он на днях меня примет. Дал совет, чтобы я съездил в канцеля-рию министра, где бы и узнал, когда и в какой день мне это будет назначено. Я начал ежедневно обивать пороги канцелярии министра с получением постоянного ответа: сегодня принять не могут, приходите завтра....

Целую неделю я ожидал приема; наконец мне это хождение сильно надоело: жить без работы и семьи, не имея знакомых, в скучном для меня городе. Решился поехать на квартиру к Д.Н. Иванову. «Скажите, Дмитрий Никитич, что все это значит? Министр двора принимает многих, а мне не может уделить каких-нибудь несколько минут». — «Да что вы, батенька! — последовал ответ. — Представиться министру двора и затратить на это семь—четырнадцать суток — мало. Другие добиваются годами и не могут попасть».

Я печальным голосом спросил Дмитрия Никитича: «Сегодня в газетах сообщалось, что только что приехавший из Москвы Губонин был принят министром, так почему же он меня-то принять не может?» — «У Губонина мошна большая, если бы у вас была таковая, то и вас принял бы давно! Помните: если вас министр примет — дело ваше в шляпе!»

Наконец, через трое суток после этого разговора, в канцелярии мне сообщили: «Будьте завтра в шесть часов утра, смотрите не опоздайте!»

На другой день без нескольких минут шесть я был у дверей министра. Швейцар по звонку вызвал лакея, препроводившего меня в приемную, обставленную тяжелой кабинетной мебе-лью, обитой кожей. Немного спустя тот же лакей прошел с подносом, на котором стоял кофей-ник, молочник, на тарелках лежало масло, хлеб и два яйца. Возвратясь, он предложил мне пожаловать к князю в кабинет. Воронцов-Дашков сидел около окна за маленьким столиком и пил кофе. Приветливо со мной поздоровался, указав рукой на кресло, стоящее у двери, через которую я вошел.

«Скажите, вы бывали в Азии?» — «Нет, ваше сиятельство!» — «Жаль! Я был там при заво-евании ее генералом Скобелевым⁹⁴ и хорошо ее знаю». Спросил меня кое-что о Товариществе и, отпуская меня, сказал: «Я переговорю с государем и о результате сообщу князю Александру Сергеевичу Долгорукову».

Поехал опять к Иванову и подробно рассказал ему нашу беседу с министром и очень просил его, как только будет известен результат нашего ходатайства у государя, то прислать мне в Москву телеграмму. Вскоре я получил телеграмму от Д.Н. Иванова, вызывающего меня в С.-Петербург к А.С. Долгорукову.

Немедленно выехал и явился к князю. Он сообщил: «Государю было благоугодно заслу-шать князя Воронцова-Дашкова о вашем ходатайстве, и он изволил сочувственно отнестись к нему и высказал, что ничего не будет иметь против, если последует доклад к нему со стороны министра финансов о желательности продолжения дел Товарищества». Причем князь приба-вил: «Я уже с Вышнеградским переговорил и подробно рассказал о вашем деле; Вышнеград-ский пожелал, чтобы вы у него побывали, как только приедете в Петербург». Отправился к Вышнеградскому в день и часы его приемов. Генерал во фраке и с двумя звездами меня заслу-шал, записал мою фамилию и о чем я предполагаю говорить с министром. Через некоторое время он ко мне подошел и сказал: «Министр вас примет сегодня, по окончании приема всех ему представляющихся; говорите кратко, времени у министра мало; надо, чтобы все, что вы будете говорить, уместилось в пяти минутах времени».

Приемная была наполнена лицами в парадных формах и орденах.

---

⁹⁴ Н.А. Варенцов допускает неточность: И.И. Воронцов-Дашков служил в Туркестане и участвовал в военных операциях в 1865—1867 гг. М. Д. Скобелев находился на службе в Туркестане позднее, с 1868 по 1876 г. и в 1880—1881 гг. См.: Хроника жизни «белого генерала» М. Д. Скобелева // Московский журнал. 1993. № 9. С. 3.

Первым был принят какой-то из великих князей, за ним какой-то генерал-губернатор, а за ними пошли лица по степеням их служебного положения. Наконец очередь дошла и до меня. Вошел в кабинет, около письменного стола стоял высокий, бодрый старик, с умными и проницательными глазами, в очках. Когда я начал докладывать, он меня прервал: «Я уже слышал об этом деле от министра двора и князя А.С. Долгорукова, а потому отправляйтесь в Департамент торговли и мануфактур и поведите директора департамента Бера и скажите ему, что присланы мною с просьбой выслушать о вашем деле для ходатайства об уменьшении основного капитала, чтобы по этому поводу я мог своевременно сделать доклад государю императору».

На другой день в час дня я был в департаменте и по прибытии Бера немедленно был принят им. Директор выслушал меня очень внимательно, расспрашивал, как могло случиться, что наше дело стало известным государю. Позвонил и вошедшему курьеру сказал: «Попросите ко мне господина Голубева» (отчество и имя забыл)⁹⁵.

Явившемуся Голубеву – с виду еще сравнительно молодому человеку, лет 32—35 – представил меня, сказав:

– По распоряжению господина министра прошу вас заняться делом господина Варенцова, и постарайтесь дать делу ход в спешном порядке, вне очереди!

– Я не понимаю, ваше превосходительство, – ответил Голубев, – как понимать это «вне очереди»? Значит, остановить всю текущую работу департамента и только заняться этой?

– Нет, нет! – последовал ответ. – Как можно бросить текущую работу, понятно, нельзя, но проведите их дело в ускоренном порядке, найдутся же дела, которые могли бы быть отложены на некоторое время?

Голубев склонил с почтительным видом голову, но со злыми глазами ответил:

– Буду очень рад, если ваше превосходительство просмотрит все дела в производстве и укажет, которые из дел будут не особенно важные и терпящие задержку.

Бер, нужно думать, мягкий и добрый человек, ответил:

– Слушайте! Этим делом интересуется государь, министр просил меня производством его ускорить, тогда, понимаете, нужно исполнить!

– Слушаюсь, ваше превосходительство! Все, что от меня зависит, будет сделано!

Бер обратился ко мне:

– Прошу вас, пойдите с господином Голубевым и ему все расскажите.

Голубев подвел меня к своему столу, указал на стул, сказав:

– Вот настало времечко! Господа купцы начали лазить к государю, министрам и нас будоражить, заваленных работой по горло.

И, указав мне на кипу бумаг в три четверти аршина вышины, лежащих у него на столе, прибавил:

– И это все дела, требующие немедленно разрешения для государственного строительства, а вы – ради своего ничтожного дела – хотите приостановить их в угоду вашим желаниям. Что же-с, будем делать вне очереди!

Позвал какого-то чиновника и сказал мне:

– Изложите ему ваше дело, и он составит вам бумагу по форме, как следует, а не так, как вами написано.

Повел меня этот чиновник в какую-то комнатку, усадил за стол. Я рассказал подробно о нашем деле и что нам требуется. Он выслушал, покачал головой и сказал:

– Ох, молодой человек, молодой человек! И как неопытны вы! Никогда не начинайте с головы, а с ног, и поверьте: было бы все сделано скорее!

И он был прав! Чиновники затянули дело, и наше ходатайство получило разрешение только через два года.

---

⁹⁵ Речь идет о Голубеве Алексее Федоровиче, столоначальнике департамента неокладных сборов Министерства финансов.

Совет этого чиновника в дальнейшем мне был весьма полезен, я потом никогда не обращался сначала к высокопоставленным лицам, хотя имел для этого возможность, а начинал всегда с маленьких чиновников и с их помощью заканчивал дела гораздо скорее и успешнее, чем, как, например, в этом деле с громадными протекциями и связями.

Если бы разрешение нашего ходатайства через князя А.С. Долгорукова было бы устроено в течение трех-четырех месяцев, то есть как предполагали пайщики, то, несомненно, Среднеазиатское товарищество было бы восстановлено и благодаря кредиту могло бы продолжать свои комиссионные операции, но разрешение, затянувшееся на два года в дебрях департаментской чиновной казуистики, определило, что Товарищество не может продолжать дело за свой риск и страх из-за своего неопределенного положения.

ГЛАВА 12

Н.И. Решетников в моих глазах постепенно терял ту обаятельность, которая привлекала меня к нему в первые месяцы нашего знакомства; пришлось заметить, что он не такой крупный человек, как мне казался. Некоторые его черты, как-то: умение сходитьсь с людьми разных противоположных характеров, его проявления инициативы – изливались лишь в болтовне и красивых фразах, дальше не шли, и сильное увлечение самим собой давало основания думать, что из него не выйдет большого коммерческого дельца. Все эти наблюдения, роившиеся в моей голове, все еще с некоторыми колебаниями и сомнениями, были потом подтверждены его приятелем А.Г. Стротером, хорошо его знавшим.

Среднеазиатское товарищество, находившееся всецело в зависимости от его труда и способностей, как руководителя всех контор в Средней Азии, очень мало зависело от меня, и я лично не мог проявлять в нем особой своей деятельности, чтобы оно шло в желаемом мною направлении, а потому я был чрезвычайно рад, когда в апреле 1889 года мне было предложено вступить в Московское Торгово-промышленное товарищество в качестве руководителя по операциям со среднеазиатским хлопком. Московское Торгово-промышленное товарищество, открывая торговлю азиатским хлопком, поручило Среднеазиатскому товариществу покупку для него хлопка в Средней Азии на комиссионных началах, снабжая его для этой цели деньгами, но, чтобы деньги не могли быть расходуемы для других каких-нибудь надобностей, мне пришлось остаться в Среднеазиатском товариществе в качестве контролирующего директора.

Среднеазиатское товарищество за неимением оборотного капитала принуждено было прекратить комиссионное дело и с этим вместе значительно сократить весь правленский аппарат. При увольнении служащих случилось большое несчастье: конторщик, старик лет 65, по фамилии Дейнике, на другой день после его сокращения пришел в Товарищество и застрелился. При сокращении его принималось во внимание, что у него имеются двое сыновей с высшим образованием и хорошо зарабатывающих, он о них отзывался с большими похвалами и гордился ими, из чего можно было заключить, что ими брошен он не будет. Как потом обнаружилось, Дейнике с сыновьями не ладил из-за их матери, с которой он разошелся, обзаведясь другой семьей.

Это событие произвело на меня весьма тяжелое впечатление и преследовало почти всю жизнь, я винил себя, что не отнесся к этому с должной внимательностью, как бы это следовало сделать в данном случае.

Случилось это вскоре после нашумевшего дела австрийского наследника принца Рудольфа, который застрелил себя, предварительно убив свою возлюбленную Вечеру⁹⁶. Собы-

---

⁹⁶ 30 января 1889 г. в замке Майерлинг, близ Вены, эрцгерцог Рудольф, престолонаследник дома Габсбургов, застрелил свою юную фаворитку Марию Вечеру и покончил с собой. Причины и обстоятельства этой романтической трагедии, взволновавшей все европейское общество, до сих пор остаются невыясненными. См.: *Барт И.* Незадачливая судьба кронпринца Рудольфа. М., 1988. С. 213—216 (послесловие Т. Исламова). О широком обсуждении венских событий русским обществом

тие это волновало все общество, всюду о нем много говорили. Зайдя как-то в бухгалтерию во время завтрака служащих, мне пришлось услышать разговор по этому поводу, происходивший в соседней комнате – столовой. Дейнике сильно обвинял Рудольфа в лишении себя жизни, по его мнению, это есть наивысшее преступление против духовных законов христианина. И очень образно рисовал состояние души Рудольфа на том свете, где злые духи подпаливают его на горячих углях. Можно ли было думать, что через несколько дней Дейнике сделает то же самое?

1889 год по поступлению хлопка из местных семян был весьма хороший, но приходил хлопок с большим опозданием, провесом и окрайками⁹⁷; размещать его приходилось в разных складах, находящихся в четырех отдаленных друг от друга местах. Цена ему еще держалась довольно устойчиво, но покупателей на него было мало: покупатели учитывали положение и по возможности удерживались от покупок хлопка из местных семян. Но чувствовалось, что цена существующая не может на него удержаться, и как мы, так и наши конкуренты не имели духа сразу спустить цену на хлопок, а каждый выжидал другого, чтобы в понижении цен не быть в числе первых и владельцы хлопка, давшие его на комиссию, не могли бы обвинить их в неосторожной сделке.

Я случайно встретил биржевого маклера Алексея Яковлевича Вернера, работавшего вместе с Федором Егоровичем Шлихтерманом. Вернер сообщил, что брат его компаньона, известный прядильщик Егор Егорович Шлихтерман⁹⁸, готов купить большую партию хлопка, если с цены будет уступлено. Я сказал, что готов уступить, если Шлихтерман купит большую партию не меньше 5 тысяч кип.

Знакомство с Е.Е. Шлихтерманом состоялось в отдельном кабинете ресторана Тестова⁹⁹. Е.Е. Шлихтерман мне не понравился по своей напыщенности и хитрости, держал себя как настоящий пруссак; так сквозило во всех чертах его лица: один народ – немцы, а остальные – навоз для удобрения земли для процветания немецкой нации. К нему очень применимо название «бош», данное им французами во время войны 1914 года; слово «бош», как я понимаю, – наглый, заносчивый и злой мальчишка.

Предложенная Е.Е. Шлихтерманом цена меня сильно ошеломила, я заранее обдумал, до какой уступки мог бы я идти, но предложенная им цена значительно была ниже моих предположений. Я сидел красный, даже пот на лбу выступил от такой неожиданности, но какая-то внутренняя сила понуждала меня действовать решительно и не уклоняться от сделки. Я сильно торговался, но работающая в голове мысль настойчиво убеждала: кончить, на другой день уже будет поздно! Наконец я протянул дрожащую руку и согласился. Нужно быть художником, чтобы описать торжество этого «боша», выразившееся на лице его, обращенном к брату: ну, что я тебе говорил! как же могло быть иначе! Мог ли русский, да еще мальчишка, противустоять против настоящего немца!

Единственное мое условие – сохранить в тайне сделки, – конечно, не исполнил. На другой же день Биржа¹⁰⁰ о ней узнала. Но его же хвастовство послужило ему во вред: мой смелый

писал также П.И. Щукин: «В 1889 году много говорили о трагической смерти австрийского кронпринца Рудольфа и его возлюбленной, 18-летней девицы Марии Вечеры» (*Щукин П.И. Воспоминания. М., 1912. Ч. 4. С. 32*).

⁹⁷ *Окрайка* – загрязненные при транспортировке и хранении поверхностные слои хлопкового сырья, упакованного в тюки или кипы.

⁹⁸ Е.Е. Шлихтерману принадлежали прядильные фабрики в Москве и Московской губ., входившие в состав Торгового дома «Е. Е. Шлихтерман».

⁹⁹ В 1880-х гг. в Москве был популярен Большой Патрикеевский трактир И.Я. Тестова, на углу Воскресенской и Театральной площадей, славившийся своей русской кухней. При сыновьях И.Я. Тестова трактир был переименован в ресторан. Здание не сохранилось.

¹⁰⁰ Имеется в виду Московская товарная и фондовая биржа, основанная в 1839 г. в здании на углу ул. Ильинки и Рыбного пер. Была местом заключения сделок на товарную продукцию, котировки ценных бумаг. Лица, производившие торговлю на бирже, составляли Московское биржевое общество.

шаг решил участь цены хлопка, наши конкуренты бросились продавать хлопок по цене более дешевой, чем продал я, с неукоснительным ежедневным понижением. Шлихтерман принимал от нас вторую половину партии, а цена на хлопок была уже значительно ниже, чем тогда, когда он купил. Вышло так, что в дураках оказался «бош»!

Сдача хлопка происходила при чрезвычайно тяжелых условиях: Шлихтерман рвал и метал! Его приемщики требовали невероятную скидку за сырость, окрайки и придирались ко всему, что только было возможно, чтобы хотя этим покрыть убыток от цены, сильно к этому времени понизившейся. Наши сдатчики, учитывая создавшееся положение, торговались почти до кровавого пота, но не давали возможности Шлихтерману найти повод к расторжению сделки. Наш лучший сдатчик Григорий Михайлович Грибков обладал настойчивостью и большим тактом ладить с покупателями, но и он был измучен приемкой Шлихтермана и неоднократно просил меня уволить его от сдачи и передать ее кому-нибудь другому.

Шлихтерман приезжал ежедневно на склад и уже одним своим присутствием угнетал как своих приемщиков, так и наших сдатчиков. Однажды приехавший на склад Гука на Старой Басманной¹⁰¹ Шлихтерман быстро подошел к весам и взял все гири, отправившись с ними и со своими служащими в соседнюю лавочку, где перевесил их. В одной из маленьких гирь вес оказался меньше, чем следует, из-за выпада свинцового довеска, обыкновенно после отливки гирь дополняющего их до определенного веса. Грибков и другие артельщики заявили при составлении протокола, что эта гиря не наша, что она кем-нибудь подброшена, так как весь комплект гирь находится налицо и помещается в особых ящиках. Все это было проверено помощником пристава¹⁰², составлявшим протокол.

Грибкова привлекли к суду у мирового¹⁰³, который, рассмотрев дело, признал Грибкова невиновным. Шлихтерман на этом не успокоился: подал заявление обер-полицмейстеру с жалобой на помощника пристава, обвиняя его в принятии взятки. Обер-полицмейстер¹⁰⁴, получив такое заявление, принужден был передать жалобу Шлихтермана в суд. Фамилию помощника пристава я забыл, но звали его Александр Николаевич¹⁰⁵, с ним я имел дела, так как в его участке находился мой доходный дом. Он был слабого здоровья, со всеми обращавшимися к нему был любезен и, как мне казалось, на фоне полицейских чиновников выделялся как белое пятно, и про него можно сказать: попался, как курица в щи! Взятки ему не давали, да и не за что было давать. Склады находились в ведении артели, с письменным от них ручательством, что за все последствия от беспорядков и неурядицы ответственны они. Ясно было видно, что Шлихтерман добивался скандала, с целью расторгнуть договор, ставший ему очень невыгодным.

На здоровье помощника пристава придание его суду сильно подействовало, и вскоре после процесса он скончался.

День суда настал. Шлихтерман со своими служащими прибыл в суд своевременно. Суд вышел. Председатель суда прочел все дела, подлежащие рассмотрению на этот день, и дело помощника пристава было четвертым. Шлихтерману сидеть в суде и слушать дела не хотелось, он отправился со своими свидетелями пить пиво в буфет. Пока он сидел там, первое дело окончилось, второе и третье дела по каким-то причинам отложены, началось слушанье дела помощника пристава. Председатель вызывает обвинителя Шлихтермана и его свидетеля Малышева. В зале их не оказалось. Суд постановил: за неявкой обвинителя и свидетелей счи-

¹⁰¹ Склад Торгового дома «Ю. Гук и К^о» размещался по адресу: Старая Басманная ул., д. 19 (здание сохранилось).

¹⁰² *Помощник пристава* – должностное лицо Московской городской полиции, помощник участкового пристава, надзиравшего за одним из 40 полицейских участков города.

¹⁰³ *Мировой судья* – должностное лицо, избираемое городской думой для единоличного рассмотрения мелких уголовных и гражданских дел в мировом судопроизводстве в 1864—1889 и 1912—1917 гг. в Москве.

¹⁰⁴ Московским обер-полицмейстером в 1896—1905 гг. был Дмитрий Федорович Трепов.

¹⁰⁵ *Александр Николаевич Шперлинг* служил помощником пристава 2-го участка Басманной части в 1899—1901 гг.

тать дело помощника пристава прекращенным. Суд продолжал рассматривать следующие дела. Явившийся Шлихтерман занял место в публике, ожидая своего дела.

Окончивши все дела, суд встал, чтобы удалиться. Шлихтерман начал кричать: «Господин председатель! Почему же мое дело не рассматривается?» Председатель, выяснив, о каком деле он говорит, ответил: «Обвинителя по нему своевременно вызывали, в зале суда его не оказалось, а потому дело постановлено прекратить». – «Я был в суде – в буфете!» Последовал ответ: «Нужно было быть не в буфете, а в зале суда!»

Грибков, бывший на суде, рассказывал мне, что со Шлихтерманом чуть не сделался удар, был красен как рак и при выходе из зала суда ругал суд и всех русских за их порядки.

Шлихтермановский свидетель Малышев был единственным русским служащим в конторе Шлихтермана, и держал он его только за то, что Малышев отлично говорил по-немецки. Вскоре после процесса Шлихтерман его уволил; Малышев пришел просить, чтобы я взял его на службу в Товарищество, и объяснял свое увольнение только тем, что он русский. И рассказывал мне, что, когда я приходил в контору Шлихтермана, тот, пользуясь тем, что я не понимал по-немецки, поносил всех русских, и в том же числе и меня, называя нас «свиньями» и тому подобными наименованиями. Я сказал Малышеву: «Как же вы, будучи русским и понимая, что он говорит, допустили это?» – «Что я мог делать? Скажи что-нибудь, он меня немедленно бы уволил».

Прошло после этого полгода, мне Грибков сообщил, что подбросил гирю один из бывших наших служащих на складе, которого я за какие-то проступки уволил со службы, и он, желая отомстить за свое увольнение, подбросил гирю и о том сообщил Шлихтерману. Виновик этой неприятности рассказал это какому-то своему приятелю, служившему в Товариществе, во время их кутежа в портерной.

ГЛАВА 13

Ко мне в Московское Торгово-промышленное товарищество часто заходил биржевой маклер Алексей Александрович Майтов, рассчитывая от меня получить поручение на продажу русского хлопка. Раньше, до вступления в Товарищество Руперти, он делал здесь большие дела; Руперти устранил его из Товарищества, и с моим вступлением он думал опять втереться в него, стараясь как можно ближе сойтись со мной.

Майтов на маклерстве нажил довольно большие деньги, как он сам говорил, около полу-миллиона рублей, считая в том числе дом его на Софийской набережной, выходящий на Москву-реку, а другой стороной на «канаву»¹⁰⁶. Успех этот вскружил ему голову, он начал манкировать своим делом, часто уезжал за границу и в свое имение. И это сказалось в будущем: его клиентуру перехватили более энергичные маклеры, а следовательно, и те доходы, которые он имел.

В одно из своих посещений Москвы Н.И. Решетников однажды зашел ко мне в Товарищество, как раз когда у меня сидел А.А. Майтов. Я их познакомил. Н.И. Решетников начал восхвалять Азию, рисуя ее громадную будущность в хлопковом деле, причем не стеснялся рассказывать о Среднеазиатском товариществе, предвещая ему большой успех, и этими рассказами он разжег у Майтова его слабость – страсть найти товарищество, где бы он мог сделаться единственным продавцом. После этого Майтов начал ходить в Среднеазиатское товарищество к Н.И. Решетникову, с которым близко подружился. Дружба их вылилась в то, что Майтов пожелал купить паев Среднеазиатского товарищества, в это время сильно подешевевших, а Николай Иванович способствовал в покупке их.

---

¹⁰⁶ «Канавы» – водоотводный канал для сброса паводковых вод, проложенный через низинные участки Замоскворечья в 1783—1786 гг.

Когда я узнал, что Майтов начал их скупать в значительном количестве у фабрикантов, поставивших на них давно уже крест, я, сочувствуя Майтову, дал ему понять, что скупка паев в данное время преждевременна. Отлично учитывал, что дела Среднеазиатского товарищества под управлением Решетникова не пойдут хорошо. Предполагал, что он примет мое замечание к сведению и будет осмотрительнее, а вышло наоборот: он чистосердечно передал мои слова Решетникову, который тоже в свою очередь дал ему понять, что это говорится мною, может быть, с целью скупить паи для себя, а Майтов в этом случае мешает мне. Алексей Александрович поверил ему и еще больше усилил скупку и сделался одним из самых больших пайщиков Среднеазиатского товарищества и вместе с тем большим приятелем Решетникова, подпавши вполне под его влияние.

Как-то раз беседовали втроем Решетников, Майтов и я, Майтов рассказал нам, что он и его жена увлекаются спиритизмом, что у них составилась кружок лиц, в котором участвуют граф Олсуфьев, [В.А.] Хлудов, архитектор Соколов и еще кое-кто. На этих сеансах бывают поразительные явления; между прочим, предложил нам приехать к нему и принять участие в сеансах. Решетников с радостью согласился и начал меня убеждать поехать к Алексею Александровичу. Майтовым был назначен день, когда мы должны были к нему приехать. В назначенный день мы ехали к нему на извозчике, от души потешаясь над сеансами, изображая, как все это будет комично и смешно.

Когда приехали, уже застали собравшийся кружок лиц. Сеанс полностью не удался, сидели около часу, и ничего не вышло. Олсуфьев и Хлудов уехали, оставшиеся были приглашены милой и изящной хозяйкой Софьей Владимировной пообедать.

После обеда хозяин, Решетников и я пошли в гостиную и начали продолжать заниматься спиритизмом, остальные гости остались в столовой. Майтов положил на стол овальной формы из красивого дерева лист белой бумаги, сели вокруг этого стола, составив из рук цепь. В руке Решетникова находился карандаш, и все молча углубились в ожидание. Карандаш скоро что-то начал писать, тогда Майтов обратился к мнимому духу с просьбой сообщить свое имя. Карандаш написал: «Мария». – «Как отчество?» – «Николаевна». – «Фамилия?» – «Самойленко». Последний вопрос повторялся три раза, так как фамилия Самойленко для нас всех троих была неизвестна, но ответ получался все тот же.

Тогда, после третьего переспроса, я вспомнил, что у меня была тетка Мария Николаевна Самойленко, которую я видел только в течение трех дней ее пребывания в Москве, когда она приехала из Варшавы, чтобы повидать своего отца, и остановилась у нас; она осталась у меня в памяти только из-за хорошего подарка, врученного мне при отъезде, я был тогда в возрасте шести-семи лет. Потом, когда мне исполнилось восемнадцать лет, мой дядя Николай Николаевич сказал мне: «Умерла моя сестра Мария Николаевна в Варшаве, в психиатрической больнице Св. Иисуса. Мне известно, – добавил он, – у ней остались средства, находящиеся в банке; наследниками этих денег являетесь вы и я, а потому не съездите ли вы в Варшаву и не узнаете ли все подробности?» Я поехал с одним из своих товарищей, поляком, едущим в то время по своим делам туда. Он мне рекомендовал какого-то адвоката, который навел справку и разузнал, что М.Н. Самойленко действительно была в больнице душевнобольных Св. Иисуса, скончалась, погребена на таком-то кладбище; скончалась она больше двух лет назад, и оставшиеся у ней деньги поступили в пользу города Варшавы в силу существующего закона. Подтвердил, что все ее деньги перешли на законном основании к городу и оспаривать это он не возьмется.

Вспомнив все это, я сказал моим компаньонам по сеансу: «Самойленко – это моя тетка, умершая двенадцать-тринадцать лет тому назад». После чего я задаю вопрос: «Как ты доводишься мне?» – «Твоя тетка!» – «Что тебе нужно?» – «Молитвы и милостыни!» – «Где умерла?» – «В Смоленске». Это сообщение ее уже было неверно: мне известно, что она скончалась в больнице Св. Иисуса и погребена в Варшаве. Переспросили несколько раз, и ответ получался: «В Смоленске». Зная ее отношения с братом Николаем Николаевичем, о которых

часто мне рассказывала матушка, с которым, как говорила, она жила как кошка с собакой, с постоянными ссорами и неприятностями, я задал вопрос: «Что желаешь передать своему брату Николаю Николаевичу?» Карандаш с силой вырывается из рук Решетникова и ломается. Взяли другой. Опять задаем тот же вопрос. Карандаш опять вырывается из рук Решетникова и далеко падает от стола.

После чего встали из-за стола и протянули над ним руки. Стол быстро двинулся к двери и ударился в нее; его водворили на старое место, но только протянули руки, как он опять еще с большей силой подбежал к двери и ударился в нее. Гости из столовой, услышав шум и наши удивления, вошли в гостиную, но стол больше уже не двигался.

Когда возвращался домой, одно меня смущало: тетка ответила, что она скончалась в Смоленске, когда я был уверен, что это было в Варшаве. Мне пришло в голову: не было ли со стороны Решетникова и Майтова мистификации? Но решил, что этого быть не может. Решетников и Майтов у меня в семье не бывали и не были знакомы ни с одним из моих родственников, да притом в нашей семье о Самойленке мало говорили: она покинула Москву еще до моего рождения, прервав все отношения со своим родством.

Чтобы выяснить, где же она умерла, в Варшаве или Смоленске, я решил поехать к моей двоюродной сестре Надежде Ивановне Пановой, с которой я не видался уже много лет, зная, что она очень любопытная дама и знает почти все, что касается ее родства.

Панова мне рассказала: тетка была в больнице Св. Иисуса, однажды, никем не замеченная, ушла оттуда и скрылась. Исчезновение ее вечером заметили, встревоженная администрация больницы послала искать людей, они отправились на вокзал железной дороги, узнали от носильщиков и железнодорожников, что они заметили странную даму без багажа и она села на московский поезд.

Со следующим поездом отправились из больницы лица, чтобы задержать ее и водворить обратно в больницу. Расспрашивали на всех станциях железнодорожников, не выходила ли у них на станции странная дама. В Смоленске им сообщили, что видели какую-то даму и с большими странностями, она вышла, взяла извозчика и уехала в город.

Наконец нашли извозчика, везшего ее; он указал меблированные комнаты, куда он ее доставил. Прибыли в меблированные комнаты, когда там был большой переполох по случаю смерти в номере дамы, приехавшей вчера и без паспорта. После всех формальностей с полицией труп ее был выдан посланным из больницы, отправившим его в Варшаву, где и был погребен. И, таким образом, сказанное на сеансе теткой подтвердилось: город, где она скончалась, был Смоленск.

После первого спиритического сеанса, естественно, у меня явилось желание участвовать в дальнейших, хотя, должен признаться, мне Майтов не особенно нравился: как делец он представлял из себя небольшую величину и как человек не выделялся ничем особенным, у меня с ним ничего не было общего, и в свою очередь я видел, что он меня приглашал к себе только из-за того, что я могу ему дать заработок, а, понятно, это мне не могло нравиться. Н.И. Решетникову было приятно бывать у Майтова, его заметно интересовала Софья Владимировна, жена Майтова, притом же он был большой любитель флирта, он мне часто говаривал: «Бей ворону, бей сороку, руку набьешь – сокола убьешь!» На свои ухаживания смотрел как на упражнение в получении большого опыта по занятию места в дамских сердцах, что ему в большинстве случаев удавалось, и он умел как-то подходить к женщинам, возбуждая чувство доверия к себе и надежду найти в нем мелодию, не хватавшую им в их жизни.

Наши посещения Майтова участились, но сеансы без медиума не были интересны, а потому стали искать его. Кто-то указал, что где-то на Украине имеется медиум с замечательной силой, Бурхард¹⁰⁷. Списались с ним. Он согласился приехать, если ему будут платить в год по

---

¹⁰⁷ По всей видимости, мемуарист имеет в виду известного одесского медиума и гипнотизера С. Бурксера (не Бурхарда),

3 тысячи рублей до приискания им постоянного места в Москве. Собрали ему между собой следуемую сумму, и он приехал.

Описывать все сеансы я не буду, они были очень интересны и заняты, реальность явлений во время сеанса была несомненна, но, когда я приезжал домой, невольно находили разные мысли, которые побуждали не верить им, с предположением, что ты все-таки был одурачиваем.

Я – из всего кружка – особенно относился к явлениям с большим недоверием и тщательно старался проверять все и следить за всем. В одном из сеансов, на котором не присутствовал, было заявлено стуками, что я своим скептицизмом не даю возможности развиваться явлениям с большой силой, с предложением устранить меня из кружка. Об этом мне передали, конечно, я вышел. И оставление занятий спиритизмом послужило мне большой пользой: я серьезно захворал нервно и долго лечился.

Я опишу один из сеансов, где я присутствовал. Сеансирование происходило на квартире Бурхарда. Комната была средних размеров, с двумя окнами и одной дверью. На стенах не было никаких украшений, и окна без драпировок. В комнате находились один стол, довольно большой ореховый диван и венские стулья по числу присутствующих лиц. Перед началом сеанса я осмотрел внимательно всю комнату, дверь запер на замок и ключ положил в карман. Окна завесили пледами из-за светлой лунной ночи.

Сидели долго, явлений не было, потом начались стуки все с большей и большей силой. Диван, на котором сидел я и еще несколько человек, начал трещать под нами, было ощущение, как бы он разваливался и мы сейчас провалимся на пол. Решили сеанс прекратить, чтобы с дивана пересесть на стулья. Зажгли свет. К общему удивлению, диван стоял совершенно целый, в нем ничего не было сломано. Бурхард с выступившим на лице потом лежал бледный на диване и слабо дышал. После небольшого отдыха он скоро пришел в себя, и опять начали сеансировать. Долго ничего не было, потом стуками сказали: сегодня ничего не будет, нельзя прерывать начавшееся явление, это делать недопустимо! Сидевшие начали просить продолжать явление, обещаясь больше не прерывать явлений, хотя бы что и случилось. После долгого перерыва опять начался сильный стук в потолок и стены с ломкою, как и раньше, дивана. Кто-то закричал: «У меня на коленях сидит девочка лет пяти-шести, целует меня, гладит ручками лицо!» Потом случилось то же самое с соседом, и наконец очередь дошла и до меня. На моих коленях усаживается девочка, начинает целовать, обнимать ручками, чем доставляет мне какое-то особенное удовольствие и радость. Такое же ощущение, оказалось, было и у всех; я стараюсь ухватить ее за платице и удержать, но слышу, как она уже сидит у соседа, таким образом, девочка обошла всех присутствующих. После чего само собой открылось окно, завешанное пледом; комната осветилась светом луны, и все увидели стоящего старика монаха во всем белом и с белым клобуком на голове. Стуки говорят, что монах – недавно скончавшийся в Троице-Сергиевской лавре отец Афанасий. Чувствую брызги воды на лице. Стуки указывают: отец Афанасий окропил святой водой. Сеанс кончен.

Зажигаем свет и видим: медиум Бурхард лежит без чувств, с лица капает пот, на столе стоит стакан с водой, закрытый записочкой, на которой карандашом написана молитва.

Бегу к двери и удостоверяюсь: дверь заперта; ключом, бывшим у меня в кармане, отпираю. Жена медиума и ее сестра, присутствовавшие на сеансе, сейчас же уходят из комнаты.

Когда направлялся домой, мысль моя работала: как все это могло быть? Я и все присутствующие несомненно ощущали девочку на своих коленях, она обнимала и целовала всех, удержать ее платице рукой я не мог, и, как оно из моей руки вышло, я себе не мог представить. Является будоражащая мысль: не могла ли девочка быть спрятанной в платьях у мадам Бурхард или ее сестры? Почему они так быстро ушли из комнаты? Все это меня волнует, и я

на себя бешусь: зачем я так скоро отворил дверь. И так я почти после каждого сеанса стараюсь найти и обнаружить фокусничество.

Этот сеанс и другие, с большими явлениями, меня все-таки не так поражали из-за предположенной чистой работы фокусников, а следовательно, обмана, но мой первый сеанс у Майтова, а потом у меня на квартире, о котором я сейчас расскажу, больше поразили и заставили думать, что слова Гамлета: «Есть многое на свете, мой друг Гораций, чего не снилось нашим мудрецам!» – мудры и глубоки до бесконечности....

У меня по средам, кроме летних месяцев, собирались играть в винт. В одну из таких сред приехали двое, третий же партнер, Николай Петрович Попов, хозяин дома¹⁰⁸, в котором я жил, почему-то задержался, хотя он был всегда один из аккуратнейших. Решили до его прихода посеансировать, приняла участие в этом моя жена, считающаяся медиумичной, так как при ней явления всегда были сильны. Скоро начались стуки, из которых составляли слова. Спрашиваем: «Кто ты?» Ответ: «Олимпиада». – «Твое отчество?» – «Михайловна». – «Фамилия?» – «Попова». – «Что тебе нужно?» – «Передайте сыну: он сегодня не исполнил своего обещания!»

В это время раздается звонок. Входит в гостиную Н.П. Попов, как всегда, веселый, довольный, расправляя свои баки, и спрашивает: «Вы уже начали играть?» – «Нет, ждем вас, а пока занялись спиритизмом, только выходит какая-то ерунда: какая-то Олимпиада Михайловна просит сообщить сыну, что он сегодня не исполнил своего обещания». Н.П. Попов сильно побледнел и упал на кресло. Все к нему подбежали, дали воды, намочили голову одеколоном. Он пришел в себя, немного успокоился, встал, шатаясь и ни с кем не простясь, ушел к себе домой.

Мы все были сильно удивлены: что с ним случилось? – огорченные, что винт не мог состояться.

На другой день Попов пришел ко мне и извинился, что вчера ушел, рассказал: Олимпиадой Михайловной звали его мать¹⁰⁹, давно умершую. В день ее кончины она просила его ежегодно совершать заупокойную литургию и панихиду. Он дал в этом ей слово и ежегодно исполнял, но вчера – день ее смерти – он совершенно забыл об этом, а потому и не исполнил своего обещания.

Все присутствующие не знали имени и отчества его матери, а тем более не знали о его обещании, данном ей в день кончины.

ГЛАВА 14

Окончившийся 1889 год был во всех отношениях для меня весьма благоприятен: в Московском Торгово-промышленном товариществе я получил возможность работать без всякого вмешательства других лиц, стоящих в Товариществе по положению выше меня. В сентябре купил дом на углу Денисовского и Токмакова переулков у М.Д. Четверикова, оказавшегося моим родственником, чего до покупки не предполагал. В мои юношеские годы пришлось жить недалеко от этого дома; когда бы я ни проходил мимо его, всегда любовался им: густая растительность, состоящая из старых дубов, лип, лиственниц, карликовых тополей¹¹⁰, между которыми росли густые, запущенные кусты сирени, жасмина, жимолости, образовавшие как бы непроходимые дебри, которые окружали старый белый дом с колоннами, с мезонином крестообразной формы, с круглыми обширными рамами. Владение по улице было окружено забором

---

¹⁰⁸ В 1880—1889 гг. автор жил со своей семьей в доме № 17 по Елоховской ул., принадлежавшем А.И. Поповой, муж которой, Н.П. Попов, юридическим владельцем дома не был.

¹⁰⁹ Неточность: отчество матери Н.П. Попова было «Гавриловна», а не «Михайловна».

¹¹⁰ *Карликовый* (каролинский) *тополь* – одно из названий дельтоидного тополя (лат. *Populus deltoides*), завезенного в конце XVIII в. в Европу из Северной Америки, из штата Северная Каролина. В Москве до сих пор распространена именно эта разновидность тополя.

на каменном фундаменте, со столбами из белого камня, с железными толстыми решетками, торчащими вверх пиками, и тяжелыми широкими воротами. Весь вид его изображал старую заброшенную усадьбу в захолустной губернии.

Дом долго не был обитаем; когда я купил его, у него уже две колонны упали, на мезонине штукатурка потрескалась и обвалилась, стекла в ветхих рамах были покрыты пятнами грязновато-фиолетового оттенка от выгорания на солнце, и, покупая его, я считал, что он сделан весь из дерева. Года за два до покупки интересовался узнать, продается ли он. Получил ответ: продается за 200 тысяч рублей. Это для меня было дорого, и я оставил мечту о приобретении его. Случайно узнав от своего знакомого С.И. Перлова, что он продается за 50 тысяч рублей, я немедленно его купил.

В «Историческом вестнике»¹¹¹ была помещена статья, кажется, в год моей покупки, что этот дом некогда принадлежал известному писателю Денису Фонвизину, почему переулок назван Денисовским, но мой тесть, Н.А. Найденов, которому я дал прочесть эту статью, утверждал, что это не так: наименование переулок Денисовский получил от бань, принадлежащих купцу Денисову, но что этот дом принадлежал Фонвизину не писателю, а известному декабристу¹¹².

Еще третье, важное для меня событие: вошел директором в Товарищество Н. Разоренова и М. Кормилицына, получив за организацию этого Товарищества на 100 тысяч паев. Следующий, 1890 год мне принес много интересной работы, которой я отдавался с большой охотой, не жалея сил, и от этого года у меня остались в памяти некоторые эпизоды из моей жизни и жизни некоторых других лиц, с которыми волею судеб мне пришлось иметь общение.

Однажды я был приглашен на обед к А.А. Майтову, где, понятно, встретил Н.И. Решетникова. По лицу милой хозяйки Софьи Владимировны было заметно, что она чем-то была озабочена, и в конце обеда она обратилась ко мне: «Скажите, пожалуйста, Николай Александрович! Мы хотим продать дом на Софийской набережной¹¹³; мужу за него дают триста тысяч рублей. Как ваше мнение: продать ли его, не дешево ли это будет?» – «Продайте, – ответил я, – по-моему, цена хорошая! Тем более, что в доме вашем не имеется канализации и спускаются все нечистоты в поглощающие колодцы, а по городским обязательным постановлениям делать этого нельзя. Вас заставят сделать бетонированные ямы, и нечистоты придется вывозить, а это обойдется чрезвычайно дорого». Это было в то время, когда городским головой был Н.А. Алексеев, старающийся всеми силами уничтожить поглощающие колодцы.

Софья Владимировна за совет поблагодарила. Вдруг Н.И. Решетников обращается к ней: «Вы хотите продать свой дом за триста тысяч рублей? Да что вы! Я сейчас же готов вам дать за него триста тысяч рублей! Николай Александрович ошибается: ценность земли в Москве неимоверно дешева, найдете ли в каком-нибудь из больших городов Европы стоимость земли в пятьдесят—сто рублей за квадратную сажень, везде стоит по несколько сотен рублей, а то и тысяч!»

Мне осталось после его слов только пожать плечами; не мог же я посоветовать Софии Владимировне: берите с него скорее задаток. Майтовы послушались Решетникова, дом не про-

¹¹¹ «Исторический вестник» – ежемесячный историко-литературный журнал, издавался в Петербурге в 1880—1917 гг.

¹¹² Версия о принадлежности усадьбы на углу Токмакова и Денисовского переулков (ныне д. 21/2) драматургу Д. И. Фонвизину была высказана журналистом Д.А. Покровским (см.: *Покровский Д.А. Очерки Москвы // Исторический вестник. 1893. № 6. С. 762*), но документально не подтверждена. Свое название Денисовский пер., именовавшийся до середины XVIII в. Голландским, получил, видимо, от фамилии владельца торговых бань Д.И. Денисова, который владел здесь участком земли на берегу р. Чечеры. См.: *Цветков В.Д. Старая Басманная слобода в Москве с историческим и археологическим описанием приходского (Никитского) храма // ОПИ ГИМ. Ф. 104. Ед. хр. 6. Л. 258—260. Точка зрения о принадлежности усадьбы декабристу М.А. Фонвизину также не подтверждена. См.: Тыман Л.В. Современные методы учета усадебных комплексов // Русская усадьба. М., 1997. Вып. 3 (19). С. 81—96; ЦАНТД. Басманная часть. Д. 606—610/ 431—435.*

¹¹³ С.В. Майтова владела домом № 26/1 по Софийской набережной, который был продан в 1898 г. В.А. Бахрушину для устройства Вдовьего дома на 450 бесплатных квартир с комплексом детских учреждений. Здание сохранилось.

дали. Через год или два, когда необходимость заставила их продать, продали В.А. Бахрушину за 140 тысяч рублей, который устроил в этом доме общежитие для бедных вдов, имеющих детей.

Н.И. Решетников, его шурин Василий Иванович Лобанов и я стоворились отправиться в Московский купеческий клуб¹¹⁴ на обед, а после него остаться на маскарад, должный быть в этот вечер там. Пообедав, мы засели в зале, выбрав удобное место для наблюдения за маскированными, беседуя о разных делах; в это время подошел лакей к Решетникову и сообщил: «Приехавшая дама просит провести ее в клуб». Решетников встал, привел свой костюм в порядок, пригладил волосы и своей легкой, изящной походкой быстро пошел за лакеем. Мы, оставшиеся, начали костить на все корки этого счастливирика за успех его у дам. Правда, мы ему завидовали!

Немного спустя подходит опять лакей и приглашает Лобанова, я же, оставшийся один, решил поехать домой и уже встал, чтобы идти в раздевальню, но ко мне подошел лакей и просит пожаловать в гостиную. Вижу сидящих в гостиной за столом Решетникова, Лобанова и с ними даму в черном домино и маске. На столе у них стоит шампанское и фрукты. Они приглашают меня сесть, наливают шампанского, дама очищает мне мандарин, и начинается довольно оживленный разговор. Поболтав некоторое время, дама обращается ко мне с просьбой погулять по залам и показать ей клуб.

Гуляя по клубу, моя дама начинает меня заинтриговывать, ведя разговор очень тонко и ловко; я начинаю ею увлекаться. «Скажите, – говорит она, – правда, здесь публика какая-то сонная, как осенние мухи. Хорошо бы поехать в «Стрельну» или «Яр», послушать пение, ... там жизнь бьет ключом!» Вижу: дело клонится к тому, что, пожалуй, она меня уговорит ехать в загородный ресторан, и при этом вспоминаю бывший со мной во время моей юности случай, когда мне было около двадцати лет, то есть в такие года, когда сердце трепещет от каждой юбки.

Получаю телеграмму: «Будьте в Благородном собрании¹¹⁵ на маскараде в воскресенье» с подписью «Голубое домино». Я еле дождался воскресенья, пришел туда первым, когда еще только начали зажигать лампы. Сел в первой маленькой зале на диванчик и начал ожидать голубое домино. Часов в десять я вижу поднимающуюся по лестнице маску в голубом изящном домино, почти всю опутанную дорогими кружевами, в голубых туфельках; у меня так сердце и затрепетало: не она ли?

Домино проходит мимо, пристально смотря на меня, но скоро возвращается обратно и садится на тот же диванчик, на котором сижу я.

Я волнуюсь, про себя думаю: не это ли домино, приславшее мне телеграмму? Но как я начну с ней разговаривать? Придумываю в голове фразы, но горло пересохло, язык прилип к гортани, и ничего произнести не могу. Домино меня сама выручает, спросив: «Скажите, пожалуйста, который час?» С этого завязывается разговор, и я ей предлагаю руку для прогулок по залам. Моя дама в домино, в изящном, дорогом костюме, на шее жемчужное ожерелье, в ушах солитеры, от нее идет запах тонких парижских духов – все это меня одурманивает и волнует, воображение мое дорисовывает ее красоту и молодость. В разговоре она упоминает известные московские фамилии и в том числе называет фамилию, имя, отчество моей тетушки, Софии Николаевны Алексеевой. Нужно сказать, что моя тетушка была большая пуританка, попасть к ней в дом лицу с сомнительной репутацией было невозможно. Хотя она была из купеческого

---

¹¹⁴ *Купеческий клуб* (Купеческое собрание) был основан в конце XVIII в.; его членами могли быть только купцы и потомственные почетные граждане, с 1879 г. – лица «всех званий и сословий». С 1839 по 1909 г. клуб располагался в особняке на ул. Большая Дмитровка, д. 17 (ныне Музыкальный театр), с 1909 по 1918 г. – в здании на Малой Дмитровке, д. 8 (ныне театр Ленком).

¹¹⁵ *Благородное собрание* – сословная дворянская организация, учрежденная в Москве в 1783 г. Приобрело в 1784 г. для своих собраний, балов и маскарадов дом на углу улиц Охотный ряд и Большая Дмитровка. Дом, знаменитый своим Большим (Колонным) залом, после 1917 г. перешел в ведение профсоюзов.

рода, но она не сближалась с лицами этого круга, предпочитая общество из интеллигентных людей. И это мне дало право думать, что моя дама из такого же общества.

Когда я гулял с ней по залам, ко мне подошла другая дама, тоже в голубом домино, и сказала: «Я тебя ожидала и искала!» Но я уже не мог покинуть свою даму, я так увлекся ею, тем более что подошедшая домино не была так изящно одета.

Боясь, что новое голубое домино опять будет ко мне подходить, предложил своей даме прокатиться за город в «Стрельну». Она согласилась. Дорогой, а потом в отдельном кабинете я упрашиваю снять маску, и после некоторых уговариваний она снимает. О ужас! Мною созданная иллюзия была жестоко разбита: оказалось, женщина далеко не молодая, хотя еще с сохранившимися красивыми чертами лица; я чуть не вскрикнул от огорчения, и вскоре мы катили обратно, с одним моим желанием – скорее доставить мою даму домой. К сожалению, это приключение еще не кончилось из-за моей болтливости: я сказал свою фамилию и что Софья Николаевна моя тетушка; через несколько дней получаю от нее безграмотное письмо с приглашением приехать куда-то, потом второе и еще несколько телеграмм, но я не поехал на эти свидания.

Встречаю сына моей тетушки Софьи Николаевны – Михаила Ивановича Алексеева, сказавшего мне: «Вы наделали какие-то дела, от которых моя матушка пришла в ужас! К ней почти силком ворвалась ее бывшая портниха и с большой настойчивостью добивалась узнать ваш адрес». Он же мне и сообщил: эта бывшая портниха была в свое время интересной и красивой женщиной, была на содержании у очень богатого человека, у них появились дети, после чего он женился на ней и она сделалась богатой дамой.

Вот почему, когда в Купеческом клубе дама в черном домино предложила поехать в загородный ресторан, я вспомнил приключение, только что рассказанное, со всеми от него переживаниями, я ей решительно заявил: «У меня завтра срочное дело, мне необходимо сегодня подготовиться к нему, а потому не могу воспользоваться приятной прогулкой». Подвел ее к столу, где сидели Решетников и Лобанов, и извинился перед ними, что должен отправиться домой. Решетников тоже не пожелал оставаться в маскараде, и мы с ним вместе вышли из клуба.

На другой день В.И. Лобанов, встретившись со мной на Бирже, сообщил, что вчера с дамой хорошо кутнули в «Стрельне». По его словам, дама была интересная и красивая.

Приблизительно через год мне пришлось быть в Средней Азии в Самарканде. Поехал навестить жену Н.И. Решетникова, жившую там со своими детьми. Александра Ивановна приняла меня весьма радушно, взяв с меня слово, что я на другой день приеду к ней обедать. Угостила меня отличным обедом, после чего предложила прокатиться в имение, где имелся винный подвал. Поехало нас трое – она, офицер Николаев и я.

В хорошо устроенном подвале стояли большие бочки с вином разных лоз и сортов. В передней части подвала – стол с мраморной доской и вокруг него стулья, на них мы и разместились. Винодел принес стаканы и начал в них наливать вино, как говорил, для пробы, часто меняя стаканы, наливая их другим вином, с каждым разом с улучшенным сортом. Пробовали много, но наконец мы все дошли до состояния почти невменяемости. Александра Ивановна обратилась ко мне: «Помните маскарад в Купеческом клубе? Домино в черном была я!» – «Позвольте, как же это? – сказал ей. – Николай Иванович, идя со мной из клуба, утверждал, что он не может догадаться, кто была эта дама. Он бы мог узнать по разговору и по вещам, надетым на вас». – «Я приняла меры: во рту у меня лежала пробка, что весьма изменяет голос; платья, что было надето на мне, он не видал, так как оно только что было сшито; драгоценные вещи я надела моей подруги, и он их первый раз видел». – «Ваш брат Василий Иванович на другой день уверял, что он с дамой кутнул в “Стрельне”». – «Это-то уж он соврал! – сказала она. – Он очень рвался меня проводить и лез в карету, но я его не пустила туда. Уверена, что он до сего времени не догадывается, что эта дама была его сестра».

После этого маскарада Николай Иванович со всей семьей уехал в Самарканд, сказав, что долго не приедет в Москву. Какое же мое было удивление, когда я увидел его опять весной в Москве. Он объяснил свой приезд в Москву невозможностью жить в это время в Самарканде от невыносимой жары, доходящей до 60° по R¹¹⁶. Снял дачу в Кунцеве, куда и пригласил меня обедать. Я поехал с удовольствием, так как ни разу не был там и мне хотелось посмотреть это интересное по красоте дачное место.

Встретил меня Решетников с подвязанной и забинтованной левой рукой. Я с удивлением спросил его: «Что это с вами?» – «Ничего, ... пустяки, ... упал на гвоздь, торчащий в доске, и проколол ладонь насквозь». Хозяйка не вышла. Николай Иванович извинился за нее, сказав: занята по хозяйству.

Пришла его сестра Елизавета Ивановна, в то время еще совсем молоденькая барышня, недавно окончившая Черняевскую гимназию¹¹⁷. Семья Решетниковых очень желала выдать ее замуж за моего шурина А.Н. Найденова.

Разговор не вязался, я предполагал, оттого, что хозяин страдает от раны, а его домашние обеспокоены состоянием его здоровья. К обеду пришла Александра Ивановна, бледная и расстроенная; обед был скучен и кончился скоро. Когда я начал собираться уезжать, то было видно, что все были довольны моим отъездом. Решетниковы не прожили все лето в Кунцеве, вскоре после этого обеда опять выехали в Азию.

Лет через десять, в 1900 году, у меня с Николаем Ивановичем произошел разговор об одном случае в знакомой нашей семье, в которой жена покушалась лишить жизни своего мужа. Николай Иванович держался того, что следует простить жену в силу только того, что муж – истинный христианин. Я задал ему вопрос: «Могли ли бы вы сами простить, если бы подобное случилось с вами?» – «Мог бы и даже сделал это! Помните, вы были у меня в Кунцеве, я еще был с подвязанной рукой? В этот день жена стреляла в меня, и только случай, что пуля прострелила мне ладонь, а не сердце. Я простил ее».

В конце 1890 года получили из Самарканда телеграмму, извещающую о тяжелой болезни Н.И. Решетникова. Вызвали в Москву главного доверенного для выяснения положения дел Товарищества. Доверенный был немец (фамилию забыл). Рассказывал мне о состоянии здоровья Николая Ивановича, я из его слов никак не мог понять причины болезни Николая Ивановича, было видно, что он от меня что-то старался скрыть. После моих настояний он, предварительно взявши с меня слово, что я никому об этом не сообщу, рассказал: Н.И. Решетников перенес свое увлечение спиритизмом в Самарканд. Составился кружок из его приятелей и знакомых, начавших сеансировать по очереди у каждого. На одном из таких сеансов стуки сказали: «Жена тебя обманывает с офицером Николаевым, можешь проверить – поезжай домой». Решетников немедленно уехал и в доме застал все, как было сказано на сеансе.

Эта неожиданность так его ошеломила, что с ним случился глубокий обморок со всеми задатками воспаления мозга. Решетников пролежал несколько месяцев в кровати, находясь между жизнью и смертью, но жизнь восторжествовала, он стал поправляться и при первой возможности покинул Самарканд навсегда. Жена с детьми осталась там.

В Москве он жил у матери, некоторое время совершенно не выходя на службу. Ему посоветовали доктора развлекаться. Старые развлечения, как, например, рестораны «Яр» и «Стрельна», уже его не могли интересовать; требовалась для его душевного настроения более спокойная, семейная обстановка, и он нашел ее в семье Майтова, где начал часто бывать и проводить там время. Кроме того, стал ездить в разные дачные места, находящиеся в недалеком расстоянии от Москвы. На одну из таких поездок он пригласил меня. Решили ехать в

---

¹¹⁶ R – обозначение температурной шкалы Реомюра, распространенной в XVIII-XIX вв. 1° R = 5/4° C, т.е. 60° R = 48° C.

¹¹⁷ Усачевско-Черняевское женское училище ведомства Императорского человеколюбивого общества, с правами женской гимназии, было основано в 1860-х гг. в усадьбе № 14 на Zubovskoy ul. После 1917 г. в здании размещались административные службы военной академии.

Петровско-Разумовское, пользуясь дивной весенней погодой. Только выехали из Петровского парка, как навстречу попался табор цыган. Цыганки, протягивая руки, кричали: «Остановитесь! Мы вам погадаем, скажем судьбу». Николай Иванович остановил извозчика, протянул цыганке руку, та посмотрела ее внимательно, сказала: «Ох, желанный! Как тебя жена обманывает! Какое у тебя горе! Чуть не умер. Погоди, тебя ожидает большое счастье: полюбит красотка, каких мало, и ты, желанный, будешь счастлив и все забудешь!» Он вырвал у нее руку, швырнул рубль. «Пошел!» – сказал извозчику. Обратившись ко мне, сказал: «Не стоит у них гадать, все врут!» Он не думал, что история с женой мне известна.

Предсказание цыганки потом сбылось: одна из красивейших женщин (Новикова, урожденная Бостанжогло) полюбила его. Мне не пришлось ее видеть, но я слышал от многих, что она интереснейшая женщина.

Этот роман с Новиковой, предсказанный цыганкой, был значительно позже, я предполагаю, что он был около 1900 года, но до этого времени он был принят в семье Майтова как близкий человек, где и проводил свое время. Мне помнится, что в промежутке годов от 1893 до 1895-го я был в Петербурге; проходя по Невскому проспекту, встретил Николая Ивановича. «Что вы здесь делаете?» – спросил я его. «Я здесь не один, а с Майтовыми, хлопчем о получении концессии на железную дорогу от Коканда до Намангана. Живем в «Бельвю»¹¹⁸ на Большой Морской, заходите к нам, у нас бывает весело». Я зашел. Жили они хорошо, снимая в гостинице три комнаты: средняя была общая, отлично обмещенная, обставленная живыми цветами, по бокам находились комнаты супругов Майтовых и Решетникова. Платили за них по 25 рублей в день. Я посидел недолго и ушел, заметив, что мое посещение Майтову не нравится. Как мне потом рассказывал Николай Иванович, истратили денег уйму, но концессии не получили, несмотря на то что жене известного крупного чиновника, от которого зависела концессия, поднес, как говорил Решетников, коробку конфет, на дне которой было положено 30 тысяч рублей. Подносил Решетников, а деньги были Майтова. Потом в Москве мне жаловался Майтов: «Дорого обошлась мне эта затея! Николай Иванович обещается отдать половину расходов, но пока у него нет». И, как я слышал, Майтов этих денег и не получил.

Н.И. Решетников вышел из директоров Товарищества в 1890 году после неприятной с ним истории. Постепенно наши отношения охладились и, можно сказать, окончательно порвались после возвращения его из Петербурга, когда он обратился с просьбой одолжить ему 8 тысяч рублей. И я ему отказал: уже очень из него вырисовывался тип Хлестакова!

Я хорошо не помню, кажется, в 1907—1910 годах в Москве открылось новое страховое общество, организаторы этого общества были известные купцы Петр Галактионович Миндовский и Иван Александрович Миндовский, последний был очень богатый купец из города Кинешмы, и во главе этого общества как распорядитель был поставлен Решетников.

Н.И. Решетников, желая приобрести клиентуру в страховое общество, пришел ко мне с просьбой поддержать его в новом деле и дать на страх имущество тех учреждений, где я стоял во главе. Я ему обещал и однажды отправился к нему на Мясницкую, в дом Обидина, где помещалось новое страховое общество (наименование его забыл)¹¹⁹. Меня ввели в кабинет Николая Ивановича, отлично обставленный мебелью, бьющей на эффект.

Н.И. Решетников был очень доволен моим приходом, много говорил о задачах и будущих успехах своего общества, между разговоров он часто звонил, вызывая служащих, спешно, с озабоченным видом отдавал приказания, желая показать особую деловитость и распорядительность. Между прочим вызвал заведующего хозяйственной частью, которому приказал: «Достаньте к завтрашнему дню обязательно смоленских пряников, я обещался привезти такой-

¹¹⁸ «Бельвю» – фешенебельная гостиница с рестораном в Петербурге, на Большой Морской ул.

¹¹⁹ Речь идет об усадьбе на углу Мясницкой ул. и Фуркасовского пер. (ныне д. 7/2), принадлежавшей в 1880—1911 гг. К.Н. Обидиной и в 1911—1913 гг. ее сыну Н.С. Обидину. См.: ЦАНТД. Мясницкая часть. Д. 143—144/163—164. Ч. 3. Название упомянутого страхового общества установить не удалось.

то, – назвав фамилию какой-то княгини, – она их очень любит!» Обратясь ко мне, сказал: «У ней большие собственности, она дала мне согласие застраховать их у нас». Управляющий с недоумевающим лицом спросил: «Если не найду в Москве этих пряников, как же мне быть?» – «Поезжайте в Смоленск и купите пять фунтов, – был его ответ, – но непременно достаньте!»

«Хорошо, – подумал я, – успех делу будет полный!»

Мое предположение оправдалось скорее, чем я ожидал: новое страховое общество скоро прекратило свое существование и закрылось окончательно.

После чего я услышал, что Н.И. Решетников купил небольшое подмосковное имение, развел в большом количестве кур разных пород, затрачивая в имение большие деньги. Как оказалось, деньги брались из учреждения, где он числился казначеем. Растрата открылась; чтобы избежать скандала, братья его продали именье и самаркандские виноградники и нехватящую сумму внесли из своего кармана. Эту историю старались умалчивать, а потому она не сильно распространилась по городу и Бирже.

Приблизительно в 1911—1912 году я отправился в Сочи. Сел в Новороссийске на пароход. Поднялся на палубу и увидел сидящих Н.И. Решетникова и его жену Александру Ивановну, дружно и весело беседующих. Для меня стало ясным: полное примирение состоялось, между ними царили мир и согласие. Пришлось пробыть с ними недолго: они сошли с парохода на первой остановке.

Н.И. Решетников около 1900 года занял должность биржевого нотариуса, куда был назначен благодаря протекции Н.А. Найденова, благоволившего ему, как шурина его сына, но он не решился дать должность ему одному, как это велось до этого времени, а назначил еще очень почтенного немца Миндера, после чего сделалось два нотариуса. Как мне пришлось слышать, Миндер не был доволен работой своего товарища и все денежные расчеты держал в своих руках. Сколько времени пробыл Н.И. Решетников на этой должности, я не помню.

Однажды ко мне на Бирже подошел один из осведомленных маклеров, кажется, это было в 1916 году, и сказал: «Поздравляю с новым товарищем министра, на этот пост назначен Н.И. Решетников». – «Ну, этого быть не может!» – ответил я. «Да, но на самом деле это так! – сказал он. – Матушка Н.И. Решетникова Анисья Ивановна – давнишняя приятельница Распутина; когда Распутин бывал в Москве, всегда останавливался у нее, и благодаря влиянию Распутина на государыню Решетников попал в министры».

Но назначения Николая Ивановича на эту должность не последовало. Я уверен, что он отказался сам, под воздействием своих братьев, боящихся, что его растрата приютских денег выльется в газетах при его назначении в министры.

Уже во время революции мне пришлось узнать, что Решетников сделался приближенным к царице Александре Федоровне, жил во дворце в Царском Селе, где имел отдельные апартаменты, и во время ареста ее он еще жил там.

Скончался Решетников в 1930—1931 году, я думаю, ему было за 70 лет, от тяжелых переживаний, выпавших ему в конце его жизни: он был лишен квартиры, выселен из дома. Ему, старику, и его брату Ивану Ивановичу, жившему с ним, пришлось переезжать в село Пушкино, с перевозом имущества. От волнения и непосильного физического труда он и его брат скончались почти одновременно¹²⁰.

---

¹²⁰ Н.И. Решетников скончался в 1928 г. в возрасте 70 лет и был похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве вместе с братом И.И. Решетниковым. См.: *Кипнис С.Е.* Новодевичий мемориал. Некрополь Новодевичьего кладбища. М., 1995. С. 95.

ГЛАВА 15

1890 год ознаменовался еще тем, что было приступлено к организации Среднеазиатской выставки в Москве¹²¹. Инициатором этого предприятия был мой двоюродный брат Алексей Александрович Недыхляев, зашедший ко мне с просьбой принять в этом деле участие, приурочивая ее к открытию французской выставки¹²², имеющей быть в 1891 году на Ходынском поле в сохранившихся зданиях от Всероссийской выставки 1882 года. Причем он получил согласие от Аполлона Александровича Майкова, бывшего директора императорских театров, быть председателем комитета выставки со взятием на себя всех хлопот у московских властей, где он имел хорошие связи.

Здесь же с Недыхляевым были намечены остальные члены комитета, которые могли бы некоторым влиянием содействовать успеху выставки. Моя обязанность выразилась в некотором давлении на азиатских купцов, имеющих с Товариществом дела; Н.И. Решетников мог бы содействовать в этом направлении в Азии у азиатов и местных властей к способствованию высылки экспонатов. Следующие назначенные лица были: Николай Николаевич Коншин, Савва Тимофеевич Морозов, Я.Ф. Гартунг, директор Тверской мануфактуры; Александр Григорьевич Кольчугин, Отто Максимович Вогау, Давид Иванович Морозов и А.И. Шамшин, а секретарем выставки А.А. Недыхляев.

А.А. Недыхляев был еще очень молодой человек, ему было 23 года, но обладал необычайной энергией, и можно было считать, что он единственный вывоз на своих плечах Среднеазиатскую выставку. Его энергия меня изумляла, если бы он вздумал приложить ее к какому-нибудь практическому делу, то не сомневаюсь, что составил бы себе большое состояние. Его же тянуло к устройству выставок, и он лучшие годы своей жизни посвятил на это дело и им составил себе имя и положение. Правительство обратило на него внимание, и после Среднеазиатской выставки он был представителем на многих выставках как в России, так и за границей. Получил много орденов и звание коммерции советника.

На состоявшемся общем собрании учредителей выставки все намеченные нами лица в комитет выставки прошли полностью, с добавлением А.А. Майтова.

Устройство выставки в руках Недыхляева быстро закипело. И она к весенним дням 1891 года была совершенно готова в больших залах Исторического музея.

На первом заседании выставочного комитета было решено обратиться с просьбой к хозяину города – генерал-губернатору князю В.А. Долгорукову о принятии им звания почетного председателя выставки, на что были уполномочены А.А. Майтов, Н.Н. Коншин и я.

Князь Долгоруков, выслушав от нас причину и цель этой выставки, принял на себя эту почетную должность, что гарантировало нам известный успех и воодушевило комитет к дальнейшей усиленной работе.

Из выбранных членов комитета аккуратными посетителями заседаний комитета были А.А. Майков, Н.Н. Коншин, О.М. Вогау, Н.И. Решетников, когда он бывал в Москве, А.А. Майтов и я, а остальные члены почти не бывали и начали посещать заседания, как только убедились в несомненном успехе ее.

Среднеазиатская выставка представляла из себя довольно уютный уголок Средней Азии, с хорошо оборудованной показательной стороной положения края того времени.

---

¹²¹ *Среднеазиатская выставка* проходила в залах Российского Исторического музея с 11 мая по 18 ноября 1891 г. и имела два раздела: среднеазиатский, рассказывающий о природных богатствах края, его торговле и промышленности, и русский, демонстрирующий товары, привозимые из России в Среднюю Азию.

¹²² *Французская* торгово-промышленная и художественная *выставка*, в которой участвовали 2000 предпринимателей и 700 деятелей искусств Франции, была открыта 29 апреля 1891 г. в Москве на Ходынском поле. См.: Московский листок. 1891. 30 апреля.

За несколько дней до открытия разнеслась весть, что князь В.А. Долгоруков отстраняется от генерал-губернаторской должности, которую займет великий князь Сергей Александрович. Комитет был поставлен в весьма затруднительное положение: кто должен быть почетным председателем? Но пришли к заключению, что [если] звание почетного председателя принадлежит генерал-губернатору, то оно должно перейти к вновь назначенному великому князю Сергею Александровичу. А.А. Майков отправился к нему и просил его пожаловать в назначенный день на открытие Среднеазиатской выставки. Великий князь Сергей Александрович выразил свое полное согласие. Это был его первый официальный выезд по служебным обязанностям генерал-губернатора.

Распространившийся по Москве слух, что великий князь будет на открытии выставки, возбудил всю московскую знать и крупное купечество обязательно в это время на ней присутствовать. Со всех сторон посыпались просьбы о получении билета на право входа в день открытия.

В это же приблизительно время выставочный комитет начал собираться в полном составе, то есть в то время, когда все уже было готово и их присутствия, пожалуй, не требовалось.

Многие заявили о желании принять участие в качестве учредителей Среднеазиатской выставки, но, когда к ним обратились с просьбой внести установленную небольшую сумму членского взноса, они под разными предлогами отказывались это сделать, несмотря на частые напоминания комитета. А главное, смешно сказать, это были миллионеры, тратящие на свою жизнь не десятками тысяч, а сотнями тысяч ежегодно, как, например, Дмитрий Родионович Востряков, Николай Александрович Лукутин и Александр Александрович Найденов. Они очутились в курьезном положении: их вычеркнули из учредителей выставки как не внесших членских взносов, следовательно, они попасть на открытие выставки не могут. Жены же их¹²³, которые и дали денежное положение мужьям своим, настойчиво выражали желание присутствовать на открытии выставки, где будет великий князь. Говорят, произошла хорошая головомойка мужьям за их мелочность, и они, сконфуженные, приехали в комитет просить принять их опять в члены комитета с готовностью внести столько, сколько пожелает комитет. Им выдали билеты, но за их глупость взяли значительно больше, чем с остальных.

Выставка открылась с подобающей торжественностью в присутствии великого князя Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны. Впечатление от Сергея Александровича осталось какое-то тусклое, ожидали чего-то большего, но Елизавета Федоровна понравилась всем, она была обворожительна.

В этом же году приехал в Москву государь Александр III. Комитет получил известие, что он посетит выставку в определенный день, после посещения французской выставки на Ходынском поле.

В день его прибытия на выставку вся площадь перед Историческим музеем за много часов до прибытия государя была переполнена народом, собравшимся встретить его. Я приехал рано, но и то с большим трудом мог пробраться через сплошную толпу народа, и то только благодаря любезности старшего полицейского, к которому я обратился с просьбой проводить меня до дверей музея.

Сначала приехал встретить государя как генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович с Елизаветой Федоровной, за ними прибыл государь, государыня с дочерьми и великим князем Михаилом Николаевичем, встреченные выставочным комитетом во главе с А.А. Майковым. Государыне, великим княгиням и великим княжнам были поднесены чудные букеты из роз. Розы были из садоводства Ноева Федора Федоровича. Я потом поинтересовался

---

¹²³ Женами Д.Р. Вострякова, Н.А. Лукутина и А.А. Найденова были сестры Клавдия, Любовь и Александра Герасимовны Хлудовы.

узнать у него, кто у него с таким искусством и умением подобрать цвета составляет букеты. Оказалось, у него на службе состояла одна барышня, которая специально этим занималась.

Первая зала, куда вошел государь и все его сопровождающие, была наполнена металлическими изделиями русских заводов, идущими специально в Азию. Стены залы были обвешаны медными подносами с изображениями медресе; в витринах стояли медные кунганы, кувшины, кальяны чеканной работы, сработанные под вкус азиатских потребителей. В зале была полная тишина, ни малейшего шума и разговора, и в это время срывается с самого верха стены медный большой поднос и падает на пол со страшным шумом.

Я впился глазами в государя: изменится ли он в лице или вздрогнет? Он стоял как изваянный колосс, ни один мускул на лице его не дрогнул, оно было совершенно спокойно, хотя шум от падения подноса был весьма сильный и его можно было принять за взрыв бомбы. Меня поразило его самообладание.

Государь обошел все залы выставки, останавливался перед многими витринами и даже разговаривал с некоторыми представителями этих витрин; так, подойдя к витрине, в которой заключались мануфактурные изделия Товарищества, где я был директором, он обратился к стоящему доверенному нашей фирмы, высокому, красивому хохлу Марченко, служившему в свое время в гвардии; государь спросил его, был ли он в военной службе и где служил. Марченко молодецкато, отчетливо, как подобает по военным правилам, отрапортовал государю; государю, видимо, он понравился. Потом подошел к фабриканту Федору Алексеевичу Разоренову, красивому седому старику, стоящему в большом смущении, сложив свои руки на животе. Государь тоже его что-то спросил. Разоренов – предварительно покрякав по своей привычке – ответил. Разоренов этой беседой с государем был невероятно счастлив, потом много лет он вспоминал о ней. Разоренов по своей застенчивости не хотел идти на выставку, я же убедил его пойти, а потому он считал меня отчасти виновником своей беседы с государем; решил один спорный вопрос по расчетам за хлопок, составлявшим несколько тысяч рублей, заплатить полностью, говоря: «Хотя я не согласен с твоим расчетом, но за доставленную возможность говорить с царем готов сделать по-твоему!» При его расчетливости и скупости это одно показывает, как высоко он оценивал свое удовольствие.

Государю некоторые изделия особенно понравились, как, например, ковры туркменские и бухарские, некоторые из них он приказал оставить для него. После осмотра выставки государю предложили пожаловать в залу, где был сервирован чай. Эта зала была чудно декорирована цветами от пола до потолка. Стен не было видно, все они были обставлены кампанулами¹²⁴, сиренями и другими живыми цветами, искусно по тонам подобранными.

В залах стояли большие круглые столы, отлично сервированные историческим севрским сервизом, так называемым Наполеоновским, приобретенным с аукциона бывшим хозяином «Эрмитажа» французом Оливье. Вазы, наполненные лучшими фруктами, с торчащими ананасами, конфетами, печениями, искусно сделанными тортами; в серебряных жбанах со льдом торчали бутылки с шампанским. Вокруг одного стола сел государь с государыней и детьми и великими князьями и княгинями, а вся его свита разместилась за другими столами. Члены комитета стояли недалеко от стола, где сидел государь, ожидая, что он пожелает спросить что-нибудь.

Директор Товарищества ресторана «Эрмитаж» Николай Федорович Дмитриев, бывший раньше распорядителем там же, сам поднес на серебряном подносе чай, но государь от чая отказался, а сказал: «Хорошо бы попробовать азиатское вино!» Нужно сказать, что этот день был чрезвычайно жаркий и душный. Дмитриев, исполнив все по законам гурманов, то есть красное вино подогрел до определенной температуры и поспешил подать государю. Государь,

¹²⁴ *Кампанула* (от лат. *Campanula*) – колокольчик, главный род семейства колокольчиковых.

попробовав его, сказал: «Какая гадость!» После чего государю поднесли неподогретое вино, и он выпил стакан с удовольствием.

Покидая выставку, государь обратился к членам комитета и спросил: «Кто из вас был в Средней Азии?» Оказалось, что из всего многочисленного комитета был в Средней Азии только один фабрикант Николай Николаевич Коншин. Признаюсь откровенно, мне было крайне неловко и обидно, что я, один из молодых членов комитета и стоящий во главе Товарищества, ведущего большие дела с Азией, не был там.

Потом государь, поблагодарив комитет за устройство выставки, сказал: «Вот эта – действительно выставка, а французская – базар!»

После посещения государем выставки ее посетило много высокопоставленных чиновников и придворных лиц, и публика повалила еще большим потоком.

На выставке побывал и министр Вышнеградский, осматривавший ее с особой внимательностью, так как, как потом узналось, он собирался лично побывать в Средней Азии и увидеть своими глазами, что представляет из себя этот край.

Министру был московским купечеством дан обед в залах выставки, предназначенных для буфета. Обед был великолепен; директор «Эрмитажа» Дмитриев сделал все возможное, чтобы не ударить лицом в грязь. От кого-то узнали, что Вышнеградский – любитель спаржи; хотя сезон спаржи кончился, но ее где-то добыли, и она была дивная.

После обеда министр разговаривал с председателем Биржевого комитета Н.А. Найденовым, мне пришлось проходить мимо них. Найденов, указывая на меня, сказал министру: «На плечах моего зятя после смерти Кудрина осталось тяжелое наследство». Вышнеградский ответил: «Знаю это, но кудринское дело дало ему возможность обогатиться большим опытом и не может пройти бесследно в дальнейшей его деятельности».

Среднеазиатская выставка была единственная из выставок, не давшая убытка, а, наоборот, принесшая хорошую пользу, поступившую в Императорское Техническое училище¹²⁵ на стипендии неимущим студентам.

На этот обед, даваемый министру, пользуясь тем, что мы были одни из распорядителей обеда, пригласили некоторых из своих знакомых, участвующих в нашем спиритическом кружке; один из них – крупный инженер с Московско-Брестской железной дороги И.О. Ярковский, другой – служащий в таможне Благоволин, но, быть может, фамилию его перепутал¹²⁶. Благоволин рассказал в таможне, что он будет на обеде с министром, о чем узнал управляющий таможни С.С. Яковлев; приехав к нам, начал выговаривать в обиженном тоне: почему ему подчиненный приглашен на обед, а он лишен этой чести? Создался целый конфликт; чтобы не было дурных последствий по службе г-ну Благоволину, пришлось пригласить и г-на Яковлева.

Обыкновенно после таких официальных обедов инициаторы их со многими из присутствующих отправлялись заканчивать вечер в загородные рестораны, но нам такое времяпрепровождение опротивело; мы заранее уговорились после обеда поехать к И.О. Ярковскому, жившему на казенной квартире близ станции, чтобы заняться спиритизмом, пользуясь тем случаем, что семья Ярковского жила на даче и вся его большая квартира с его прислугой была в нашем распоряжении.

Ярковский, как гостеприимный хозяин, распорядился подать чай, закуски, вина, и все это было поставлено на длинном столе большой столовой, около которого разместилось нас шесть человек. Не успели еще мы разместиться за ним, как начались спиритические удивительные явления, выражающиеся в сильном стуке в стол: бутылки с вином попадали, посуда вся скакала и подпрыгивала. Я, всегда сомневающийся, сказал Бурхарду: «Это вы ногами уда-

---

¹²⁵ Императорское Московское техническое училище – высшее специальное учебное заведение, созданное в 1868 г. на основе ремесленного училища, учрежденного в 1826 г. Ныне – Московский государственный технический университет им. Баумана. Н.А. Варенцов учился здесь с 1879 по 1885 г.

¹²⁶ Правильно – Благоурахов.

ряете в стол?» Он, рассерженный, с обиженным лицом, оттолкнул стул, на котором сидел, к стене, и мы все присутствующие сделали то же, так что были видны все. После чего явления усилились, стол стал подпрыгивать еще выше и стуки с большой силой последовали в стены и потолок. Прибежала прислуга с испуганным лицом, спрашивая: «Что за шум? Сверху пришли жильцы узнать, что бросаете в потолок. Они от этого шума спать не могут». На этом сеансе были передачи, как я вспоминаю, очень интересные, но суть их всю забыл¹²⁷.

ГЛАВА 16

Яглубоко убежден, что случайностей в жизни нет, как принято говорить о событиях, встречах и тому подобном, как бы случайно происшедшем с нами; между тем они предназначены нам роком как необходимые или существенные для нашего нравственного совершенствования, хотя бы они в наших глазах казались бы малозначительны и ничтожны.

В начале января 1890 года я вечером спешно заканчивал свою работу, как мне подали письмо; прочитав его, я немедленно бросил свою недоконченную работу, помчавшись к лицу, приславшему мне его. Я чувствовал: промедление в 10—20 минут времени может заставить человека, уже находящегося под влиянием аффекта, имеющего револьвер в кармане, лишить себя жизни.

Чтобы рассказать об этом событии, мне придется начать с ранних годов моей жизни, когда мне было только 14 лет.

Перед вечерним чаем в классе, освещаемом четырехрожковой лампой, у печки в углу сгрудилось человек восемь учеников, не пожелавших идти в рекреационную залу. Между ними велся оживленный разговор о посещении бывшим учеником нашего училища¹²⁸ Михайловым, окончившим в этом году курс и поступившим по конкурсному экзамену в Императорское Техническое училище.

Михайлов рассказывал, что с ним вместе держали экзамен еще несколько человек его товарищей, тоже выпуска нынешнего года, но оказалось, что он один счастливчик; правда, Михайлов был один из лучших учеников выпуска этого года.

Когда перебирали и перечисляли всех поступивших из нашего училища в Императорское Техническое училище, оказалось, что за все время набралось не больше трех. Каждый из присутствующих здесь учеников, нужно думать, мечтал попасть в это высшее учебное заведение, но и сознавал, что это для него только мечта!

В числе собравшихся учеников четвертого класса был и я, обладавший крайне живым, подвижным и, вероятно, дурным характером, считающийся одним из плохих по поведению учеников. В то время придавалось большое значение поведению ученика, я же, как мне помнится, не получал за него балла выше двойки.

Воспитатели и учителя в большинстве меня не любили, и такое же чувство было и у меня к ним. Но мои шалости не выходили из пределов детских провинностей, а потому они, при всем своем желании, не могли применить всей строгости наказания, то есть удалить меня из училища.

Моя слава – большого шалуна – составила обо мне с первого класса и хорошо укрепилась в головах воспитателей и учителей, с полным желанием с их стороны выдворить меня из училища.

---

¹²⁷ Р.В. Благоднравов, А.А. Майтов и И.О. Ярковский были членами известного московского спиритического кружка, организованного Н.А. Львовым. См.: Ребус. 1887. № 16. С. 175—176. В 1886 г. спиритический сеанс этого кружка посетил Л.Н. Толстой. См.: *Давыдов Н.В.* Из прошлого. М., 1913. Ч. 1. С. 287—288.

¹²⁸ Имеется в виду Московское Императорское коммерческое училище – среднее специальное учебное заведение для подготовки к торговой деятельности сыновей купцов, мещан и ремесленников. Основано в 1806 г., размещалось на ул. Остоженке в д. 38 (ныне здесь находится Лингвистический университет). Автор учился здесь с 1870 по 1877 г.

Я не мог не заметить, что учителя – большинство из них были и воспитатели – относились ко мне особенно несправедливо: малейшее мое лишнее движение, что неминуемо было при моей живости характера, ставили мне в вину, сбавлялся балл за ответ; между тем тихие и скромные мои товарищи по классу, знающие гораздо меньше меня, получали удовлетворительные отметки.

Это могу утверждать по следующему случаю: был экзамен по математике, при переходе из второго класса в третий. В рекреационной зале происходил экзамен нашему классу; за большим столом, покрытым зеленым сукном, восседали известный учитель математики Муромцев, уполномоченный учебным округом; наш инспектор училища Шавров, преподающий в младших классах, и еще другой учитель, преподающий в старших классах. Наконец очередь дошла и до меня. Муромцев задает вопрос, я быстро и верно отвечаю, задает другой, третий, я тоже отвечаю без ошибки.

Он смотрит решение моей задачи, находит его правильным. Подвигает к себе список с годовыми выводами баллов и видит, что у меня стоит двойка. После чего начинает задавать еще разные вопросы и задачи. Я решаю и отвечаю верно и скоро. Тогда Муромцев обращается к Шаврову: «Почему вы вывели ему годовую двойку? Он хорошо знает предмет!» – «Варенцов – страшный шалун», – говорит Шавров. «Ну, за поведение и ставьте двойку, а за предмет – сколько заслуживает!» И в экзаменационном листе ставит мне пять.

Такое же отношение ко мне я замечал со стороны и других учителей по другим предметам. Дойдя до четвертого класса, я стал сознавать все совершаемые со мной несправедливости, и, откровенно сказать, мне не только учителя, но и самое училище сделалось противным. Приходили иногда мысли: бросить училище и начать готовиться в какое-нибудь другое, но так как я жил на средства моей матушки, которая не позволила бы этого сделать, то поневоле приходилось терпеть и переносить многие несправедливости.

Под впечатлением разговоров о Михайлове, а отчасти под воздействием прежних мыслей – об уходе из училища, у меня как-то невольно вырвалось: «Выйду из училища и стану готовиться в Императорское Техническое училище!» Правда, я сам не ожидал, что смогу сказать вслух свою лелеянную мысль, но «слово не воробей: вылетит – не поймаешь»!

Раздался оглушительный хохот моих товарищей, с последовавшими бесконечными издевательствами и насмешками, хорошо известными всем, учащимся в школах. Особенно этим отличался один из товарищей – Федоров, которому высказанное мною желание показалось верхом ереси, достойным полного высмеяния. Он изошрялся всеми способами обидеть и оскорбить меня.

Федоров, хотя смысленный от природы, был один из плохих учеников в классе как по учению, так и по поведению, нравственно развинченный человек, предполагаю, из-за плохого влияния на него со стороны двоюродных братьев, живших с ним в одном доме; они не отличались интеллигентностью и моральными качествами, приучили Федорова курить, пить водку и пиво и ухаживать за девицами, о чем Федоров не стеснялся передавать нам со вкусом и наслаждением.

Я с Федоровым не был близок в училище, и мне, еще довольно чистому в то время мальчику, претило его поведение, но нужно же так случиться: Федоров сделался одним из сильных моих побудителей, двинувших меня стремиться к высшему образованию, а не сделаться каким-нибудь конторщиком или приказчиком, как это прочили в моей семье, предполагая, что лучшего из меня получиться не может, судя по отметкам и референции¹²⁹ инспектора училища.

---

¹²⁹ *Референция* (от лат. *referre* – ‘сообщать’) – характеристика (отзыв), даваемая человеку другим, известным лицом и касающаяся его деловых качеств.

В следующем году, этого же учебного года, скончался в марте мой дедушка¹³⁰, оставивший мне наследство, что дало мне возможность покинуть училище, с желанием готовиться в Императорское Техническое училище, чем весьма огорчил своих домашних, настойчиво удерживающих меня этого не делать.

Советников и руководителей по этому затеянному делу у меня не было; я вспомнил, что года два тому назад был у меня репетитор, студент Технического училища Осипов, к которому и обратился с просьбой заниматься со мною летом по общим предметам.

Занятия начались после переезда на дачу в Пушкино, еще в то время мало заселенное дачниками. Жить там было привольно и весело: прогулки по красивым окрестностям, рыбная ловля, купанье, игра в крикет, как раз в то время входящий в моду, а главное – чтение интересных книг, по рекомендации Осипова. Все эти развлечения отвлекали меня от усидчивого занятия, но в конечном результате оказались для меня полезны: к Осипову приходили товарищи, и из их бесед, споров я почерпнул многое, что мне дало возможность по развитию быстро двинуться вперед.

Наступившая осень заставила меня подумать о начале усиленного занятия, но, летом пристрастившись к чтению и отчасти обленившись, было трудно начать работу, тем более подошли года, требующие общения со сверстниками и с желаниями поухаживать за барышнями. Я начал даже приходить к заключению: прав был Федоров и другие товарищи, так потешавшиеся надо мной от высказанного мною желания учиться. Смогу ли я исполнить свое желание?

В один из дождливых октябрьских дней, усиливающих гнетущей своей погодой мое душевное состояние, я, под впечатлением тяжелых дум о невозможности моей двинуть себя к учению, сажусь на конку у Ильинских ворот.

Вдруг кто-то схватывает меня за руку: «Здравствуй, Варенцов!» Оказалось, я сел рядом с бывшим товарищем Федоровым. Он рассказал, что его из училища попросили вон. Сейчас он служит в конторщиках на железной дороге, получает мало, но на удовольствие ему хватает, так как все остальные расходы по прожитию его оплачиваются родителями. Спросил меня, что я поделяваю. «Готовлюсь в Императорское Техническое училище». Федоров ехидно улыбнулся и сказал: «Приходи ко мне в гости; обыкновенно в воскресенье к сестрам собираются подружки-гимназистки, бывает весело, и ты не соскучишься».

В одно из ближайших воскресений я отправился к нему. Федоров жил в доме своего деда Афанасьева в Гороховском переулке¹³¹ (после его смерти дом был продан Холчевой, урожденной Скворцовой).

Встретили меня там радушно. Действительно, было там очень весело: барышни были хорошенькие, веселые и остроумные. Особенно мне понравились двоюродная сестра Федорова Софья (к сожалению, кончившая свою жизнь плачевно: она отравилась, покинутая женихом) и сестра его Аполлинария, о которой расскажу позже.

Позвали всех нас в столовую пить чай. Когда мы разместились за столом, то коварный Федоров, как будто дожидался этого момента, начал говорить про меня все, что знал плохого и смешного, выставляя меня в смешном положении как будущего студента, едва сумевшего достигнуть четвертого класса коммерческого училища; насмешки его были злы и не без юмора. Я не знал, куда мне деваться: так было стыдно и обидно, да притом еще и барышни начали ему в тон подшучивать надо мною. Я не знаю, как только я выбрался оттуда.

Вернувшись домой, я от обиды и огорчения не мог спать всю ночь. И тогда твердо решил бросить лень и отдаться всецело учению, чтобы поступить в Техническое училище. Когда я начинал слабеть духом и приходить в уныние, то стоило мне только вспомнить проведенный

---

¹³⁰ Имеется в виду Николай Маркович Варенцов.

¹³¹ Московский купец И.Д. Афанасьев до 1881 г. владел особняком № 20 по Гороховскому пер.; ныне здесь размещается резиденция посольства Эквадора.

у Федорова вечер, чтобы с новой энергией приниматься опять за усиленную работу. Осипов посоветовал мне поступить в подготовительный пансион Певницкого, специально подготовлявший молодых людей к экзаменам в Императорское Техническое училище.

В этом пансионе я пробыл год и усидчиво занимался и, кроме того, по математике брал особые уроки у замечательно талантливого преподавателя Александра Карловича Гегера, с которым было одно удовольствие заниматься. Александр Карлович Гегер тоже был мною доволен и неоднократно высказывал свое удивление о моих способностях к математике.

До экзаменов оставалось времени не больше двух месяцев; пришлось особенно усидчиво работать. Ездить на уроки к А.К. Гегеру на Немецкую улицу в Кирочный переулок из Замоскворечья, где я жил в то время, было неудобно: отнимало много времени. Гегер предложил переехать к нему, на что я с радостью согласился: заниматься одному было трудно и скучно¹³².

Наступившее страдное время, измучившее нас ежедневным напряженным занятием иногда до 3—4 часов утра, наконец окончилось; мы вздохнули легко. Я знал, что экзамены мною выдержаны, но этого было мало, так как державших было пятьсот человек на 50 свободных мест; могло случиться, что найдутся с лучшими отметками, чем у тебя, больше пятидесяти, а ты будешь пятьдесят первым и не попадешь в студенты.

Большая толпа молодежи, державшей экзамены, собралась в одной из аудиторий училища, ожидая окончания совета профессоров, должных определить пятьдесят счастливых. Кто-то прокричал: список понесли для вывешивания в вестибюль. Все бросились туда, мне удалось подбежать одному из первых. Не верю своим глазам: моя фамилия на третьем месте, между тем я по черчению и рисованию получил наименьший допускаемый балл, но по остальным предметам у меня были отметки наивысшие. Не в силах высказать то чувство радости, охватившее меня в эту минуту, — я был вне себя! Я несколько дней после этого ходил как чумной.

¹³² У Гегера было в квартире две свободные комнаты, которые он отдавал молодым людям, приезжим из провинции, готовившимся в Императорское Техническое училище. Семья его состояла из матери-старушки и сестры — молоденькой немочки Юлии Карловны. Мать вела хозяйство, отличалась скарденностью и порядком, но кормила нас обедами сытными и здоровыми, ели в определенные часы и все вместе. Столовую, когда сын отсутствовал, держали в полумраке, чтобы меньше выходило керосину. Являвшийся Александр Карлович сейчас же прибавлял в лампе свету, но стоило ему выйти из столовой, она немедленно убавляла свет, говоря: «Для чего зря жечь керосин, и так светло!» Недолюбливала тех молодых нахлебников, которые желали взять лишнюю порцию, косо и злобно на них посматривала. Любимая ее тема разговора была о ее детях, которых она сильно превозносила, приписывая им особые качества по нравственности и образованию. Нередко приходилось слышать: «Моя Юленька не чета другим барышням, за которыми нужен глаз да глаз! Я все знаю, что она делает, о чем думает, секретов от меня никаких не имеет». Незадолго до начала наших экзаменов мы были позваны в столовую обедать, заметили, что стол был накрыт с особой тщательностью; старушка сказала: «Стол накрыт руками Юленьки». Рядом с ее прибором стоял другой, как видно, предназначенный не обычному ее соседу по столу за обедом. Старушка, когда мы пришли в столовую, сидела на диване, вязала чулки и попросила нас немного подождать Юленьку, пошедшую что-то для обеда купить. Мы разместились около нее, она, пользуясь случаем поболтать с нами, начала с обычной своей темы, с восхваления своей дочки: «Я уверена, моя Юленька ни одного письма не послала молодому человеку и сама не получала; она не то, что нынешние барышни, занятые только одним флиртом!» И пошла все в том же духе... Скоро Юленька пришла, и с ней красивый молодой человек в путевой форме, севший с ней рядом за стол. Представляя нам молодого человека, сказала, что он старый знакомый семьи Гегер; жил у них четыре года тому назад, тоже готовился в Техническое училище, куда и поступил, но решил перейти в Училище путей сообщения в Петербурге, что ему и удалось. В этом году он окончил его и уже получил хорошее место службы. Подали сладкое. Юленька обратилась к своей матери и говорит: «Мама, поздравь нас, я выхожу замуж, — указывая на соседа (имя, отчество и фамилию забыл). — Мы дали слово друг другу четыре года тому назад с решением повенчаться, как только он кончит курс и получит место. Теперь все это осуществилось!» Получилась картина: старушка открыла рот от изумления, очки с носа упали на колени, и она могла только произнести: «Что? что?..» Вышло очень комично. Молодежь невольно расхохоталась, вспоминая слова старушки, произнесенные только что перед обедом об ее дочери. Жених и невеста, озадаченные нашим смехом и удивлением матери до столбняка, не знали, как понять все это... Один из присутствующих сотоварищей по обеду оповестил все слышанное о Юленьке от ее матери: дочка ее не такая, как другие барышни, у ней секретов нет и т.д. Жених с невестой присоединились к общему хохоту и рассказали: переписываются четыре года; жених писал на почтамт до востребования, а потому матушка не могла знать о письмах. Их опоздание к обеду произошло из-за желания выпрыснуть торжественный для них день шампанским, которое они купили. Мы все с большим удовольствием выпили за их счастье, но в то же время досталось и старушке за ее малую наблюдательность, еще долго не могущей прийти в полное самочувствие от неожиданного сюрприза.

Полученная мною радость, могу сказать, была одна из самых больших из всех радостей, пережитых в моей жизни. Я чувствовал и понимал, что с этого момента наступила для меня новая эра, перевернувшая всю мою жизнь.

Часто задавал себе вопрос: не встретить случайно Федорова на конке, не поедь к нему в гости, не злоупотребляй он своими коварными насмешками надо мной при интересных барышнях – стал бы я затрачивать столько энергии и сил, чтобы попасть в Императорское Техническое училище?

Я уверен – нет!

Как только я немного начал приходить в себя, было первым моим делом купить форменную фуражку и заказать портному мундир и шинель. Одетый с иголочки, отправился с первым моим визитом в воскресенье к Федорову, у которого не был с памятного вечера.

Застал у него почти то же общество молодежи, что и в первый раз. Произведенный мною эффект был чрезвычайный; нужно представить себе то изумление, выразившееся на лицах Федорова и его сестер, увидевших меня в студенческой форме. Все их отношения ко мне сразу переменялись: они смотрели на меня как на героя. Оказанные мне любезности и расположение, как мне казалось, были искренние, после чего я начал бывать у них довольно часто, а потому пришлось ближе сойтись с Федоровым.

Вскоре скончался дедушка Федоровых г-н Афанасьев, наследники продали дом на Гороховской, и родители Федорова с дочерьми переехали на Доброслободскую улицу, в небольшую квартирку. Герману Ильичу Федорову пришлось уехать от них; он снял комнатку у железнодорожного служащего близ Рязанского вокзала. У его квартирного хозяина была дочка, учащаяся в гимназии; она была красивая блондиночка с черными глазами и бровями, с чудным цветом лица.

Навещая часто Германа Ильича, пришлось познакомиться с нею, начались совместные прогулки в Сокольники, в Богородское, и, признаюсь, она с каждым днем нравилась мне все больше и больше.

Прихожу как-то к Герману Ильичу, меня встретила хозяйка квартиры и сообщила: Герман Ильич от нас переехал на другую квартиру сегодня утром, не оставив адреса, куда он переехал.

Я, удивленный, спросил ее: «Какая же причина его неожиданного отъезда?» – «Он сказал, что нашел комнату для себя более удобную, и больше я ничего не знаю», – ответила она.

Переезд Федорова меня очень удивил: я видел его вчера, и он о переезде ничего не сказал, несомненно, с ним случилось что-нибудь, подумал я. Вернувшись домой, застал Федорова, меня ожидающего. Он рассказал: «Как ты знаешь, комната была маленькая, ночью спать было душно, а потому я свою дверь открывал в переднюю, зная, что этим никого не могу стеснить. Так и сделал вчера, крепко заснул. Ночью был разбужен: меня кто-то крепко обнимал и целовал. Я вскочил с кровати, вижу дочку хозяина квартиры в одной рубашке, стоящую около моей кровати. Я схватил ее за руки и быстро вытолкал из комнаты, дверь запер на крючок. Заснуть уже не мог; лежал и думал: как мне быть?.. что я должен предпринять? Решил утром же переехать в номера. Остаться здесь? – я не мог ручаться, что в будущем смогу сдержаться! Она красивая, и мне нравилась, но я не любил ее...»

Меня изумила его сила воли, он сразу поднялся в моих глазах, и я начал после того относиться к нему с большим уважением. Незадолго до своего переезда с квартиры Г.И. Федоров познакомился с семьей Сергея Пантелеевича Кувшинникова, где он начал часто бывать¹³³⁶⁶¹. У

---

¹³³ Кувшинников был старик, жил в своем доме на Гороховской улице, против церкви Вознесения, имел торговлю на Ильинке в «ножовых рядах» изделиями для дамских работ. Кувшинников был известен торговой солидностью в продолжение нескольких десятков лет как аккуратный плательщик по своим обязательствам. Председателю Биржевого комитета⁶⁶¹ представлялось право таковых представлять к награде через министра финансов. Найденев и представил к награде Кувшинникова, и ему был пожалован орден Станислава 3-й степени. Неожиданная награда на милого и тщеславного старичка сильно подей-

С.П. Кувшинникова были двое сироток внучек. Старшую звали Натальей Николаевной, красотой она не обладала, но была хорошей пианисткой, участвовавшей довольно часто на концертах в Благородном собрании. Как мне говорили, свои музыкальные таланты она слишком переоценивала и предполагала, что, увлекшись ее игрой, явится какой-нибудь королевич и она его осчастливит. Года шли, но королевичей не находилось, и она очутилась на границе перехода в старые девы, тогда она обратила свое внимание на Г.И. Федорова. Он был красивый, брюнет, с бледным цветом лица, с большими красивыми вишневыми глазами и длинными ресницами. Один в нем для нее был недостаток: он был беден, а главное – служил конторщиком. Она решила сделать его помещиком (благо ее дедушка давал за ней приданое десять тысяч рублей), предполагая, что для покупки заложенного имения эта сумма будет достаточна.

Герман Ильич увлекся Натальей Николаевной; нужно думать, что кроме ее музыкальных талантов его привлекала ее интеллигентность, хорошие манеры, остроумие, которым она в достаточной мере обладала. Я с ней был знаком гораздо раньше, чем Федоров, еще по даче в Пушкине, где ее дед имел дачу рядом с дачей, на которой я жил. Она мне не нравилась: глаза у ней были насмешливые и хитрые, доброты и искренности в них не было видно, и я думал про ее, что она эгоистичная и черствая натура.

Когда я узнал, что Герман Ильич ею увлекается, я ему рассказал свое мнение о ней; нужно предположить, что он в минуты откровенности ей все рассказал, что я о ней думаю.

Незадолго до своей свадьбы Федоров пришел ко мне с просьбой: одолжить ему заимообразно 20 тысяч рублей на покупку имения. Просьба его меня удивила: он наверное знал, что я ее не исполню. Я старался его отговорить от покупки имения, говоря: сначала нужно изучить это дело, полюбить его и иметь оборотные средства. Он, выслушав меня, встал: «Значит, ты отказываешься мне помочь? Так знай: я с тобой больше не знаком!» И вышел из комнаты, не простясь. Как я услышал, имение было куплено, деньги для покупки его были заняты Натальей Николаевной Кувшинниковой у подруги ее Думновой, свадьба состоялась, и на этом все сведения о жизни молодых были кончены.

Нужно предполагать, что Наталья Николаевна, зная мое мнение о ней, желала полного разрыва со мной Германа Ильича, чтобы я в будущем не мог видеть их семейную жизнь и, на правах некоторых дружеских отношений, не стал бы направлять мысли Федорова в нежелательную для нее сторону.

После этого прошло лет 5—6, я уже работал в Московском Торгово-промышленном товариществе; однажды в пять часов вечера явился ко мне посланный с письмом, требовавший от артельщика обязательно вручить его лично мне в руки.

Ко мне вошел человек, в костюме, обыкновенно носимом швейцарами трактиров: поддевка, перепоясанная кушаком, сапоги в бутылочку, шляпа с павлиньими перьями. Я взял от него письмо и сказал: «Сейчас я очень занят, прочту после». Посланный ответил: «Господин, поручивший доставить письмо, настойчиво требовал, чтобы я дождался прочтения его вами, и после чего я могу уйти».

Разорвав поспешно конверт, достал письмо и сразу увидел по почерку, особо красивому и мелкому, что оно от Федорова.

На нескольких листах почтовой бумаги было изложено все, что произошло с ним с момента разрыва наших отношений: купленное имение оказалось никуда не годное, без леса, воды; земли хотя было много, но разбросана в разных местах в небольших клочках, друг от

ствовала и послужила причиной скорой его смерти. Кувшинников радовался награде, как мальчик игрушке; носил орден не снимая, даже, как говорили, ложился спать с ним. Желая, чтобы все видели его орден, в мороз, едучи на извозчике, распахивал левую полу своей медвежьей шубы (в таком виде и я его видел) – он простудился и, получив крупозное воспаление в легких, скончался.

⁶⁶¹ Московский *Биржевой комитет*, орган управления Московской биржей, контролировал деятельность должностных лиц биржи, занимался посредничеством при спорах по торговым делам, выпускал биржевой бюллетень.

друга далеко отстоящих; дом старый, требующий большого и дорогого ремонта; инвентарь весь испорченный. В таком имении Федорову – без знания и опыта – пришлось вести все хозяйство; результат, понятно, оказался весьма плачевный: имение за долги в банк было продано с торгов. Федоров остался без всяких средств, с потерей денег, взятых у Думновой, нервно измученный и к тому же брошенный женой, с двумя дочками, до обожания любимыми им. Он писал: в первые года их замужества жена еще приезжала к нему в имение летом, как на дачу, редко – зимой, поминутно требуя доходов с имения. Работал он как последний батрак: вставал раньше всех, ложился спать позже всех, ел из одной миски со своими рабочими. Кроме этих физических лишений его угнетали мысли о любимой жене, весело живущей в Москве.

Заканчивал письмо так: «Сижу в отдельном кабинете трактира «Саратов»¹³⁴, на мне летнее пальто и резиновые ботинки, костюм и сапоги продал для покупки револьвера. Посланный к тебе швейцар если скажет, что ты приехать не можешь, то прости меня за беспокойство; претензии к тебе иметь не буду, желаю тебе долгой и счастливой жизни».

Я бросил всю спешную работу и со швейцаром поехал в «Саратов».

Герман Ильич сидел в кабинете, перед ним стояли водка и закуска, но он до них не дотронулся. Одет был в летнее пальто, как писал, и, когда он распахнул его, я увидел, что на нем ночная сорочка и подштанники, и это при 20-градусном морозе.

Прежде всего я отобрал у него револьвер, и мы отправились на Лубянку, изобилующую магазинами готового платья. Он экипировался с ног до головы, я дал ему еще денег на прожитие, сказав ему, что постараюсь приискать ему место. Скоро устроил его на службу в Среднеазиатское товарищество в Среднюю Азию, на приличный оклад. Федоров, счастливый и довольный, выехал со своими дочками.

Через несколько месяцев его службы, по проверке у него кассы, оказалась недостача в несколько сот рублей. Дело замаяли, перевели его в другой город и даже на более лучшее место.

Я ему написал строгое письмо, с предупреждением, что, если растрата повторится еще раз, он будет уволен, указав ему, что он своим легкомыслием наносит мне большие неприятности, так как я ответствен перед Товариществом за рекомендацию его.

Прошло еще полгода, при проверке кассы оказалась растрата больше тысячи рублей, и его уволили.

В конце 1891 года мне пришлось быть в Средней Азии, в Чарджуе, где жил Федоров. Про него рассказали: сильно пил, сошелся с какой-то проституткой, которая содержала его с дочками. Герман Ильич сильно опустился, работать уже не мог. Жизни этой не вынес и застрелился.

Прошло одиннадцать лет после того, как застрелился Герман Ильич. Я как-то с дачи приехал к себе в дом. «Вас спрашивает дама, – сообщил мне дворник, – она ожидает вашего приезда в саду». – «Попроси ее ко мне», – сказал я. Входит дама, хорошо одетая: «Здравствуйте, Николай Александрович! Вы меня не узнаете?» – «Простите, но, мне кажется, я вижу вас в первый раз в своей жизни!» – «Да, вот что значит время! И я бы вас не узнала! Помните ли, когда ваш товарищ Федоров жил у моих родителей на квартире, вы были в то время студентом-техником, мы вдвоем часто гуляли?» – «Неужели это вы?» – воскликнул я. «Да! Пришла узнать от вас: правда ли, что Герман Ильич скончался?» Я подтвердил это. Крестьясь, она со слезами на глазах сказала: «Царство ему небесное! Я ежедневно за него всю жизнь молюсь о здравии его, а теперь буду молиться за упокой его души... Вы не знаете, какое он мне сделал благодеяние и как я обязана ему!»

Прощаясь, она рассказала, что замужем за прелестным человеком, который ее любит и она его любит, у них две дочки, очень похожие на нее, какая она была в молодости. «Приезжайте ко мне в гости, и по моим девочкам вспомните меня, какая я была, когда с вами позна-

---

¹³⁴ Трактир «Саратов» находился на Сretenском бульваре; здание было снесено в 1920-х гг.

комилась. Приезжайте, пожалуйста, я буду очень рада!» При прощании она мне опять сказала: «Если бы вы знали, как я обязана Герману Ильичу!» Я подумал: могло бы случиться, как говорят: кошке игрушка, а мышке слезки!

Сестра Г.И. Федорова Аполлинария Ильинична была красивой девушкой, с глазами как у брата и с такими же длинными ресницами, роста выше среднего, отлично сложенная, с большими косами волос темно-каштанового цвета, с трудом умещающимися на ее голове. В обществе она незамеченной быть не могла, но между тем она не многим нравилась, как я думаю, из-за своей апатичности и некокетливости.

Сначала я посещал ее часто, но постепенно промежутки наших встреч все увеличивались, и наконец я перестал у ней бывать. Незадолго до женитьбы своей Герман Ильич спросил меня: «Почему ты не наведишь сестру? Она о тебе спрашивала. Она кончила фельдшерские курсы и поступила на хорошее место в частную лечебницу; местом очень довольна и говорит, что лучшего ничего не желает».

Я поехал. Она была рада меня видеть, и я посидел у нее с часик. Когда я прощался с ней, она сказала: «Приятно быть богатым, иметь возможность сидеть в театре в первых рядах, бывать в лучших ресторанах, одеваться у лучших портных!» Эти желания меня немного удивили, раньше я не замечал, чтобы она увлекалась богатством. Это свидание наше было последнее, и я больше ее не видал.

После того как Г.И. Федоров разошелся с женой и бывал у меня, рассказал про Аполлинарию: она познакомилась с шуйским фабрикантом Михаилом Васильевичем Рубачевым, им увлеклась; думаю, что отчасти была этому причина – его богатство. Закрываю это от произнесенной ею фразы: «Приятно быть богатым!»

М.В. Рубачева я знал, он был некрасивый, веснушчатый и подслеповатый, но очень неглупый. Рубачев ее покинул. На нее это так действовало, что у ней отнялись ноги и она лишилась возможности работать. Доктора лечебницы, где она служила, жалая ее, собрали некоторую сумму денег и отправили ее в Крым в какую-то санаторию. Лечилась она там долго, но состояние ее ног осталось в том же положении – ходить не могла.

Одновременно в этой санатории лечился богатый помещик. Они познакомились, часто встречались и разговаривали: потом он предложил ей возить ее в колясочке на прогулку, они еще больше сблизились, и помещик ее полюбил. Сделал предложение быть его женой. Аполлинария Ильинична чистосердечно рассказала причину ее болезни, предполагая, что он после этого о женитьбе больше разговаривать не будет, но он ей ответил: «До прошлого мне нет никакого дела, я вас полюбил и сочту себя счастливым, если вы согласитесь на брак со мной».

Венчание состоялась в местной церкви; невеста сидела в кресле на колёсиках, и шафер возил ее кругом аналая. После третьего круга она почувствовала циркуляцию крови в ногах, с сильным покалыванием; пробует подняться – и, к удивлению всех, ей это удается, ноги стали действовать. Благодарственный молебен после венчания она простояла. После чего она окончательно выздоровела. Замужем она была счастлива, имела двух детей. Несмотря на то что она после родов сильно подурнела, но муж ее по-прежнему любил.

Часть II

ГЛАВА 17

Московское Торгово-промышленное товарищество, где я начал с мая 1889 года работать, было филиальным отделением Московского Торгового банка с целью развития разных торговых операций, не предоставленных банкам их уставами. Вследствие того, что в Товариществе не существовало определенного намерения заняться специальным родом товара, а торговали теми, которые, по мнению правления, были выгодны для того времени, как, например, хлебом, шерстью, хлопком и тому подобными товарами, а потому не существовало в Товариществе той нужной организации, требующейся для каждого специального рода товара.

Такая постановка не могла сулить делу прочного и солидного положения на московском рынке; скорее, дело выглядело как спекулятивное.

Во главе Товарищества стояли выдающиеся лица купечества:

председатель правления Николай Александрович Найденов,

вице-председатель Александр Константинович Трапезников,

директор-распорядитель Николай Козьмич Бакланов,

директора: Василий Дмитриевич Аксенов, Александр Степанович Ключарев, других директоров я не помню.

Члены ревизионной комиссии: Павел Михайлович Третьяков, Владимир Григорьевич Сапожников и Василий Иванович Якунчиков.

Все эти лица имели свои большие дела и были перегружены ими, понятно, отдавать свой труд и время в нужном количестве этому делу не могли, а потому Товарищество не процветало, а, так сказать, тянулось, пока не случилась катастрофа с одной известной фирмой братьев Борисовских, прекративших платежи с долгом Товариществу 200 тысяч рублей и Торговому банку – 400 тысяч рублей¹³⁵⁶⁶²⁶⁶³⁶⁶⁴⁶⁶⁵⁶⁶⁶⁶⁶⁷. К тому же почти в это время случилось большое

---

¹³⁵ Братья Борисовские были очень богатые люди, имели сахарорафинадный завод в Сокольниках и бумагопрядильню в г. Переславле⁶⁶². Сахар их на рынках особенно ценился из-за хорошего качества. Старший брат, Мартемьян Мартемьянович, жил в своем большом особняке у Курского вокзала на улице Садовой⁶⁶³, младший, Никанор, тоже на Садовой, у Красных ворот в своем особняке⁶⁶⁴. Я вспоминаю: как-то, еще будучи юношей, мне пришлось ехать в конке мимо дома Никанора Мартемьяновича. Сидели со мной рядом какие-то обыватели, о чем-то разговаривающие, вдруг один из них обратил внимание других, сказав: «Едем мимо трех китов московских!» – «Каких?» – спросили другие. «Налево живет Сергей Владимирович Алексеев, а направо Н.М. Борисовский, а в переулке А.И. Хлудов». Борисовские были гордые и надменные люди во время их благополучия, когда все благоприятствовало их успеху. Приблизительно в начале восьмидесятых годов того столетия цена на сахар дошла до кульминационной точки, чувствовалось, что дальше этого цена перешагнуть не может. В это время к Борисовским явился известный биржевой маклер⁶⁶⁵ по сахару Фрейтаг с предложением продать всю годовую выработку рафинада одному киевскому купцу и одновременно купить через него у Бродского – так называемого «песочного сахарного короля» – на весь год сахарного песка, с тем чтобы покрыться на весь год сырьем; Бродский за свой песок назначал цену умеренную. Борисовским такая операция понравилась: у них оставалась хорошая польза и они помещали весь сахар в одни руки, с получением задатка в 200 тысяч рублей, с ежемесячным расчетом за высылаемую партию. Дело состоялось. От Бродского сахарный песок начал поступать на завод братьев Борисовских; еще не успела выйти первая партия рафинада, как было получено письмо от киевского покупателя с извещением, что, по случаю изменившихся обстоятельств, он сахар просит в Киев не отправлять, так как от сделки своей отказывается и 200 тысяч рублей, оставленных им в задаток, просит оставить в свою пользу и этим считает сделку законченной. Его отказом Борисовские были поставлены в большое затруднение: купленную партию песку от Бродского они должны получать и за нее платить деньги, а рафинад, получаемый из него, продать не представлялось возможным вследствие сильного понижения на него цены. Борисовские послали доверенного в Киев узнать: не представляется ли возможным привлечь к судебной ответственности их киевского покупателя и получить с него за тот убыток от отказа его принимать сахар. Доверенный нашел покупателя, живущего в тяжелых условиях в одной маленькой комнате, с железной кроватью, с простым столом и стулом и не имеющего больше никакого состояния. Покупатель объяснил доверенному, что он совершенно разорен взносом Борисовским 200 тысяч; сахар в цене начал падать, и разницу в цене ему платить нечем. Доверенный узнал от своих знакомых, что этот покупатель был раньше простым фактором⁶⁶⁶, никогда средств не имел, и они удивлялись, что он мог внести 200 тысяч рублей, когда всегда нуждался в копейках. Но когда доверенный рассказал им

несчастье с одним из деятельнейших директоров Товарищества А.С. Ключаревым, бывшим в то же время управляющим оренбургского отделения Торгового банка. Ключарев не вынес этого несчастья и скоро после этого скончался¹³⁶⁶⁶⁸. После потери за Борисовскими большой

подробно об этом деле, то они сказали ему: «Теперь история для нас понятна: несомненно, Бродский предвидел понижение цены на сахар и, как ловкий комбинатор, предложил этому фактору, понятно, за небольшую плату, проделать всю эту историю и тем положив в свой карман сумму, гораздо большую, чем выкинутые им 200 тысяч рублей». Цена на сахар между тем все понижалась и понижалась, и братья Борисовские понесли на нем убытка несколько миллионов рублей; к тому же незадолго до этой истории ими было куплено на юге России громадное лесное имение, куда они затратили большие деньги, между тем имение доходом себя не окупало. Эти обстоятельства создали заминку в делах братьев Борисовских, и им пришлось приостановить платежи. Баланс Борисовских показывал, что дело их только во временном затруднении, и если кредиторы согласятся отсрочить платежи на некоторое время, то дело могло бы совершенно исправиться. Для обсуждения этого вопроса кредиторы собрались в доме Н.А. Найденова. Они высказались за возможность отсрочки, но при условии, если на это последует согласие со стороны всех кредиторов. Один из них, Гуго Максимович Вогау, категорически отказался отсрочить; как говорили, причина его нежелания была из-за конкуренции с Борисовскими, так как Вогау участвовал в другом рафинадном заводе и ему было желательно избавиться от опасного конкурента, и своим несогласием он сорвал соглашение. В то время, когда происходило это совещание, в кабинете Найденова сидел Никанор Мартемьянович Борисовский, ожидая с трепетом решения своей участи. Найденов пошел сообщить ему о решении их. Он, выслушав, сильно побледнел и упал на пол без чувств. Учрежденная администрация над делами братьев Борисовских повела дело, как подобает лицам, перегруженным личными делами, с полным желанием скорее разделаться с навязанным им делом. Сахарный завод был приостановлен и долго стоял с забитыми дверями, постепенно разрушаясь, киевское имение было продано, прядильня в Переславле была передана товариществу с новыми пайщиками. Переславская мануфактура сделалась нашим покупателем, куда я захаживал. Мне пришлось познакомиться с Никанором Мартемьяновичем Борисовским, этим бывшим гордым и надменным человеком, сделавшимся в ней простым служащим. Все бывшие дурные черты его характера исчезли, он удивлял меня своей кротостью и терпением, внушал мне сильное к нему сожаление, особенно когда приходилось присутствовать при покрикивании его настоящего хозяина Алексея Михайловича Первушина, вышедшего из простых приказчиков. Первушин не стеснялся на этого почтенного человека, бывшего хозяина и создателя дела, при посторонних раздраженным голосом говорить: «Ах, Никанор Мартемьянович, опять входите не вовремя!» или «Вам, Никанор Мартемьянович, никакого дела нельзя поручить, всегда напутаете!» – и тому подобное. Мне в это время был противен Первушин со своим плотоядным лицом за его нечувствительность к положению другого – что должен был в это время переживать Борисовский? Недаром духовная философия придает большое значение страданиям, выпадающим каждому человеку в его жизни; она считает, что без страдания человек не может подойти к сфере более тонких и нежных ощущений духовного мира. Мне невольно приходят на память стихи Апухтина: Ты здесь найдешь опять все счастье прежних лет, И ласки, и любовь, и даже то страданье, Которое порой гнетет существованье, Но без которого вся жизнь – бессвязный бред⁶⁶⁷. У Никанора Мартемьяновича был сын по имени Мартемьян, я с ним был знаком, ему приходилось ко мне заходить в качестве служащего Переславской мануфактуры. Он был помощником по приемке хлопка, не отличавшимся простыми, элементарными правилами честности, свойственными людям, вышедшим из культурной семьи. Потом он прославился тем, что, ухаживая за барышней из хорошей семьи, отправился показывать ей вид на Москву с колокольни Ивана Великого, но произвел то, что не подобает делать в таком чтимом месте; после чего постарался отделаться от нее, но, припугнутый ее родителями, принужден был жениться на ней. С братом Никанора Мартемьяновича я не был знаком, но с сыном его Евгением Мартемьяновичем вместе учились в Императорском Техническом училище. Он был стройный, красивый молодой человек, всегда отлично одетый. Приезжал и уезжал всегда на роскошном рысаке. Скоро училище он покинул. В детстве и в юности он хорошо учился и отлично вел себя, подавая родителям надежду, что из него выйдет достойный и полезный человек. После смерти его матери отец его, Мартемьян Мартемьянович, женился вновь на француженке, бывшей гувернантке сына; и она была виновницей, что своего пасынка сбила с истинного пути. Мачеха снабжала его в изобилии подарками и деньгами, прикрывая все его шалости, не свойственные его годам, боясь, что он может рассказать отцу о его близких отношениях с ней. Она окончательно развратила молодого человека, и из него получился отвратительный тип. После смерти отца, когда он достиг совершеннолетия, получил деньги своей умершей матери. Быстро их промотал, после чего уехал в Париж, где сделался шофером такси.

⁶⁶² Совладельцами Торгового дома «Мартемьян Борисовский с сыновьями» были Мартемьян Иванович Борисовский и его сыновья Никанор и Иван. Сведений об упоминаемом ниже в тексте Мартемьяне Мартемьяновиче Борисовском обнаружить не удалось. См.: Справочная книга о лицах, получивших купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве. М., 1881. 309 с.; Материалы для истории московского купечества. М., 1888. Т. 7. С. 117; Т. 8. С. 136—137.

⁶⁶³ Семья Борисовских с 1808 по 1896 г. владела усадьбой № 51 по ул. Земляной вал (ныне д. 27). Ее последним владельцем из Борисовских был Никанор Мартемьянович. Затем здание принадлежало управлению Московско-Курской железной дороги. См.: *Проскуровская Ю.* Дом Толстого // Архитектура и строительство Москвы. 1987. № 3. С. 31.

⁶⁶⁴ Н.М. Борисовский вместе со своей семьей в 1880—1890-х гг. жил в усадьбе № 335 по Садово-Черногрязской ул. Ныне на месте усадьбы находится многоквартирный дом № 3.

⁶⁶⁵ *Биржевой маклер* – посредник при заключении торговых сделок на бирже. Избирался общим собранием биржевого общества бессрочно, был обязан состоять в купечестве не ниже 2-й гильдии. Старшиной маклеров на бирже считался гофмаклер.

⁶⁶⁶ *Фактор* – комиссионер, посредник при сделках купли-продажи.

⁶⁶⁷ Цитируется стихотворение А.Н. Апухтина «Ответ на письмо» 1885 г. См.: *Апухтин А.Н.* Стихотворения. Л., 1961. С. 222.

¹³⁶ Александр Степанович Ключарев, оренбургский купец, составивший себе хорошие средства, получил от Московского

суммы правление Московского Торгово-промышленного товарищества пришло к заключению о необходимости пригласить лицо, специально знающее хлопковое дело, и поручить ему ведение его. Таковое лицо нашлось в лице Александра Иустиновича Руперти.

ГЛАВА 18

Прежде чем приступить к воспоминаниям о первых шагах моей работы в Московском Торгово-промышленном товариществе, я расскажу о некоторых эпизодах, дающих право думать, что Торговый банк и Товарищество не преследовали одни только желания меркантильной наживы, но старались поддержать тех лиц и учреждения, неожиданно очутившиеся в затруднении.

Торгового банка предложение сделаться управляющим отделения Московского Торгового банка в Оренбурге. Он с охотой принял это предложение, ликвидировал свое дело и образовавшийся капитал разместил в разные акции и облигации акционерных обществ. Ключарев, будучи уже не первой молодости, вздумал жениться на красивой и хорошо образованной девушке, дочери какого-то генерала. Ключаревы зажили тихой семейной жизнью; Александр Степанович весь день проводил в банке, а вечер в семье; жизнь у них текла тихо и ровно. Большая часть его капитала, находящаяся в акциях и облигациях, была наименее ценной. Ключарев решил их хранить в банке, как ценный пакет, без определения его ценности, с целью наименьшего платежа за его хранение. Тщательно упакованные бумаги образовали большой тюк, который он назвал шутя «моей подушкой». Ключарев был глубоко уверен, что эта его «подушка» пропасть не может: ключи от кассы хранились у него, кассир Егор Васильевич Голиков был его приятелем, и он ему всецело доверял, тюк лежал на самом видном месте в кассе, так что он его ежедневно мог видеть при открытии и закрытии банка. Ежегодно перед Новым годом – по принятому обыкновению – производилась ревизия кассы банка, с перечетом всех ценностей, там находящихся. В это же время Ключарев распаковывал свою «подушку», проверял ее, опять упаковывал и водворял ее на место. В 1882 году за несколько дней до Нового года должна была быть такая же ревизия, о чем Александр Степанович перед запором кассы сообщил кассиру Голикову и бухгалтеру Тимофею Ивановичу Обухову, с просьбой, пообедав, немедленно прийти в банк. Ключарев и Обухов явились аккуратно, ждут Голикова. Проходит час, его нет, тогда послали за ним, после чего Голиков пришел. Ключарев начинает проверять деньги, векселя, ценные бумаги, ценные пакеты – все эти ценности оказываются верными. – Ну, Егор Васильевич! Теперь давайте «мою подушку». – Какую подушку? – удивленным голосом спрашивает Голиков. – Подушек никаких нет! – Как нет моей «подушки»? Ну, тогда дайте мой пакет без цены! – А, – отвечает Голиков, – пакет без цены! Его что-то не видать, должно быть, где-нибудь затерялся... Но что вы, Александр Степанович, так волнуетесь? Ведь если он затерялся, то за него придется платить банку только пять рублей. Стоит ли об этом много горевать? – Что вы говорите? – сказал Ключарев. – Если вам вздумалось шутить, то шутки в данный момент неуместны. Вам известно, что в этом пакете находится ценных бумаг более чем на пятьсот тысяч рублей! – Нет, я не шучу!.. Но пакет действительно куда-то девался, я найти его не могу... – Слушайте: я тогда должен послать за прокурором! – сказал Ключарев. – Посылайте, мне все равно, – отвечал Голиков. Явившийся прокурор допросил Голикова, после чего отправил его в тюрьму. Знающие Голикова утверждали, что он своим видом и поведением внушал к себе полное доверие и расположение: с его благообразного лица можно было писать лики святых. В начале восьмидесятых годов прошлого столетия было вроде эпидемии по обворовыванию касс банков и других крупных учреждений. Прокурор, ревизовавший тюрьму, зашел в камеру, где сидел Голиков, и, видя такого солидного арестанта, спросил: «За что посажены?» Голиков только успел произнести: «Я – кассир...» – как прокурор махнул рукой и вышел из камеры. У Голикова, несомненно, должны были быть участники в преступлении. Он не мог лично сам выносить из банка процентные бумаги Ключарева, так как запирал кассу и покидал банк всегда вместе с Ключаревым. Голиков просидел в тюрьме два года, никого не выдал и там скончался. Через несколько лет после смерти Голикова в один из московских банков явился господин и предъявил на 160 тысяч рублей процентных бумаг для продажи. Служащему банка вздумалось посмотреть список, рассылаемый прокурорской властью, с номерами похищенных бумаг; оказалось, что они были похищены у Ключарева. При обнаружении кражи Ключаревым были представлены прокурору счета на купленные процентные бумаги, случайно у него сохранившиеся, они-то и помогли наследникам получить часть украденных денег. Господина задержали, посадили в тюрьму, но он никого не оговорил. Судили, выслали в ссылку, но предполагают, что он не был участником похищения, а лишь укрыватель, так как из всех лиц, посещавших в банке Голикова, его ни разу не видали там. Мне пришлось об этом похищении слышать от многих, но подробности разговора Ключарева с Голиковым в банке во время ревизии передавал присутствовавший при этом бухгалтер банка Т.И. Обухов. Он мне рассказывал разные мелочи из жизни Ключарева, какие он мог наблюдать во время посещения им Ключарева, который всегда приглашал Голикова и Обухова в праздники к себе на кулебяку, как старших служащих в банке. Обыкновенно после отличного обеда Александр Степанович упраскивал свою жену поаккомпанировать им на рояле. Из них составлялся хор, распевавший «Среди долины ровныя...», «Вниз да по матушке...»⁶⁶⁸ и другие подобные излюбленные его песни. Передавая мне об этом, как я заметил, Обухов зло иронизировал Ключарева, представляя его в смешном виде, распевającego свои любимые песни козлиным голосом. Я предполагаю, что такое неприязненное отношение к Ключареву вытекает из досады по необходимости бывать на этих обедах, в то время когда он мог бы проводить время в другом месте с большим для себя интересом. Из оставшихся денег после кончины Ключарева он завещал 40 тысяч рублей своей жене, остальные все средства – своей дочери, вышедшей замуж за Хохбачева. Жена была недовольна выдачей ей такой малой суммы и говорила: «И я продала себя за сорок тысяч рублей!»

⁶⁶⁸ «Среди долины ровныя...» (слова А.Ф. Мерзлякова, 1810 г.) и «Вниз по матушке, по Волге...» – русские народные песни.

9 мая в день ангела председателя Торгового банка Н.А. Найденова я в продолжение многих лет бывал у него, имея удовольствие любоваться и есть замечательно искусно сделанный пирог-торт из кондитерской «Эйнем»¹³⁷, представлявший из себя пирог, на котором лежал очень большой рог изобилия, наполненный лучшими шоколадными конфетами.

Мне Н.А. Найденов рассказал причину появления ежегодно торта: один купец из города Ельца, солидный и богатый, иногда учитывал свои векселя в банке. В один день служащий банка принес реестр просроченных векселей, и в числе их был вексель в 500 рублей, не оплаченный этим купцом. Найденов приказал этот вексель не протестовать, уверенный, что в этом случае есть какое-то недоразумение; зная, что протест векселя всегда влечет большие дурные последствия лицам, допустившим до этого: по правилам, нотариус, протестовавший вексель, немедленно оповещает Государственный банк, который сейчас же закрывает кредит лицу, чей вексель попал в протест, а за Государственным банком закрывают кредит частные банки. Добиться снятия протеста требовало много хлопот и трудов. Этот купец, приехавший в Москву, зашел в банк и узнал, что один его вексель не оплачен, как потом выяснилось, по вине его служащего. И когда он узнал, что его вексель не протестован по распоряжению председателя банка, он пошел к Найденову и очень благодарил его. Прощаясь с Найденовым, он спросил: «Когда ваше тезоименитство?» И вот в этот день он начал присылать Н.А. Найденову пирог-торт и присылал его вплоть до своей кончины.

В Москве существовало дело под наименованием «Товарищество мануфактур братьев Барановых». Хозяева его были два брата Александр и Асаф Ивановичи Барановы. Александр скончался, оставив жену с несколькими детьми.

Асаф Иванович стоял во главе фабрик, вырабатывающих кумач, так называемую ткань, окрашенную в красный цвет, с вытравленными по ней рисунками разных цветов. Он хорошо изучил кумачное производство, для чего часто ездил за границу и посещал фабрики, работавшие кумач. Один из швейцарских фабрикантов, показывая ему свою фабрику, сказал, что один отдел он не покажет ему, так как он долголетним трудом добился известного усовершенствования и не желал бы, чтобы его секрет был применен другими фабрикантами. Асаф Иванович, просматривая его товар, сказал ему: «Я ваш секрет знаю, вы его начали только что применять, а между тем я работаю этим способом уже много лет», – и рассказал ему рецепт этого секрета. Фабрикант был поражен и после чего повел его в секретное отделение, где Баранов дал ему совет работы более выгодной и удобной, чем работал этот фабрикант. Об этом мне лично рассказывал Асаф Иванович. Этим и другими разными усовершенствованиями Асаф Иванович составил себе известность в научных технических сферах; правительство наградило его званием инженера-технолога с присвоенным этому званию значком.

Асафу Ивановичу пришла мысль, долго и настойчиво на него действующая: почему бы ему не выделиться из этого дела, получить деньги и на них выстроить свою личную фабрику по последнему слову техники? И благодаря своему знанию производства он должен процветать; получаемая от нее польза целиком попадает к нему в карман, а не будет делиться на две части, как при настоящих условиях, когда приходится делиться с наследниками его брата.

Так и поступил: выстроил отличную фабрику, наполненную лучшими усовершенствованными машинами, и учредил товарищество под наименованием Товарищество «Асаф Баранов». За выделом половинной части капитала из «Товарищества братьев Барановых» дело начало ощущать недостаток оборотных средств. Вдова Баранова поняла, что хотя она сделалась единственной хозяйкой дела, но вести его будет трудно, решила обратиться к известному в Москве миллионеру Льву Герасимовичу Кнопу¹³⁸⁶⁹ с просьбой помочь ей.

¹³⁷ Кондитерская принадлежала владельцу шоколадной фабрики и магазинов в Москве – Товариществу «Эйнем».

¹³⁸ Л.Г. Кноп был выходец из Германии, некоторые утверждали, что предки его были семиты. В Москву он приехал молодым человеком на службу к одному немцу, представителю какой-то немецкой бумагопрядильни. Немец этот был грубый и, нужно думать, глупый человек (его фамилию забыл): приходящих к нему покупателей из простых русских людей не допускал

Лев Герасимович согласился у Барановой купить на миллион рублей паев и сделаться в Товариществе директором. Он обратил внимание на приказчика Алексея Михайловича Первушина, работавшего у Барановых с мальчиков, человека умного, хитрого, сумевшего понравиться Кнопу своими доносами о всем, что делается в Товариществе. Кноп провел его в члены правления. Первушин, попавши в директора и получив благорасположение Кнопа, перестал считаться с хозяйкой дела, игнорировал ее, как это часто бывало с людьми малокультурными, вышедшими из низших слоев общества. Но дело шло хорошо, велось по старой программе братьев Барановых.

Старший сын вдовы Барановой окончил курс в университете и пожелал заняться в своем деле. Вдова поехала к Кнопу с просьбой избрать в директора на ближайшем общем собрании пайщиков вместо Первушина ее сына Ивана Александровича. Кнопу такое желание весьма не понравилось, и он категорически заявил, что не допустит этого; если Первушин не будет избран, то он выйдет из директоров, продаст пай и на его кредит Товарищество Барановых рассчитывать не может.

Баранова была крайне огорчена всем этим и не знала, как ей быть. Среди покупателей в Товариществе был почтенный, всеми уважаемый купец В.Д. Аксенов¹³⁹⁶⁷⁰, к которому она и обратилась за советом.

к себе в контору, а заставлял их ожидать подолгу в передней конторы, посылая для переговоров к ним Кнопа. Кноп сразу оценил этих русских мужичков-покупателей, и в действительности они в будущем сделались крупными фабрикантами, как, например, Морозовы, Хлудовы, Солдатенков, Гарелин и другие, и они вытащили Кнопа на своих плечах на ступень первого богача города Москвы (в мое время состояние Л.Г. Кнопа оценивалось в 100 миллионов рублей). Кноп с ними подружился, стал ходить вместе в трактир; и когда эти милые мужички расходились в пьяном виде, они ради потехи мазали ему лицо горчицей. Кноп ушел от немца, съездил в Германию, где нашел фабриканта-прядильщика, сделавшего его своим представителем в Москве. Тогда вся клиентура его бывшего хозяина бросилась к Кнопу и начала покупать у него. Он им стал продавать в кредит и, как говорили про него, «охулки на руку свою не клал». Вскоре Л.Г. Кноп сделался очень богатым человеком, имел много фабрик, ему лично принадлежащих, и, кроме того, принимал участие во многих других предприятиях в качестве пайщика. Можно считать, что он поднял наше бумажотекстильное производство; Кноп получил в Англии от известной машиностроительной фирмы «Мастер-Платт»⁶⁶⁹ представительство на ее машины для всей России. Этим представительством он загребал деньги, как говорят, лопатой.

⁶⁶⁹ Речь идет об английской фирме «*Mather & Platt, Ltd*».

¹³⁹ Василий Дмитриевич Аксенов пользовался большой популярностью среди московского купечества благодаря своим положительным сторонам характера. Купечество считало его мудрым, в каких-либо затруднениях в их жизни обращалось к нему за советом, уверенные, что все, ему поведенное, умрет в нем. Он с братом своим Сергеем Дмитриевичем имели общее мануфактурное оптовое дело, считались людьми богатыми. Василий Дмитриевич был в своем роде феномен: в продолжение всей жизни не имел близких отношений к женщинам, не пил, не курил, посвящал свое время только работе в своем и общественных делах; он не отказывал никому из просящих у него; его доходы шли в значительной степени на благотворительность. Мое знакомство с ним состоялось у Н.А. Найденова 1 января 1887 года, когда Василий Дмитриевич приехал к нему с визитом в то время, когда Найденов вел очень интересную беседу. По докладу прислуги о приезде Аксенова он прервал ее и бросился с поспешностью вниз по лестнице, чтобы встретить Василия Дмитриевича, взял его под руку и бережно повел в гостиную, усадил на диван, обращаясь с ним как с самым дорогим и уважаемым гостем. Аксенов был старик лет семидесяти с чем-нибудь, лицо его мне напомнило Дарвина, снятого стариком. Разговаривая, он, между прочим, рассказал о курьезном случае, бывшем у него на обеде, даваемом им с братом своим сибирским покупателям. В столовой за длинным столом расположились его гости, между ними были и дамы, его сибирские покупательницы. Обед был оживленный, особенно к концу его, когда гости подвыпили, раздались шутки и смех; вдруг во время этого веселья, когда обносили сладким, раздалось истеричное рыдание. Шум сразу умолк, лица всех повернулись в сторону рыдающей дамы. Василий Дмитриевич подбежал к ней, спрашивая: «Что с вами? Захворали?» Она, всхлипывая, через слезы проговорила: «Я голодна!» Оказалось, что в ее богоспасаемом городе, находящемся в захолустье, принято хозяевам настойчиво угощать гостей; считалось высшим тоном неприличия, если гость приступил к угощению без нескольких приглашений покушать. Она так и делала: когда лакей ей подносил блюдо, то она ему кивала головой, говоря: «Благодарю, я не хочу!» Лакей подавал блюдо ее соседу, так она проделывала со всеми блюдами и церемонно отказывалась, но, наконец, когда подали последнее сладкое и она увидела, что обед окончен, а ее никто не угощает, она не выдержала и разрыдалась. Василий Дмитриевич даже в гостях пользовался минутой, чтобы кому-нибудь из его опекаемых оказать помощь: так, в этот приезд он рассказал, что недавно крестил еврея и крестник просит его оказать ему протекцию в каком-то деле, между тем сам он не имеет возможности этого сделать, так как не знаком с нужным для этого дела лицом. Когда он узнал, что я знаком с ним, то он обратился ко мне с просьбой: не помогу ли я его крестнику в этом деле? Через несколько дней крестник его явился ко мне. Во время разговора со мной он неоднократно величал Василия Дмитриевича «папасой», впечатление у меня осталось о нем весьма плохое: было видно, что он все догматы христианской веры понимает как получение права на оседлость в Москве. Василий Дмитриевич скончался в 1904 или 1905 году⁶⁷⁰, и фирма братьев Аксеновых приостановила платежи. Сергей Дмитриевич рассказал: лет десять тому назад был год для их дела крайне

Василий Дмитриевич порекомендовал ей поехать к Н.А. Найденову, и он даст ей практический совет. Она так и поступила. Найденов посоветовал Барановой: пай, продаваемые Кнопом, из своих рук не выпускать, для покупки деньги можно взять в Торговом банке, а хлопок Товарищество может покупать в кредит в Московском Торгово-промышленном товариществе, следовательно, она выйдет из полной зависимости Кнопа и его угрозы для нее не должны быть страшны.

На общем собрании пайщиков Баранова заявила о своем желании избрать в директора правления сына Ивана Александровича на место А.М. Первушина. Л.Г. Кноп, пораженный твердостью ее заявления и небоязнью его угроз, с покрасневшим и рассерженным лицом встал и покинул собрание.

Иван Александрович был выбран в директора. Кноп и не подумал привести свои угрозы в исполнение; пай не продал, кредита не закрыл, а стал еще ревностнее смотреть, чтобы в Товарищество не продавали бы его конкуренты.

Все это мною рассказанное о Баранове случилось лет за 10 до моего вступления в Московское Торгово-промышленное товарищество. Однажды во время какого-то торжества на Бирже Н.А. Найденов стоял со мной и разговаривал, в это время подошел к нам И.А. Баранов; Найденов, здороваясь с ним, сказал: «Вы и ваша фирма – наши должники!» Баранов на него посмотрел с удивлением. Найденов повторил свое заявление и прибавил: «Мои слова может удостоверить ваша здравствующая матушка» – и рассказал ему все, что я только что написал. Иван Александрович ответил, что он действительно это слышал от своей матери, но, по установленным у них в Товариществе традициям, они всегда покупают у одних и тех же лиц, а потому и не покупали в Московском Торгово-промышленном товариществе. Вскоре после этого Товарищество начало им продавать хлопок.

Кноп своего любимчика А.М. Первушина устроил во вновь образовавшееся товарищество Переславской мануфактуры.

С товариществом Асафа Баранова случилось то, о чем частенько людьми говорится: «Человек предполагает, а Бог располагает». Вместо того чтобы Асафу Ивановичу стать во главе кумачного дела, он съехал в последние ряды; между тем его родовое дело «Товарищество мануфактур братьев Барановых» процветало и преуспело, наживая большие деньги. Конечный результат дела Товарищества Асафа Баранова был печальный: Асаф Иванович продал его Журавлеву и скончался небогатым человеком.

Опытные и знающие люди приписывали такой печальный результат тому, что Асаф Иванович, желая скорее разбогатеть, миткаль¹⁴⁰, употребляющийся для изделия кумача, пустил немного легче весом, чем он был раньше, что составило несколько десятков тысяч рублей в пользу хозяина. Таковое ухудшение качества товара на глаз не было заметным, но потребитель через год-полтора увидел, что рубашка, сделанная из кумача Асафа Баранова, изнашивается скорее, чем рубашка из кумача «Товарищества мануфактур братьев Барановых», и перестал покупать кумач Асафа Баранова.

тяжелый, фирма понесла большой убыток; Василий Дмитриевич хотел сейчас же ликвидировать дело, но он стал упрашивать брата этого не делать, говоря: «В нынешнем году убыток, а на будущий год почему не быть барышю?» Василий Дмитриевич по своей доброте уступил желанию брата. Дальнейшие года шли все хуже и хуже, пришлось затратить кредиторский рубль, и это способствовало ускорению кончины его брата. Сергей Дмитриевич приписывал плохое состояние их дела особенной доброте его брата, раздававшего деньги нуждающимся даже в то время, когда положение дела не давало на то права. Сергей Дмитриевич рассказал тоже: вскоре после похорон брата он, подъехав к своему дому, увидел стоящую у дверей даму с детьми, бросившуюся перед ним на колени, которая, показывая на своих детей, сказала: «Я мать их, а отец их Василий Дмитриевич, помогите нам!» Сергей Дмитриевич настойчиво утверждал, что эта дама – авантюристка, желающая сорвать что-нибудь, зная их отношение к нуждающимся. Близость Василия Дмитриевича к женщине не могла бы остаться незамеченной в доме у них, тем более что брат, уезжая из дома, всегда говорил, куда он едет.

⁶⁷⁰ Неточность: Василий Дмитриевич Аксенов умер в 1890 г.

¹⁴⁰ Миткаль – ненабивной ситец.

В Москве была фирма «Торговый дом Петра Свешникова сыновья», торговавшая мехами и лесными материалами. Эта фирма была нашим покупателем. Возглавлял меховую торговлю один из братьев, Иван Петрович Свешников.

Иван Петрович был высокого роста, с большим развитым лбом, с красивым овалом лица и глазами немного лукавыми. Он был хорошим купцом, с умением пользоваться всем, что для их торгового дома было выгодно. Мне пришлось от него слышать, что отец оставил наследства всем братьям пять тысяч рублей. Жили они в Переславле Ярославской губернии и имели мануфактурное дельце; потом завели лесное, во главе которого стал очень способный его брат Валентин; после завели меховую торговлю, где стал он. Постепенно развивая дело, они сильно его увеличили и уже к 1890 году имели лесных имений, разбросанных в разных частях России, в количестве несколько десятков тысяч десятин, а меховое дело давало прибыли около 50 тысяч рублей ежегодно.

Лесное дело требовало больших затрат, но затраченные деньги не скоро приходили обратно, а потому приходилось кредитоваться. Иван Петрович почти ежегодно ездил в Лейпциг на ярмарку для покупки мехов. Познакомившись с ярмаркой, он задумал отправлять туда каракуль и торговать им там. Успешно конкурируя с немцами и евреями этим товаром, он навлек их неудовольствие, и его конкуренты старались, где только возможно, вредить ему. Однажды Иван Петрович пришел ко мне в возбужденном настроении и рассказал: им были представлены в Московский Купеческий банк для учета векселя, где и раньше он учитывал и ему отказа не бывало, но в настоящее время в приеме отказали. Объясняя эту неудачу тем, что евреи и немцы распространили про их торговый дом слух, что они понесли в Лейпциге большой убыток и дело находится в печальном положении, он просил меня переговорить с Н.А. Найденовым о приеме к учету его векселей в Торговом банке. В удостоверение хорошего положения дел торгового дома он предоставляет уполномоченному лицу от Торгового банка все торговые книги. Я его просьбу исполнил, и Н.А. Найденов уполномочил меня посмотреть книги торгового дома. Из осмотра их я увидел, что дело довольно хорошо поставлено и в ближайшем будущем не представляет никакой опасности. Торговый банк ему кредит открыл, тоже и Московское Торгово-промышленное товарищество, и дело торгового дома было спасено.

Сообщая о Свешникове, мне вспомнился рассказ Ивана Петровича о бывшем с ним случае: продавалось большое лесное имение в количестве 10 тысяч с чем-то десятин генеральшей Рооп¹⁴¹, проживавшей в своем роскошном имении по Нижегородской железной дороге, недалеко от Москвы, в Леонове¹⁴²¹⁴³. Свешниковы осмотрели лес, нашли его для себя весьма выгодным, как находящийся на двух сплавных речках, впадающих в Волгу. Для окончательных переговоров с генеральшей, с большим задатком в кармане, Иван Петрович взял автомобиль и отправился в имение генеральши Рооп, чтобы окончательно закрепить лес за собой, опасаясь, чтобы другие конкурирующие фирмы не узнали о продаже этого леса. Предполагал, что ему удастся убедить генеральшу отправиться на автомобиле в Москву к нотариусу для подписания запродажной. Приехавши к ней в усадьбу, он узнал, что ее муж генерал находится в Москве и она без его совета продать лес не хочет. Иван Петрович начал убеждать ее отправиться с ним вместе на автомобиле в Москву, заехать к мужу, останавливающемуся всегда в «Лоскутной» гостинице¹⁴⁴, где она с ним посоветуется, и после чего поедут к нотариусу, имеющему контору

¹⁴¹ Очевидно, речь идет о Марии Степановне Рооп, жене видного военного деятеля и предпринимателя Христофора Христофоровича Рооп.

¹⁴² В 18 верстах.

¹⁴³ Имение с лесными угодьями Пехра-Яковлевское, принадлежавшее в 1870-х гг. семье Рооп, находилось у д. Леоново, в 5 верстах от платформы Салтыковка Московско-Нижегородской железной дороги и в 2 верстах от Владимирского шоссе. Усадебный комплекс XVIII—XIX вв., окруженный хвойным лесом, был расположен на высоком берегу р. Пехорки – левого притока р. Москвы. См.: Дачи и окрестности Москвы: Справочник-путеводитель. М., 1930. С. 46—47; Памятники архитектуры Московской области: Каталог. М., 1975. Т. 1. С. 12—13.

¹⁴⁴ «Лоскутная» гостиница размещалась на Тверской ул. в доме 3 (не сохранился).

рядом с гостиницей. Наконец генеральша согласилась, и они поехали. Генеральша и Свешников поднялись во второй этаж и вошли в номер, занятый ее мужем. Они очутились в большом салоне, красиво убранном, где на диване и креслах в беспорядке лежали женские туалетные принадлежности с изящной дамской шляпой. Из соседней с салоном комнаты раздался голос генерала: «Кто там?» – и в эту же минуту из этой комнаты выскочила полураздетая француженка, с визгом бросившаяся обратно, увидав стоящих почтенную даму и господина.

Через несколько недель лесное имение Свешниковым было куплено, но уже при переговорах генерал не присутствовал, кажется, после этого случая супруги разошлись.

ГЛАВА 19

Мой первый приход на работу в Московском Торгово-промышленном товариществе был приурочен к 12 часам дня, ко времени, когда приходил туда Н.К. Бакланов, директор-распорядитель правления. Бакланов познакомил меня с директорами правления: Александром Иустиновичем Руперти, единовременно состоящим в директорах Торгового банка, с его сыном Эдгаром Александровичем и Сергеем Михайловичем Долговым. А.И. Руперти был красивый старик, с густой растительностью на голове и бороде, с оловянными маловыразительными глазами. На меня он произвел впечатление тупого человека¹⁴⁵.

Эдгар был красивый молодой человек, женатый на сестре городского головы Н.А. Алексеева. С.М. Долгов особенного впечатления на меня не оставил, хотя он был хорошо образованный, занимался переводами книг итальянских, английских на русский язык, но как купец представлял из себя небольшую величину, по инертности своего характера.

Они показали все помещение, занимаемое Торгово-промышленным товариществом, находившееся на третьем этаже Торгового банка; состояло оно из четырех больших комнат, разделяющихся широким коридором. Левая сторона по коридору была занята служебным персоналом, на правой стороне в первой комнате помещалось правление Товарищества; а в смежной с ней комнате находились образцы хлопка.

Разговаривая с ними, я интуитивно понял, что мое приглашение на службу в Товарищество для них не пришлось по душе, хотя по виду встретили и беседовали со мной весьма любезно. И это мое чутье оправдалось на следующий день, пришлось случайно услышать разговор Долгова с Руперти во время прохода мимо комнаты правления, когда они думали, что я прошел в свое помещение, но был остановлен одним из служащих для получения какой-то справки. Долгов сказал: «Прошел наш новый синекура»¹⁴⁶. Кого они подразумевали старым – мне неизвестно.

Наконец поднялся вопрос: куда меня посадить? В комнате правления был свободный письменный стол, стоящий далеко от окна; за ним обыкновенно помещались приходящие в

---

¹⁴⁵ А.И. Руперти был немец из Гамбурга, где он служил в какой-то фирме. У него был шурин Ахенбах в Москве, имеющий хлопковую фирму «Ахенбах и Колли». Ахенбах был умным и дельным человеком, славившимся своими особо злыми остроумиями. У Ахенбаха детей не было, поэтому он выписал из Гамбурга Руперти, чтобы научить при своей жизни хлопковому делу. Руперти прожил у Ахенбаха довольно долго, но говорить по-русски научился плохо. Ахенбах недолюбливал своего шурина и часто при посторонних отпускал ему колкости и даже зачастую называл его дураком. После смерти Ахенбаха Руперти не мог продолжать его дела самостоятельно и поступил в Московское Торгово-промышленное товарищество в директора, заведующим иностранным отделом. Надо отдать ему справедливость, что Руперти, пользуясь оставленными ему Ахенбахом американскими фирмами, повел дело на правильных основаниях, без всяких спекуляций. А.И. Руперти, сделавшись директором в Товариществе, поставил себя в нем так, что не допускал никого из русских работников в изучение этого дела: переписка с американскими, египетскими, английскими фирмами велась лично его сыном Эдгаром, письма копировались в отдельной книге, хранившейся у них в запечатом столе. А.И. Руперти о себе много думал и был до крайности высокомерен: руки служащим не подавал, а тем лицам, которые стояли по положению в Товариществе довольно высоко, протягивал только один палец; я рассердился и тоже в свою очередь протянул ему один палец. Вышло комично, присутствующие невольно засмеялись, видя скрестившиеся наши пальцы, после чего [он] начал подавать всю руку, но никогда не жал ее.

¹⁴⁶ *Синекура* (от лат. sine cura – ‘без заботы’) – хорошо оплачиваемая должность, почти не требующая работы.

неопределенное время председатель правления или его заместители. Мне предложили занять этот стол, но мне пришла в голову счастливая мысль о пустой комнате, занятой образцами хлопка, и я высказал желание поместиться там, объясняя, что по роду дела меня будет навещать масса лиц, преимущественно азиатских купцов, которые своим гортанным, крикливым голосом, видом, запахом будут мешать лицам, занимающимся в этой комнате. Заметил, что мое предложение директорам понравилось и, поторговавшись со мной ради деликатности, они согласились.

И я водворился в комнате для хлопковых образцов на много лет, с полным успехом в деле, предназначенном моему ведению, с большим притоком на комиссию хлопка, шерсти и разных других товаров. Мною было обращено серьезное внимание на развитие комиссионного дела; так как на покупаемый в Средней Азии хлопок я смотрел с боязнью, уверенный в плохой организации на местах, руководимой Н.И. Решетниковым.

Конкурировать приходилось с двумя крупными, богатыми и заслуженными комиссионерами: Салихом Юсуповичем Ерзиным¹⁴⁷ и Отто Максимовичем Вогау¹⁴⁸.

Ерзин и Вогау не волновались открытием Московского Торгово-промышленного товарищества комиссионного дела; у них было слишком много преимуществ: большие денежные средства, большое доверие со стороны азиатских купцов и, наконец, опытность и знание. Они не придавали значения конкуренции Московского Торгово-промышленного товарищества, во главе дела здесь стоял молодой человек, еще мало зарекомендовавший себя чем-нибудь; каракулем заведовал Кашаев, бывший малайка Шагазиева. Можно ли было ожидать особенных результатов от этого дела?

¹⁴⁷ Ерзин был татарин; в молодых годах он работал дворником при доме известного фабриканта Ивана Артемьевича Лямина, выстроившего хлопковые склады для своей фабрики. Но с проведением железнодорожной ветки на нее склады московские не понадобились, и Лямин стал их сдавать азиатским купцам. Ерзин наблюдал за чистотой двора, собирал раструсившийся хлопок, не брал его в свою пользу, а отдавал владельцам его. И этим заслужил большое доверие у азиатских купцов, которые сначала поручали ему сдавать хлопок фабрикантам, а увидавши, что и в этом он очень внимателен к их интересам, начали давать ему на комиссию свои товары, когда они были в отсутствии. С каждым годом дело увеличивалось, и он сделался большим комиссионером с миллионными оборотами. Когда я начал заниматься в Московском Торгово-промышленном товариществе, то Ерзин был уже миллионером.

¹⁴⁸ О.М. Вогау начал комиссионное дело с большим капиталом, полученным от своего отца. Его отец Максим Вогау приехал из-за границы в Москву бедным человеком; благодаря уму, энергии и трудолюбию составил себе имя и состояние. Однажды к нему приехал его старинный приятель Ландауэр (фамилию, быть может, я перепутываю) и предложил заняться с ним вместе хлопковыми спекуляциями, основанными на фьючерсах (покупка и продажа хлопка по контрактам на определенный срок; с уплатой разницы от повышения или понижения цены в день окончания контрактной сделки)⁶⁷¹. Вогау заинтересовался этим делом и начал вести его, заключив с Ландауэром договор на год. Год прошел, барыш от дела оказался хороший, каждый из компаньонов получил по 500 с чем-то тысяч рублей. Ландауэр, поздравляя Вогау с такой пользой, сказал ему: «Давайте опять заключим условие еще на год, могу уверить: результат будет еще блестящее!..» – Нет, – отвечал Вогау, – делом этим заниматься не буду; уже достаточно пережил за этот год волнений, с бессонными ночами, опасаясь за свое благополучие. Могу уверить, что это дело много унесло у меня сил и здоровья, и пережить еще год в таком же напряжении я не в состоянии; в свою очередь я посоветовал бы и вам бросить это спекулятивное дело, помните: палка о двух концах! Теперь вы с деньгами, с ними можете начать какое-нибудь правильное коммерческое дело и жить в довольстве и спокойствии. Ландауэр долго уговаривал Вогау не бросать этого дела, уверяя, что он в будущем будет сожалеть, но Вогау остался непреклонен в своем решении. Ландауэр, покидая его, сказал: «Вспомните мои слова и пожалее, что отказались от этого дела!» Через год Ландауэр, сияющий и радостный, пришел к Вогау с сообщением: «Я был прав, хорошо, что не послушал вас – в этом году я нажил на фьючерсах семь миллионов рублей». Вогау поздравил его и ответил: «Я не жалею, что не работал с вами, Бог с ними – этими деньгами! Спокойствие и здоровье гораздо ценнее. В свою очередь опять советую вам: бросьте спекуляцию, имея такие деньги, займитесь правильным торговым делом, которое еще может только увеличить ваши средства. Операции с фьючерсами могут кончиться для вас плачевно!» Как известно, спекулянты-маньяки, вкушившие сладость сильных ощущений, не поддаются убеждениям – они в этом безнадежны. Так и Ландауэр не бросил этого дела и через год потерял все до копейки нажитые им деньги. О.М. Вогау не держался тех правил, которые имел Ерзин. Мне часто приходилось слышать от азиатских купцов, что О.М. Вогау не совсем правильно вел дело – обижал клиентов ради увеличения своей пользы. Конечный результат О.М. Вогау был плачевный, от него солидная клиентура азиатских купцов отошла, в значительной степени перешла в Московское Торгово-промышленное товарищество, и Вогау в конце своей жизни был в денежных затруднениях.

⁶⁷¹ *Фьючерс* (фьючерсная сделка) (от англ. future – «будущее») – один из основных видов сделок на товарных биржах в странах с развитой рыночной экономикой, торговля контрактами на поставку товаров под гарантированный задаток.

Я тоже не особенно страшился этих фирм, но боялся злой конкуренции со стороны вновь образовавшейся фирмы с хозяевами Шагазиевым, Зыбиным и Шимко. Шагазиев уже по своей национальности был близок к бухарскому купечеству, они его любили и верили ему; кроме того, он хорошо знал каракулево дело и имел большие связи с заграничными и русскими покупателями, Зыбин был хороший бухгалтер и близок с хивинским купечеством¹⁴⁹, Шимко ловкий продавец хлопка, пользующийся популярностью среди фабрикантов.

Все эти обстоятельства меня сильно волновали, и я с трепетом ожидал Нижегородскую ярмарку, которая определит положение Товарищества в коммиссионном деле. Шагазиев мог выбить нас из каракулевого дела, а Зыбин и Шимко устроить такое же положение с хивинцами и лишит меня тех связей, которые я имел с ними через Н.П. Кудрина. Такой исход дела для моего самолюбия был бы большим ударом.

ГЛАВА 20

В ярмарку отправился с плохим настроением, мне было известно, что Шагазиев сосредоточил в своих руках лучшие партии каракуля. В этом году привоз каракуля на ярмарку был в очень большом количестве, и Шагазиев имел, как говорили, больше трех тысяч кип, то же приблизительно было у Ерзина с Вогау, а у нас только 200 кип, да притом плохого качества. Бухарцы нам давали с расчетом, что мы принуждены будем продавать в кредит татарам, торгующим вразнос на руках, обыкновенно из них было много неплательщиков. Шагазиев, обиженный мною, как я об этом уже писал, старался принимать все меры, чтобы наше дело не могло развиваться. Он говорил покупателям, нуждающимся в кредите: «Пойдете в Товарищество покупать, ко мне не ходите, я вам товару не продам!» То же заявлял и маклерам: «Будете водить в Товарищество покупателей, то я через вас продавать не буду!» В довершение он позвал к себе Кашаева и предложил поступить к нему на службу с большим окладом, чем он получал в Товариществе.

Кашаев был в большом смущении: как ему быть? Хотелось быть ответственным работником и боялся: а как дело в Товариществе не пойдет и он останется на бобах? Пришел просить моего совета. Я ему сказал: «У Шагазиева ты будешь простым малайкой, а в Товариществе ты можешь выдвинуться и сделаться большим человеком, тем более что я предоставляю некоторые льготы, которые у Шагазиева ты получить не можешь». Льготы заключались в том, что при больших качественно хороших партиях я ему дал право удерживать несколько кип каракуля по цене, предоставляемой крупному покупателю, для его братьев, имеющих торговлю, причем мне было известно, что он у своих братьев в деле состоит негласным участником.

Казалось, все эти обстоятельства слагались для нас неблагоприятно, но я придерживался всегда правила: падать духом не следует, а нужно придумать что-нибудь предпринять.

В Лейпциге были известные меховые торговцы братья Тореры, ежегодно приезжающие на ярмарку и скупающие большие партии каракуля. Они всегда первые начинали сделку, а все остальные покупатели следовали за ними. В этом году они тоже начали первые, произведя закупку у Шагазиева, как имеющего наибольшее количество товара и лучшего качества.

Шагазиев считал себя победителем и мало стеснялся даже с большими покупателями, чем озлобил Торера, не привыкшего к такому обращению, диктуемому ему Шагазиевым, но, по необходимости, ими была куплена у него большая партия каракуля, с тем что условленная цена будет держаться в секрете в течение трех дней. Шагазиев выговорил это условие, уверенный, что в течение этих дней он разбазарится, а его конкуренты будут сидеть без продаж.

---

¹⁴⁹ То есть купцами из Хивинского ханства – государства в низовьях р. Амударьи, признавшего по мирному договору от 24 августа 1873 г. вассальную зависимость от России.

Мне пришла мысль поехать к Тореру и попросить его купить у нас; так сказать, выручить нас из создавшегося положения. В семь часов утра я с Кашаевым был в номерах у Торера, застали его с братом завтракающим, готовым почти к отъезду. Рассказал им о положении Товарищества и тех затруднениях, в какие поставлены Шагазиевым.

Они обещались прийти и пересмотреть всю нашу партию, причем предупредили: «Сказать цену и условия нашей покупки у Шагазиева мы не можем, но за ваш товар, который, несомненно, ниже качеством, чем у Шагазиева, цену мы поставим соответствующую его качеству, а потому просим вас не торговаться, а верить нам, что покупаем у вас из-за желания помочь вам».

Они пришли, осмотрели все партии и за каждую назначили цену. Цена показалась нам очень дешевой. Пошли с Кашаевым в другую комнату, долго совещались и пришли к выводу: отдать товар по их цене, рассчитывая на их благородство.

Вся наша партия каракуля была куплена Торерами, но нашим клиентам-бухарцам ее не сообщили, выжидая цены Шагазиева. Когда цена Шагазиева сделалась известна, то наша продажа произвела фурор между бухарцами от такой неожиданности для них, после чего приток каракуля сильно увеличился у нас. Сверх моего ожидания, год с каракулем вышел весьма удачный, о чем я даже и мечтать не мог. В благодарность братьям Торерам я подарил им превосходный туркменский ковер и по приезде их в Москву угостил превосходным ужином в «Эрмитаже».

Братья Тореры сделались нашими лучшими покупателями, и я им старался делать разные преимущества, которые обыкновенно другим не делали. С их легкой руки каракулевое дело в Товариществе сильно разрослось, и на следующий год на ярмарке Шагазиев плелся у нас в хвосте.

Я придавал большое значение Нижегородской ярмарке 1889 года для установления и скрепления хороших отношений с хивинским купечеством, торговая жизнь которых в корне изменялась с устройством Среднеазиатской железной дороги от порта Узун-Ада до Чарджуя. Чарджуй делался ближайшим пунктом к Хивинскому ханству, а потому большая часть грузов будет направляться в этот город; Оренбург терял свое торговое назначение для Хивы. Хивинцы – эти люди оазиса, заброшенного в глубине песков Средней Азии, – жили особой патриархальной жизнью, вдалеке от всякой цивилизации, довольствуясь минимальными потребностями своего обихода. Ездили в Оренбург на верблюдах, где жили в амбарах в пыли и грязи на Меновом дворе, спали вповалку, питались продуктами, взятыми с родины, и даже свои чувственные потребности переносили на скотоложество, почему русские их брезгливо называли «ишаками». В Оренбурге они продавали свои товары и там же покупали все, что им требовалось для их торговли.

С проведением железной дороги до Чарджуя их товары пошли Каспийским морем и Волгой и попадали в Нижний, и приезд хивинцев в Нижний не мог в точности совпасть с прибытием их товара, им пришлось бы долго жить здесь, тратить на прожитие суммы, по их понятию необычайно высокие. Естественно, явилась у них потребность в хорошем, честном комиссионере. И ярмарка в этом году должна была указать то лицо, на которое они могли положиться.

С хивинскими баями я мало был знаком, не говорил на их языке, приходилось говорить через переводчика, что значительно уменьшало впечатление от переговоров, – все это мне давало основания думать, что я не буду для них подходящим лицом; между тем Зыбин говорил хорошо по-татарски, был давно знаком со всеми хивинскими баями; я думал, что все мои отношения с хивинцами, установившиеся при Н.П. Кудрине, будут потеряны, и это действовало на мое самолюбие.

Наконец я узнал о приезде большой партии хивинцев, во главе которых находился известный мне по фамилии бай из Ханкалов Ибрагимбай Резакбердыев. Немедленно отправил к нему нашего переводчика Хусейнбая Муминбаева и Кашаева, чтобы позондировать у него почву и

попросить его прийти ко мне. Резакбердыев им ответил: «Как-нибудь зайду». Из его ответа я понял, что он сказал это из вежливости, без большого желания меня поскорее повидать.

Наконец он явился, окруженный толпой в несколько десятков человек хивинцев, маленьких хозяйчиков, к нему с особым уважением и доверием относящихся.

Резакбердыев был старик, по виду не меньше 70 лет, седой, с длинной и узкой бородой, высокого роста и чрезвычайно худой, со впалыми щеками, со строгим выражением лица, но с милыми добрыми глазами, смотрящими пристально и прямо. На меня он произвел весьма приятное впечатление, я тогда подумал, что, по всей вероятности, наши знаменитые предки, считающиеся святой жизни, были именно такого же вида. Говорил он медленно, мало и совершенно не улыбался. На голове его была синяя чалма, халат на нем был довольно поношенный. Усадил его на диван, другие, более почтенные из хозяйчиков, разместились на креслах и стульях, а все остальные, поджав ножки, расселись на полу, а более молодые стояли, с любопытством зорко смотрели все на меня.

Угощали их сладким чаем, попировали: я принес свои запасы конфет, печений. Они пили чай с удовольствием, и в это время велся разговор о хлопке, о цене на него, о количестве и т.д. Резакбердыев был сух и сдержан, задавал и отвечал на вопросы как бы нехотя. Из его слов и по выражению лица я не мог составить понятие, удовлетворен ли он моими ответами или нет. Наконец Резакбердыев встал, и за ним поднялись все остальные; когда он мне протянул руку, то я спросил: «Думаете ли дать на комиссию нам хлопок?» – «Я ничего не могу сказать, – ответил он, – товар еще в пути, когда придет, то поговорим».

Через несколько дней Резакбердыев опять пришел со всеми хозяйчиками. После угощения чаем между нами начались длинные разговоры. Все его хозяйчики сидели тихо, внимательно слушая, только иногда вылетали слова «хоош!», «хоош!». Вдруг замечаю: лицо Резакбердыева как бы преобразилось, будто он освободился от большой ноши – он улыбнулся, оскалив свои желтые зубы; то же произошло с хозяйчиками: они улыбались и кивали головами. Резакбердыев встал, распахнул свой халат, развязал платок, заменяющий пояс на другом его халате, и из платка вынул пачку квитанций; держа их двумя руками, он с довольными глазами передал их мне, после чего все остальные начали проделывать то же, вручая квитанции.

После посещения Резакбердыева начали приходить другие, запоздавшие приездом хивинцы и приносить квитанции. Наконец явился мой знакомый, крупный бай Матвафа Юсупов, молодой человек лет двадцати, с ним я имел раньше дела, и мы были с ним дружны. Брат Матвафы был первым министром при хане, и оба они были очень богатые; брата его звали Вуйсбава Юсупов. Матвафа объяснил, что задержался в Оренбурге по каким-то обстоятельствам, но я был уверен, что он задержался в Оренбурге по приказанию своего брата Вуйсбавы, желавшего получить сначала от Резакбердыева его мнение обо мне, так как мнению Матвафы, по молодости его, он не доверял¹⁵⁰⁶⁷².

Ибрагимбай Резакбердыев, передавая мне квитанции на хлопок, выразил желание, чтобы я продал их хлопок не дешевле 8 рублей за пуд, тогда он предоставляет мне право взять с

---

¹⁵⁰ Матвафа был умным и хорошим человеком, с ним приятно было иметь дело. У меня сохранились с ним наилучшие отношения и даже после того, как я оставил Московское Торгово-промышленное товарищество. Он приезжал ко мне в имение⁶⁷², будучи уже в должности первого министра после смерти своего брата Вуйсбавы Юсупова, имея две звезды, пожалованные государем. Вспоминаю об обеде у меня в имении, когда ему пришлось сидеть долго на стуле; от непривычки сидеть на стуле у него затекли ноги, и нужно было видеть его радость, когда зашел разговор с детьми, узнавшими, что в Хиве принято сидеть на полу, поджав ноги, что их весьма удивило. Матвафа, желая им показать на примере, вскочил со стула и уселся на ковре с довольным и счастливым лицом и просидел так более, чем следовало бы для примера. Кончина его в 1918 году была весьма печальна: разъяренная толпа черни бросилась в его дом, вытащила его на площадь, били, истерзали и труп повесили. Слышал об этом от доверенного Московского Торгово-промышленного товарищества Владимира Ивановича Осокина, жившего в то время в Хиве.

⁶⁷² Н.А. Варенцов с 1901 г. владел дачным имением вблизи с. Качалова, у станции Бутово Московско-Курской железной дороги.

пуда комиссии 20 копеек, причем в эти 20 копеек должны войти страховые и полежалые¹⁵¹, между тем комиссия и все расходы не превышали 13—14 копеек с пуда, о чем я и сообщил ему. Он ответил: «Пусть будет твоя польза больше, но хлопок должен продать по 8 рублей», то есть цене, по которой, я уверял его, что могу продать. Из чего я увидел, что при цене 8 рублей им остается хорошая польза. Его желание было исполнено в точности, и весь хлопок пошел по 8 рублей за пуд. После чего у меня с ним установились хорошие отношения, он часто посещал меня и подолгу беседовал. И до конца жизни он все товары свои отдавал мне; приезжая на ярмарку, привозил подарки, состоящие из ковров, халатов и каракулевых шкурок, я же отдаривал его золотыми часами с цепью, отрезами суконными, шелковыми и парчовыми для халатов. В этом году мы имели более 40 тысяч кип хивинского хлопка, часть которого я продал на ярмарке, а для продажи остального пришлось выехать в Москву; да, кроме того, главный бухгалтер Товарищества Иван Васильевич Полевой все время теребил меня письмами с просьбой разъяснения всех деталей комиссионных продаж, ему не понятных, так как это было новое дело в Товариществе.

И.В. Полевой был один из немногих мною встреченных в жизни людей, отличавшийся особыми красотами духовного свойства. Его терпение, кротость, незлобивость меня всегда удивляли; к нему тянулась душа, как к источнику, источающему прохладную воду во время жары и жажды. Он был некрасивым человеком, с лицом каким-то искаженным, болезненным, но с прелестными глазами, изливающими доброту и любовь.

Из-за сочувствия к нему я указал на него Н.А. Найденову как на серьезного кандидата в директора Торгового банка, куда он был избран. Скоро мне стало ясным, какую ценность в лице его потеряло Товарищество!

В Торговом банке он проработал немного, ушел в монахи в какой-то дальний монастырь¹⁵²⁶⁷³.

ГЛАВА 21

Мне пришлось встретить на ярмарке приемщика хлопка Товарищества С. Морозова Атобекова, в разговоре сообщившего, что их Товарищество нуждается в хивинском хлопке. Пользуясь этим сообщением, я по приезде в Москву решил отправиться в правление С. Морозова, находящееся в Трехсвятительском переулке, о чем и сообщил Руперти и Долгову, но получил от них ответ: «Вряд ли вам придется продать там! Много раз пробовали, но всегда безрезультатно».

Такое отношение Товарищества С. Морозова к Московскому Торгово-промышленному товариществу сложилось уже много лет тому назад из-за плохой сдачи хлопка несоответствующей классификации; Товарищество не согласилось сделать скидки по настоянию С. Морозова, после чего они окончательно перестали покупать. Руперти и Долгов объясняли разрыв с Товариществом С. Морозова другой версией: Тимофей Саввич Морозов, будучи председателем Биржевого комитета, усиленно проводил свой взгляд по одному вопросу, а член совета Биржевого комитета Н.А. Найденов не соглашался с ним; спор разгорелся, и один другому не желали уступить; тогда Найденов отправился в канцелярию комитета, откуда принес протокол одного из заседаний комитета, бывшего несколько лет тому назад, подписанный председательствующим Т.С. Морозовым. В нем — по аналогичному со спорным вопросом — было вынесено постановление, согласное со всеми взглядами, высказываемыми в настоящее время Найденовым. Найденов прочитал вслух общему собранию, чем вызвал у присутствующих смех, скон-

¹⁵¹ *Полежалые*, полежалое — плата за хранение товара, вещей.

¹⁵² Саровскую пустынь⁶⁷³.

⁶⁷³ *Саровская Успенская пустынь* — мужской монастырь, основанный в XVII в. на границе Тамбовской и Нижегородской губ., в Темниковском уезде. Отличался строгостью монастырского устава.

фузивший Тимофея Саввича. После чего Тимофей Саввич отказался от председательства и на его место был избран Найденов. И эта причина будто бы вызвала антагонизм между двумя товариществами.

Когда я ехал в Товарищество С. Морозова, я был почти уверен, что мне продать не удастся, но рассчитывал на содействие директоров С. Морозова А.А. Назарова и И.А. Колесникова, с которыми был знаком, встречаясь в гостях у моего родственника И.А. Панова, причем Александр Александрович Назаров всегда относился ко мне с доброжелательством. В правлении, оказалось, их не было, был один Т.С. Морозов, которому я и просил доложить обо мне. Тимофей Саввич меня сейчас же принял.

Кабинет Морозова меня удивил своими большими размерами и деловой обстановкой: с картами и диаграммами на стенах, со шкафами, наполненными книгами, на столах в разных местах лежали планы новых построек. Посреди комнаты, ближе к окнам, стоял стол, за которым сидел Тимофей Саввич, спиной к свету. Морозов был выше среднего роста, плотно сложенный, с густыми седыми волосами, окладистой бородой. Как мне казалось, ему было лет около 70; когда говорил, то шепелявил.

Он, встав, протянул мне руку и предложил сесть. Из поданной карточки он знал мое имя и отчество. Я ему сказал, что я от Московского Торгово-промышленного товарищества приехал с предложением купить хивинского хлопка, причем указал на выгодность этого хлопка в данное время, сравнивая с иностранным, соответствующим ему по качеству; еще что-то говорил, но теперь забыл. Он выслушал и ответил: «Хорошо, я куплю у вас пять тысяч кип, но старайтесь сдать как можно скорее, пока хорошая погода».

Когда я встал и начал раскланиваться с ним, он спросил меня: «Вы зять Николая Александровича Найденова? Прошу передать ему мой поклон».

Трудно передать удивление Руперти и Долгова, когда они узнали о состоявшейся сделке с Морозовым: соскочили со своих мест, окружили меня, расспрашивая все подробности моего посещения текстильного короля. После чего я сразу почувствовал перемену их взглядов относительно меня: я не был уже в их глазах лицом, занимающим доходную должность без труда.

После первой моей сделки с Товариществом С. Морозова начались большие дела, но мне не пришлось больше видеть Т.С. Морозова, он вскоре после моего посещения уехал в Крым, где и скончался. Тело его было привезено в Москву; отпевание и погребение было на Рогожском кладбище¹⁵³, при стечении большого количества народа.

Мне тогда рассказали: когда Тимофей Саввич скончался в Ялте, то для перевозки тела в Москву потребовалось взять разрешение у местного исправника¹⁵⁴. Исправник потребовал за такое разрешение взятку в несколько тысяч рублей. Родственники, возмущенные таким требованием, послали телеграмму министру внутренних дел с жалобой на такое вымогательство. Откуда был получен ответ: разрешение на перевозку тела выдать, а исправника уволить с должности и предать суду.

Т.С. Морозов был один из выдающихся фабрикантов и незаменимым хозяином. Всю свою жизнь посвятил делу, которое поставил на большую высоту: кто в России не знал товаров Никольской мануфактуры С. Морозова сын? Тимофей Саввич хорошо разбирался в людях, умело подбирал на фабрику служебный персонал и отлично направлял их на пользу своего дела. Все его служащие, даже лица, занимающие высшие административные должности, боялись его обходов фабрик, зная, что малейшая их оплошность не скроется от его опытных и зорких глаз. Результат его работы исчислялся в громадном ежегодном доходе с фабрик, выражающемся в сумме более 3 миллионов рублей.

---

¹⁵³ *Рогожское кладбище* в Москве было основано в 1771 г. и до настоящего времени является крупнейшим духовным центром старообрядцев белокриницкого согласия, приемлющих священство.

¹⁵⁴ *Исправник* – глава уездной полиции. В 1889 г. в Ялте эту должность занимал Иван Федорович Лавров.

Приблизительно в семидесятых годах прошлого столетия в наших правительственных кругах началось увлечение английской системой свободной торговли¹⁵⁵, нашлись политикоэкономисты, доказывающие преимущество этой системы, с применением ее в России. В Министерстве финансов, [которого] более всего это касалось, стоящие во главе лица тоже сочувствовали этим взглядам и с охотой шли на применение ее у нас в России, не соображая, что вся английская промышленность стояла в то время неизмеримо выше, чем промышленность во всех европейских странах; то же можно сказать о культурности английских рабочих, с которыми в то время не могли тягаться рабочие других государств, вследствие чего Англии не приходилось бояться конкуренции кого-либо и ей свободная торговля не была страшна.

Мы, русские, были накануне приведения в действие этой меры, но нашлись в правительстве лица, сомневающиеся в целесообразности этой меры, и они пожелали узнать взгляды нашего купечества, как более осведомленного в этом вопросе.

На состоявшееся в С.-Петербурге собрание были приглашены русские купцы, и в том числе Т.С. Морозов. Морозовым была произнесена горячая речь, доказывающая несвоевременность применения в данное время в России системы свободной торговли, которая, несомненно, приведет к закрытию всех фабрик, лишит заработка массу рабочих, а потому вся тяжесть прокормления безработных всецело ляжет на государство. В заключение своей речи он добавил: если правительством фритредерство будет осуществлено, то он все свои фабрики остановит немедленно и его рабочие в количестве 20 тысяч человек останутся без работы. Речь его произвела впечатление на присутствующих, и правительство отказалось от своего проекта.

У правительства того времени не было никаких статистических сведений о фабриках; некоторые из присутствующих чиновников усомнились в правильности указанного Т.С. Морозовым количества рабочих, и дано было губернатору поручение проверить число рабочих на морозовских фабриках. По проверке оказалось, что если считать рабочих на торфяных работах, то всех работающих было значительно более 20 тысяч человек.

Для убеждения в верности своих слов Тимофей Саввич указал как пример бывшую часовую промышленность в России, начавшуюся с большим успехом развиваться при Николае I, но благодаря проискам английских и швейцарских фабрикантов, сумевших через свои посольства в С.-Петербурге убедить наше правительство в выгоде для России сложить пошлину с часовых изделий, русская часовая промышленность была окончательно убита и фабрики закрыты¹⁵⁶.

Т.С. Морозову приходилось часто бывать в Петербурге по своим личным и общественным делам; в одно из таких пребываний ему пришлось быть у министра путей сообщения (фамилию забыл, кажется, Марков или Макаров)¹⁵⁷. Министр, разговаривая с Морозовым, сказал: «Правительство считает нужным передать эксплуатацию Николаевской железной дороги в руки частных лиц, могущих поставить хорошо хозяйство на этой дороге. Я держусь мнения: дорога должна быть передана русским купцам, и было бы желательно видеть во главе этого дела московское купечество». Тимофей Саввич поблагодарил его и ответил, что он передаст московскому купечеству о таковом внимании министра к ним и уверен, что оно не откажется взять это дело в свои руки.

¹⁵⁵ Имеется в виду фритредерство (от англ. free trade) – направление в экономической теории и политике, основная цель которого – поддержка свободы торговли и невмешательство государства в частнопредпринимательскую деятельность. Возникло в Великобритании в последней трети XVIII в.

¹⁵⁶ Известная суконная фабрика братьев Бабкиных, принадлежащая Баклановым, была раньше часовой фабрикой, хорошо оборудованной усовершенствованными машинами; после уничтожения пошлины на часовые изделия она закрылась. Потом была переделана на суконную фабрику. Еще до начала революции в конторе этой фабрики имелись стенные часы работы закрывшейся фабрики; часы по красоте и прочности не требовали ничего лучшего.

¹⁵⁷ Речь идет о Павле Петровиче Мельникове – министре путей сообщения в 1866—1869 гг.

В Москве Тимофей Саввич переговорил с несколькими видными купцами, передав им весь разговор с министром; они решили созвать собрание из известных купцов. Собрание состоялось в амбаре какого-то купца (фамилию забыл) в Гостином дворе, на Ильинке. Собралось человек тридцать с чем-то.

Принимая во внимание, что купечество, недавно пережившее эпоху крепостничества и все ужасы управления московского генерал-губернатора графа Закревского, – еще большинство из них – не могло уяснить, что настало другое время, с другими требованиями и условиями, посмотрело на Морозова и его единомышленников как на вольнодумцев, могущих вовлечь их в конфликт с властями, со стороны которых могут быть приняты крутые меры относительно их, а потому некоторые из них постарались незаметно уйти из собрания, так сказать, подальше от греха, для чего незаметно опустились на пол и на четвереньках выползли из комнаты заседания, чтобы не быть замеченными¹⁵⁸. Из всех собравшихся купцов нашлось желающих организовать это общество только двенадцать человек. Собрание наметило: капитал общества будет состоять из пятнадцати равных частей, причем Морозов взял две части и две части, оставшиеся нераспределенными, были взяты правительством за свой счет. Т.С. Морозов и еще двое из двенадцати членов были выбраны уполномоченными для переговоров с министерством.

Уполномоченные министром были приняты. Он одобрил их желание и обнадежил, что Николаевская железная дорога останется за ними, сказав: «Поезжайте домой и ожидайте сообщения из министерства».

Долго они ждали обещанного ответа; между тем в Москве начали ходить слухи, что Николаевская железная дорога отдана в эксплуатацию каким-то англичанам, а за спиной их стоят главные участники – какие-то великие князья¹⁵⁹. Поехали опять к министру, чтобы проверить эти слухи. Министр принял и сказал: действительно железная дорога сдана в эксплуатацию Главному обществу российских железных дорог, но произошло это не по его желанию, но по необходимости ему пришлось на это согласиться. «Желая вас компенсировать чем-нибудь, обещаю отдать постройку железной дороги от Москвы до Смоленска, а теперь поезжайте домой и ждите спокойно ответа из министерства».

Они уехали, но скоро узнали, что Смоленская железная дорога отдана на постройку Соломону Лазаревичу Полякову¹⁶⁰. Опять принуждены были ехать к министру. Министр ответил на их сетование: «Я, к сожалению, не мог исполнить своего обещания из-за сложившихся обстоятельств, но теперь можете быть уверенными – получите концессию на постройку Московско-Курской железной дороги», – пожелал им счастливого пути и спокойно ждать от министерства ответа.

Но для них стало ясно, что бессмысленно доверяться словам министра, остались в С.-Петербурге и начали приискивать лицо, могущее последить в канцелярии министра за ходом их ходатайства; нашли такового – Александра Агеевича Абазу, крупного чиновника, но в то время бывшего в опале и находившегося не у дел, с большими, хорошими связями в чиновном мире. (В будущем А.А. Абаза занимал высокое положение в правительстве.) Получить концессию на Московско-Курскую железную дорогу московскому купечеству удалось. Фамилии некоторых участников у меня сохранились в памяти, именно: Т.С. Морозов, И.А. Лямин, М.Н. Горбов, [В.М.] Бостанжогло, Чижов, Говард. Уполномоченные этого кружка лиц повели переговоры с известным лондонским банкиром Берингом, от которого и получили нужные деньги

¹⁵⁸ Все это сообщение получено мною от Н.А. Найденова, но, к сожалению, фамилии купцов, которые он называл, я забыл.

¹⁵⁹ В 1868 г. казенная Николаевская железная дорога была сдана в аренду Главному обществу российских железных дорог, которое в 1874 г. выкупило ее у казны. В 1894 г. дорога вновь перешла в собственность государства.

¹⁶⁰ В концессии на строительство Московско-Смоленской железной дороги, утвержденной в 1868 г., предприниматель С.Л. Поляков и его сын, известный строитель железных дорог С. С. Поляков, участия не принимали. См.: *Дельвиц А.И.* Мои воспоминания. М., 1913. Т. 4. С. 88.

для постройки железной дороги с рассрочкой платежа на двадцать лет. В этот срок Берингу была уплачена вся взятая у него сумма, полученная от доходов с железной дороги.

В 1893 году правительством была выкуплена Московско-Курская железная дорога. Выкуп состоялся за 75 миллионов рублей. Таким образом, каждый из участников этого кружка лиц получил по 5 миллионов рублей при затратах ими 5 тысяч рублей личных денег, потребовавшихся для уплаты генералу Абазе за его хлопоты. Т.С. Морозов, как имеющий две части, получил 10 миллионов рублей. А.А. Абазе было заплачено 75 тысяч рублей за его хлопоты.

Говоря о настроении некоторых участников собрания при обсуждении вопроса о взятии в эксплуатацию Николаевской железной дороги и как некоторые почтенные купцы выползли на корточках из комнаты, чтобы не подвергнуться гневу лиц, имеющих в то время власть, я вспомнил хорошо сохранившееся в нашей семье воспоминание о посещении государем Александром II московского купеческого старшины Михаила Леонтьевича Королева, сестра которого была замужем за моим дядей – братом моей матушки. Это событие многим известно, о нем можно прочесть в некоторых исторических журналах¹⁶¹, но в этих описаниях отсутствуют детали, характеризующие переживания Королева и его домашних от ужаса ожидания возмездия со стороны разгневанного графа Закревского, бывшего московским генерал-губернатором во время коронации Александра II.

Купечество, желая отметить коронацию государя каким-нибудь торжеством, устроило ему обед в Манеже, отлично понимая, что принятие обеда государем от купечества есть для них величайшее внимание со стороны царя, а потому устраивало его с особой внимательностью и заботливостью. Как говорили, обед был – по своему кулинарному искусству – замечателен, так же как убранство столов и Манежа, соответствуя важному для купечества торжеству. Задолго до начала обеда представители купечества явились в Манеж во главе с М.Л. Королевым и с трепетом ожидали приезда государя, держа наготове дорогое блюдо с хлебом и солью.

Начала подъезжать свита, и незадолго до приезда царя приехал граф Закревский. Выйдя из кареты, он наткнулся на ожидающих купцов во главе с Королевым, державшим в руках блюдо с хлебом и солью. Граф, увидевший их и от злости покрасневший, обратился к купцам:

– Вы зачем здесь?

– Как же-с, ваше сиятельство! Даем обед государю, желаем поднести хлеб и соль нашему дороговому гостю.

– Ах, вы, мужичье! Пошли вон отсюда! – с бешенством топая ногами, закричал граф. – Без вас это будет сделано!

Купечество боялось графа как огня, зная его жестокость и его манеру обращаться с ними: граф, вызывая к себе именитых купцов, зачастую не стеснялся в своем кабинете хватать их за бороду и валить на пол, избивая ногами куда попало. Ходили слухи, что Закревский имел открытые бланки, подписанные государем Николаем I, и стоит ему только вписать в бланк фамилию и степень наказания вплоть до смертной казни, и это будет приведено в исполнение.

Королев поспешно поставил блюдо на стол, и все купечество, приехавшее чествовать государя, стремительно поспешило к выходу из Манежа с заднего хода.

Королев приехал домой бледный, осунувшийся, сильно взволнованный и на вопрос домашних, что с ним, махнул рукой и сказал: «Плохо, быть беде! Не миновать мне сложить голову от этого обеда». Измученный всем пережитым, нервно расстроенный, спешно снял весь свой парад и завалился в кровать, предавшись тяжелым мыслям.

Через несколько часов к закрытым воротам его дома быстро подкатили экипажи, послышался сильный стук и звонки.

---

¹⁶¹ См., напр.: Записки сенатора Н.П. Синельникова // Исторический вестник. 1895. № 3. С. 726.

Королев вскочил с кровати, трясаясь от страха, закричал своим домашним: «Скажите, что меня дома нет, я еще не возвращался... это за мной от графа!» А сам залез под диван, где и лежал тихо, опасаясь, что посланные графом пожелают лично удостовериться в его отсутствии.

Перепуганные домашние побежали к воротам, к несказанному их удивлению увидели, что сам царь пожаловал к хозяину и желает его видеть. Спрятавшемуся Королеву еле могли втолковать, что приехал царь, а не посланные от графа. Вылезший из-под дивана Королев быстро оделся, привел себя в порядок и, сильно взволнованный, вышел к государю.

Государь ему сказал: «По неприятному недоразумению я не видел купечества на их обеде, данном мне, и приехал поблагодарить старшину купечества за их превосходный обед и с просьбой передать благодарность всем остальным устроителям его»¹⁶².

На другой день стало известно: приехавший на обед государь был встречен свитой, в это время кто-то из лиц, приближенных к царю, возмущенный выходкой графа, успел рассказать государю всю происшедшую сцену с купцами. Государь вошел в залу, встреченный графом Закревским с хлебом и солью. «А где же купечество?» – спросил государь. Сконфуженный граф что-то пробормотал. После обеда государь приказал свезти его к купеческому старшине Королеву, и на другой день граф Закревский был отстранен от должности московского генерал-губернатора¹⁶³.

ГЛАВА 22

Ближайшими помощниками Т.С. Морозова в описываемое время были А.А. Назаров, И.А. Колесников и А.И. Вагурин.

Александр Александрович Назаров был с университетским образованием, хорошо воспитанным и доброжелательным человеком; с ним приятно было иметь дело из-за его положительных нравственных качеств: у него отсутствовало коварство и лесть, мне ни разу не пришлось видеть с его стороны желание сказать неправду, так часто допускаемую лицами купеческой профессии, ради соблазна извлечения от лжи выгоды в свою пользу. Иногда приходилось ставить его в такое положение, где он, казалось бы, должен сказать «да» или «нет», но если таковая откровенность не входила в его расчет, то, мило улыбаясь, он говорил: «Сказать не могу: это секрет фирмы». Все его качества располагали людей относиться к нему с большим уважением.

Если бы мне вздумалось классифицировать своих знакомых по их нравственным качествам, то А.А. Назарова поставил бы в первом десятке из всех лиц, встреченных мною в моей жизни.

Нельзя было не обратить внимания на его всегда грустные, задумчивые и печальные глаза, дававшие право предполагать, что у него имеется на душе тяжелое переживание, от

---

¹⁶² Внучка М.Л. Королева Е.А. Андреева-Бальмонт так описывает этот эпизод: «Известен случай, когда в коронацию Александра II в 1856 г. купцы делали в Манеже обед для воинских частей, а губернатор не пустил их на этот обед. Они – в их числе был и дедушка – принуждены были уехать из Манежа, обедали где-то в соседнем ресторане. Говорят, что государь был поражен и недоволен отсутствием хозяев. Ему объяснили, что купцы по скромности не посмели приехать на обед, который они оплачивали из собственных средств» (*Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1997. С. 19*).

¹⁶³ «Конец деятельности Закревского наступил вскоре по воцарении Александра II. Во время коронационных торжеств произошел следующий инцидент. Московское купечество задумало чествовать войска обедом, который хотел почтить своим присутствием и молодой государь. Приехав еще до обеда, Закревский распорядился выпроводить из манежа купцов-распорядителей, то есть попросту выгнал вон хозяев праздника. Это стало известным и крайне не понравилось государю, который недолюбливал Закревского. Этот подвиг <.....> был каплей, переполнившей чашу, и вскоре после этого Закревскому было предложено подать в отставку» (*Вишняков Н.П. Из купеческой жизни // Ушедшая Москва. М., 1964. С. 293*). По другим данным, поводом к отставке послужило письменное разрешение на второй брак, выданное А.А. Закревским в нарушение закона своей дочери графине Л.А. Нессельроде. На письме московского генерал-губернатора с признанием своей вины, поданном на высочайшее имя 16 апреля 1859 г., Александр II написал: «После подобного поступка он не может оставаться на своем месте». См.: *Экштут С. Несчастья соломенной вдовы // Родина. 1998. № 1. С. 53—59*.

которого он отделаться не может даже в то время, когда, казалось бы, он должен быть доволен данной минутой.

Жизнь кончил плачевно – самоубийством.

Эта потеря для меня была тяжелой: я его искренне любил и уважал. Редко в купеческой среде встречались люди с такой красивой и благородной душой!

Причиной смерти, как говорили, была необыкновенно тяжелая жизнь: его жена¹⁶⁴ была психически больная, между тем он ее и детей любил, боясь, что болезнь матери передастся по наследственности детям.

Старший сын Александра Александровича лишил себя жизни, его нашли зарезавшимся в кровати. Вскоре после этого Александр Александрович вошел в спальню второго сына и увидел стоящую у кровати сына свою жену, намеревающуюся лишить его жизни. После чего Александр Александрович начал сильно задумываться и предполагать, что его старший сын лишил себя жизни не сам, а был убит матерью во время ее припадка. Так ли все это, я узнать точно не мог¹⁶⁵.

Иван Андреевич Колесников кончил курс в Петербургском коммерческом училище, после чего поступил на службу в контору петербургского отделения Товарищества С. Морозова, взятый доверенным отделения Н.П. Рогожиным, о котором я писал в своих воспоминаниях. С переходом Рогожина в Москву на должность директора Товарищества он перевел с собой и Колесникова.

Жена Тимофея Саввича Морозова – Мария Федоровна, нуждаясь в человеке, который бы мог вести ее личные денежные дела, обратилась к Рогожину с просьбой рекомендовать такого. Рогожин указал на Колесникова, сумевшего получить полное благорасположение у Марии Федоровны, и благодаря ее протекции он скоро получил должность главного бухгалтера, а потом с большой ловкостью и искусством скovyрнул своего бывшего покровителя Рогожина из директоров Товарищества, сам занял его место.

Колесников был маленького роста, очень подвижный, совершенно плешивый, с круглой головой, с красивыми глазами, но холодными и стальными; когда приходилось говорить с ним, то чувствовалось, как он любопытным взглядом осматривал вас, с желанием найти у вас что-нибудь смешное и нехорошее.

С ним иметь торговое дело было крайне неприятно из-за его узости мысли в живом деле, нужно думать, усвоенной им от долголетних занятий бухгалтерией. Это особенно бросалось в глаза, когда ему приходилось замещать А.А. Назарова.

Колесников благодаря противоположным А.А. Назарову качествам стал грозой среди многочисленных служащих Товарищества, выдвигал лиц, льстящих ему, наушников, затирал тех, которые этого не делали. Колесников до смешного любил лести, даже если она делалась в довольно грубой форме, посторонним казалась смешной и глупой, а он ее принимал за чистую монету. Мне рассказывали: ему пришлось быть на обеде, устроенном в честь бывшего инспектора 4-й классической гимназии Дмитрия Николаевича Королькова, назначенного на должность директора Шелапутинской гимназии¹⁶⁶. Корольков, желая польстить Колесникову, сказал речь о нем как о почетном попечителе 4-й гимназии в таких льстивых выражениях, что всем присутствующим на обеде сделалось неловко; они толкали друг друга ногами под столом с желанием обратить внимание Королькова на его чрезмерный пересол, но Корольков отлично

---

¹⁶⁴ Дочь Т.С. Морозова.

¹⁶⁵ Средний по возрасту сын Александры Тимофеевны и Александра Александровича Назаровых Александр Александрович скончался в 1900 г. в возрасте 23 лет. Его младшим братом был Семен Александрович Назаров. См.: *Филаткина Н., Дроздов М.* Морозовы: Династия фабрикантов и меценатов: Опыт родословия. Ногинск, 1995. С. 31.

¹⁶⁶ *Шелапутинская гимназия* была основана Павлом Григорьевичем Шелапутиным в 1901 г. в память о своем сыне Григории в Большом Трубецком пер. (ныне Хользунов пер., здание сохранилось). Д.Н. Корольков был назначен директором гимназии 1 января 1907 г.

понимал Колесникова и был уверен, что все это им будет принято за чистую монету; и действительно, все так [и] было понято Колесниковым.

Колесников был одним из душеприказчиков Морозова, оставившего значительные суммы на благотворительность. Из этой суммы было пожертвовано 50 тысяч рублей в пользу 4-й гимназии, да, кроме того, Колесникову удалось привлечь других жертвователей для этой гимназии, и он Московским учебным округом в благодарность за пожертвования был назначен почетным попечителем гимназии. Дослужился до действительного статского советника, чем чрезвычайно гордился.

Как-то встретил его едущим по Земляному валу в карете, запряженной в одну лошадь. Бесконечная вереница ломовых извозчиков, спешивших на постой, преградила путь карете; мне доставило большое удовольствие и развлечение любоваться Иваном Андреевичем, восседавшим в карете в таком высокопарном и курьезном виде, что я до сего времени не могу не вспомнить его фигуру, чтобы не улыбнуться: голова его была неподвижна, как у манекена, глаза устремлены в одну точку, лицо изображало особое величие; ясно было видно, что он не чувствовал под собой ног, предполагая, что все им любуются и восхищаются.

Александр Иванович Вагурин кончил курс в каком-то среднем учебном заведении, откуда поступил на службу в Товарищество С. Морозова на должность приказчика. Прослужив несколько лет, зарекомендовал себя хорошо, и правление им было довольно. В это время скончался главный доверенный, заведующий торговлей, и Тимофей Саввич решил назначить Вагурина на должность умершего.

Через год оказалось что-то около миллиона потери за покупателями. Собравшееся правление высказалось: удалить с этого поста Вагурина, как человека малоопытного. Тимофей Саввич не согласился с таким заключением и сказал: «Обучение Вагурина обошлось дорого Товариществу; пригласив другого, опять придется платить за обучение, так не лучше ли Вагурина оставить? Он не глупый и способный, а первая его неудача послужит наукой ему на всю жизнь!»

Слова Тимофея Саввича совершенно оправдались: из Вагурина вышел хороший доверенный, и впоследствии он сделался директором Товарищества.

Одной из дурных черт Вагурина была любовь ко вранью, и он этим многих ставил в неприятное положение, что было и со мной. Как-то мне пришлось быть в гостях у Ивана Алексеевича Панова, работающего в Товариществе С. Морозова в качестве заведующего покупками материалов для фабрик. Приехал к Панову довольно рано, собравшихся гостей было мало, между нами завязался разговор о строящихся Хлудовских банях¹⁶⁷. Я был под впечатлением разговора с подрядчиком, бывшим у меня перед отъездом к Панову и рассказавшим мне о строящихся банях; он утверждал, что бани будут чудом; тратят деньги на постройку их без счета, что могут делать только такие богатые люди, как Хлудовы; удивлялся, что во главе стоит Левинсон¹⁶⁸, совершенно неопытный в стройке человек, позволяющий архитектору переделывать одну и ту же работу по несколько раз: так, оконченную залу, уложенную плитками, приказывает сломать и вновь переделать на другого цвета плитки, после чего опять приходит и ему вновь не нравится, вновь ломают; архитектор приводит художника-декоратора, который находит, что цвет плиток не соответствует красоте и нужному тону помещения, приказывает опять все ломать и вновь укладывать плитками другого цвета и размера. Таким образом одну из зал пришлось переделывать пять раз.

Когда я рассказывал обо всем этом, что я слышал от подрядчика, вошел в комнату бывший Вагурин. Нужно предполагать, когда он раздевался в передней, часть моей передачи

---

¹⁶⁷ Хлудовские или Китайские (позднее Центральные) бани в Театральном проезде были построены на средства наследниц Г. И. Хлудова и открыты 28 апреля 1893 г. Ныне в зданиях бань находятся ресторан «Серебряный век» и трактир «Аркадия».

¹⁶⁸ Правильно – Левиссон.

слышал; он, здороваясь, сказал: «Я только что из Хлудовских бань, мой друг Левинсон показал их, и действительно, бани будут московским чудом!» Разговор на этом окончился, так как начали подъезжать гости, и тема разговора переменялась.

Приблизительно через неделю после этого вечера, к моему удивлению, входит в мой кабинет Василий Алексеевич Хлудов со свойственной ему приятной улыбкою.

С Василием Алексеевичем я познакомился только несколько месяцев назад, будучи у него во дворе для осмотра амбаров, которые он предполагал сдать для склада хлопка. Поехал к нему с Н.И. Решетниковым, который хорошо знал Василия Алексеевича. Осмотрев склады и прилегающий к ним двор, я убедился, что они для нас неподходящи из-за малого количества площади складов, и двор хотя большой, но вряд ли хозяин, живущий рядом в большом роскошном особняке, согласится всецело предоставить его для склада хлопка и шерсти, причем прием и сдача хлопка зачастую производится одновременно в разных местах двора при участии толпы грузчиков-крючников, которые, как известно, не обходятся во время работы без употребления особых крепких словечек и отборных ругательств; с грохотом нескольких десятков подвод, привозящих и увозящих грузы, и с присущей для сдачи хлопка пылью, стоящей в то время столбом. Сосредоточие на дворе большого количества хлопка, легко самовоспламеняющегося, несомненно, угрожало бы особняку Хлудова, если бы случился пожар. О чем я и сказал Василию Алексеевичу, но хитроумный Николай Иванович Решетников, зная увлекающийся характер Хлудова и его слабую струнку – жадность, начал уверять меня, что я ошибаюсь: все эти недочеты можно устранить и уладить, стараясь попасть в тон желаний Василия Алексеевича.

Василий Алексеевич, обращаясь ко мне, сказал: «Сразу видно человека практического и умеющего обделывать дела – И, указывая рукой на Решетникова, прибавил: – От него не уйдет ни одно дело без пользы!» После этого я с Хлудовым больше не встречался.

Василий Алексеевич, поздоровавшись со мной, пристально, с какой-то коварной улыбкой посмотрел на меня и сказал: «Я пришел рассказать интересную историю, отчасти касающуюся вас.... Но только не здесь, не здесь...», – когда заметил, что я пододвигаю ему кресло сесть. «Вы еще не завтракали? Пойдемте к «Арсентьичу»,... он хорошо и недорого кормит..., там я и расскажу».

У Арсентьича засели за маленький столик, заказали говядину из шеи, огурчиков, хрену, после чего Василий Алексеевич начал рассказывать: вчера был в гостях у Александры Герасимовны Найденовой, в числе ее гостей был и Левинсон, обратившийся к Александру Александровичу, мужу хозяйки, со словами: «Скажите, Александр Александрович, кажется, Варенцов ваш родственник? Он позволяет себе распускать про меня слухи, что я обворовываю хозяев, поручивших мне постройку бань, а скорее я могу сказать это про него: я ведь не покупаю домов-дворцов (!), как делает он, затрачивая на отделку большие деньги!»

А.А. Найденов, уже давно ревнуя Левинсона к своей жене и притом еще обиженный, что постройка бань поручена не ему, как опытному и действительно хорошо знающему строительное дело, а Левинсону, ранее служившему в таможне и не имеющему никакого опыта в постройке, воспользовался этим случаем и ответил ему: «Николай Александрович Варенцов – муж моей племянницы; я не позволю вам так говорить о нем, прошу немедленно оставить мой дом и больше не являться сюда. – Позвонил лакею и приказал: – Проводите этого господина и больше его не принимайте!»

Сообщение Хлудова меня сильно взволновало и доставило мне большое огорчение. Я увидел, что Василий Алексеевич осведомляет меня не ради своего расположения ко мне, а, скорее, для усиления скандала на потеху людей его круга. Действительно, все это могло кончиться если не дуэлью, то кулачной расправой, последнее было бы вероятнее. На другой день я отправился на Биржу с полным желанием избить сначала вруна Вагурина, для чего захватил крепкую палку, но ранее встретил И.А. Панова, которому и рассказал о всем происшедшем, с

просьбой подтвердить, что я, говоря о банях, ни слова не позволил сказать ничего плохого о Левинсоне, которого совершенно не знал и ни разу не видал его в лицо.

Панов мне ответил: «Действительно, Вагурин большой враль, от него свободно можно ожидать этого; с ним такие случаи часто бывали и ранее. Я могу вполне подтвердить, что вы у меня ничего дурного не говорили о Левинсоне».

Отойдя от Панова, я столкнулся нос с носом с Вагуриным, протягивающим мне руку с доброй улыбкой. Я руки ему не подал, и он уже по моему взволнованному лицу понял, что готовится с ним хорошая расправа.

– Вы сказали Левинсону, что я назвал его вором при стройке Хлудовских бань?

Вагурин побледнел и сказал:

– Это неправда, я ничего этого не говорил! Левинсон по своей глупости все перепутал и переврал; я сейчас к нему поеду и выясню, после чего заеду к вам, чтобы окончательно разъяснить это недоразумение!

На другой день Вагурин приехал и сообщил, что Левинсон не понял его слов, все перепутал и теперь извиняется передо мной.

Этим история закончилась: не драться же мне было с ними!

ГЛАВА 23

Стараясь соблюсти некоторую хронологию в периодах моей трудовой жизни, я принужден приступить к повествованию о моем поступлении в 1889 году в директора Товарищества Никанора Разоренова и Михаила Кормилицына.

Основатель и создатель этого дела был Никанор Алексеевич Разоренов, крестьянин деревни Вичуга Костромской губернии. Разоренов в молодых годах сам работал на станке в своей избе, как работали почти все в этой деревне и в смежных других; потом он начал раздавать пряжу на выработку другим односельчанам и все сработанное отвозить на Нижегородскую ярмарку или в Москву для продажи. Разоренов был одним из первых в этом районе, понявшим громадное значение паровой машины, и один из первых построил самоткацкую фабрику, положившую начало его денежному благополучию.

Дело велось им без бухгалтерии, и он учитывал свою пользу приростом серий¹⁶⁹ в его железном сундуке, стоящем в его спальне. Пересчитывая ежегодно свои серии, если он видел, что они за год прибавились на известную сумму, то считал эту прибавку за свою пользу от дела; израсходованные деньги на постройку, покупку машин, лесов он не считал за прибыль, а считал как израсходованные на нужды его фабрики.

Никанор Алексеевич единственную дочь выдал замуж за Михаила Максимовича Кормилицына, которого взял в свое дело. Состарившись, он поручил ведение дела зятю, а сам, осознавая суетность жизни, посвятил себя добрым делам. Выстроил в Вичуге церковь, где делался ктиторм¹⁷⁰; нуждающимся своим рабочим помогал деньгами, хлебом и лесом и почти никому не отказывал в просьбе.

У Н.А. Разоренова накопился в сундуке миллион рублей серий, после чего ему пришло в голову начать постройку прядильни, но, боясь начать это дело в одиночку, он предложил своим двум братьям Федору и Александру, давно отделившимся от него, начать постройку фабрики совместно с ним. Братья согласились, но, когда узнали, что Никанор Алексеевич вместо себя поручает ведение постройки своему зятю Кормилицыну, они решительно отказались с ним работать из-за его вздорного и самодурного характера.

---

¹⁶⁹ *Серия* – здесь в значении: денежный процентный срочный билет (подобные билеты выпускались государственным казначейством сериями).

¹⁷⁰ *Ктиторм* (от греч. κτίτωρ – ‘основатель, учредитель’) – церковный староста.

М.М. Кормилицын убедил своего тестя начать постройку прядильни без участия его братьев. Прядильню начали строить на удачно купленной земле близ Кинешмы на Волге в количестве 28 1/2 десятин; братья Никанора Алексеевича построили прядильню тоже в Кинешме, но на другой стороне города.

М.М. Кормилицын для постройки прядильни пригласил только что окончившего курс инженера Владимира Ивановича Зевакина¹⁷¹, но, обладая большим самомнением, он не слушал знающих людей и всякую фантазию, пришедшую ему в голову, приводил в исполнение, не считаясь с тем, что она обходилась весьма дорого: так, для постройки фабрики имелась вполне достаточная площадь земли, а он приказал скрыть гору, прилегающую к этой земле, что обошлось в 30 тысяч рублей; выложенные стены первого этажа фабричного корпуса ему не понравились, велел сломать и вновь переложить с отступлением от первоначальной кладки на незначительное расстояние; деревянный дом, уже готовый к заселению, приказал перенести на другое место только из-за того, что он закрывал вид на окрестности из окон его дома.

В.И. Зевакин мне рассказывал: «Я потом к нему применился, и когда он, уезжая с фабрики, делал какое-нибудь нелепое распоряжение, то соглашался с ним, а делал по-своему, как следует. Когда он приезжал, говорил ему: «Все сделал по-вашему, и вышло очень хорошо». Кормилицын улыбался и с довольным лицом отвечал: «Я, брат, не ошибусь, только слушайся, всегда получится хорошо!»

Наконец фабрика была выстроена, наполнена машинами, выглядела красиво и богато. Михаил Максимович, обходя фабрику с Зевакиным, долго любовался на нее, радуясь и гордясь своим созданием. Он обратился к Зевакину и сказал: «Пусть теперь братцы моего тестя придут

---

¹⁷¹ В.И. Зевакин был уроженец Москвы, из хорошей купеческой семьи, получил хорошее воспитание, владел языками французским и немецким. Поступив на фабрику к Разоренову и Кормилицыну, он в первые года своей службы увлекался порученным ему делом, выписывал иностранные журналы по своей специальности прядильщика, но, имея слабую волю и будучи с ленцой, постепенно втягивался в ту затхлую среду, в которой ему пришлось вращаться; особенно повлияла на него женитьба на необразованной девушке, дочери своего кучера, от которой он имел нескольких детей. Владимир Иванович был умным и в обществе очень интересным, обладал даром слова, со способностью замечать слабости людей и передавать все это с большим юмором. Он мне много рассказывал о Кормилицыне и других соседних фабрикантах, с которыми ему пришлось иметь отношения. Они были крайне интересны, но, к сожалению, я о них забыл; я ему советовал записывать их, чтобы они не забылись, но, думаю, этого он не делал благодаря своей лени. Некоторые у меня в памяти остались, и я расскажу их. Когда Зевакин поступил на фабрику, то у него чрезвычайно разболелись зубы, помощи докторской получить не мог, так как в то время в городе Кинешме еще не было зубных докторов, а нужно было ехать в Иваново-Вознесенское с поездом, ходившим один раз в день. От боли зубов он не мог спать всю ночь, а утром она еще более усилилась, как говорил он: катался по полу от сильной боли и рыдал. В это время к нему пришел подрядчик за каким-то распоряжением, услышав его стоны и крики, сказал прислуге: «Скажи барину, что я мог бы ему помочь от зубной боли, я знаю заговор». Владимир Иванович, измученный болью, ухватился за его предложение, хотя раньше всегда смеялся над таким способом лечения, применяемым в деревнях крестьянами. Он вышел к подрядчику, и они вместе пошли на двор. Подрядчик срезал с растущей черемухи ветку, заострил ее и дал ему, сказав: «Поковыряйте в зубе заостренным концом», – потом взял у него, пошептал над ней что-то, потом отправились на конный двор, где зарыл ветку в куче навоза, сказав: «Ну, Владимир Иванович, у вас теперь всю жизнь не будут болеть зубы, но предупреждаю: зубы не рвите, оставляйте корни в челюсти, они сами собой выпадут». Владимир Иванович почувствовал, что боль зубов у него совершенно прошла, и он мне сказал: «Сейчас мне шестьдесят лет, и с тех пор у меня ни разу не болели зубы, даже смешно сказать: потерял сознание этой боли, как будто никогда я ею не страдал». Однажды ко мне пришел В.И. Зевакин в каком-то возбужденно-веселом настроении и рассказал: «Я пришел только что из казарм, куда был вызван для прекращения скандала, происшедшего между супругами. Причина скандала была следующая: месяца три тому назад один из ткачей проводил время в пивной со своими товарищами; нагрузившись достаточно пивом, у них зашел разговор о женах; ткач заявил: «Я своей жене верю, она мне никогда не изменит». Его товарищ начал хохотать, поддразнивая его: «Давай спорить на трешку, что она тебе изменит!» Полупьяный, разгоряченный спором ткач принял предложение, оба вынули по трешке и вручили их третьему товарищу, бывшему с ними, с тем, что он отдаст эти шесть рублей тому, кто окажется прав, срок спора установлен шесть месяцев. По прошествии трех месяцев к ткачу, принявшему пари, на фабрику прибежал мальчик и сказал: «Тебя зовет такой-то, иди скорее в казарму, с женой твоей что-то случилось!» Ткач бросил работу, побежал в казарму, где застал свою супругу в положении, когда уже не приходилось сомневаться в проигрыше им пари. Вздвигаясь, ткач бросился бить свою жену, крича: «Ах, ты сука! Из-за тебя я должен платить трешку твоему хахалю!» Жена, услышав это, в свою очередь пришла в негодование и, будучи сильной и здоровой бабой, бросилась с кулаками на мужа и начала лупить его, говоря: «Ах, ты мерзавец! Что же ты думаешь, мы такие богачи, что можем швыряться трешками?!» Пришедшему Зевакину жаловалась: «Послушайте, Владимир Иванович! Могла ли я знать, что муж мой такой дурак? Спорил на трешку! Как будто мы богачи! Теперь придется отрабатывать несколько дней из-за этого дурака!»

полюбоваться на нее, пожалеют, что не вошли в компанию. Смотри: какой простор!.. сколько еще можно выстроить корпусов, а они построили свою фабрику на ровной земле, окруженной чужими и крестьянскими землями, повернуться негде, лишнюю сажень дров сложить нельзя, снимай землю у крестьян, плати за нее да еще кланяйся – могут и не сдать! Называли меня самодуром, а вышло у меня все лучше, чем у них, несамодуров!»

Говорил все это он, когда они возвращались домой, пробираясь по речке Томна¹⁷². Вдруг из кустов вышел мужичок, снял шапку и почтительно поздоровался с Михаилом Максимовичем. Кормилицын, будучи в хорошем настроении, остановился и спросил его:

– Зачем ты сюда попал?

– Пришел посмотреть, – отвечал мужичок, – на свое старое пепелище, где прожил пятнадцать лет; эту землю я обрабатывал на огород, разводил капусту, земля хорошая, капуста родилась чудная; ни за что бы не уехал отсюда, да хозяин земли больно был жаден: что ни год, то прибавка; осерчал я, купил землю около своей деревни и там развел огород. Теперь эту землю не узнаешь, как вы ее застроили!

– Значит, ты арендовал ее у такого-то барина? (и назвал его фамилию) – спросил Михаил Максимович.

– Нет, зачем у него! Не у него, – и назвал фамилию другого, – земля того барина, которого вы назвали, примыкает к этой земле; у моего барина, у которого я арендовал, было не больше двух-трех десятин, вот на этой-то земле выстроен у вас двухэтажный дом, а рядом конюшни.

На лице Михаила Максимовича выразилось удивление:

– Что ты говоришь? Вся эта земля принадлежала барину, у которого я купил, вплоть до речки Томны.

– Нет, Михаил Максимович, это не так! Быть может, потом мой барин продал землю своему соседу, я этого не знаю, но землю по Томне я арендовал у своего барина пятнадцать лет и ежегодно ездил в Питер заключать договор и платить деньги за аренду; как же мне этого не знать!

Михаил Максимович вернулся домой уже в плохом настроении, с беспокойной душой, думая: «А вдруг все, что говорил этот огородник, правда, как же тогда быть? Владелец земли, узнав о возведении зданий, сдерет с меня за нее не одну, а десять шкур!»

Но Михаила Максимовича не смущало особенно, что за нее придется дорого платить, он про себя думал: заплатим!.. а вот скверно: братцы тестя узнают, поднимут на смех, скажут тестю: «Говорили, что самодур, так и вышло!»

Кормилицын ночь не мог спать, переваливаясь с боку на бок, и решил: послать своего ловкача, как называл он одного своего служащего, Флегонта, в Кострому, пусть там он разбирается во всей этой путанице в надлежащих учреждениях.

Разореновым был взят мальчик в контору на побегушки, фамилия его была Ильин, а звали Флегонт. Мальчик оказался очень способным и быстро пошел в ход. Когда он возмужал, ему стали поручать серьезные дела, касающиеся полиции, рабочих, земских учреждений, урегулирования долгов, и он отлично с ними справлялся.

Ильин обладал мягким вкрадчивым голосом, черными масляными глазами, был небольшого роста, довольно полный, но крепко сложенный, с отличной шевелюрой, подстриженной под скобку, как обыкновенно стриглись крестьяне, с небольшой бородкой и с мясистым круглым носом, похожим на луковицу. По виду походил на богатого крестьянина или на лавочника. Когда я познакомился с ним, ему было лет за сорок, и тогда величали его уже Флегонтом Ильичом.

Флегонт съездил в Кострому, потом в Москву и в межевой канцелярии достал все справки, и оказалось, что огородник был прав: не только конюшня и дом, но и угол фабричного

---

¹⁷² Томна – река в Кинешемском уезде Костромской губ., правый приток Волги.

корпуса стояли на чужой земле. Кормилицын послал его немедленно в Петербург разыскать владельца трех десятин земли и, чего бы ни стоило, купить ее, хотя бы по 5 тысяч рублей за десятину, за успех обещаясь выдать Флегонту хорошую награду. Флегонт, получив от огородника адрес барина, выехал в Петербург, но когда приехал, то узнал, что барин несколько лет тому назад скончался и наследство его перешло к племяннику. Он отправился к нему, предварительно от дворника узнал все подробно о наследнике, его семье, об образе жизни, денежных делах и после всего этого явился к барину.

Объяснив барину, что он, будучи в Петербурге, зашел к его дядюшке, но оказалось, что он скончался, а потому он решил побывать у него и переговорить о клочке земли близ Кинешмы, которую ему поручил купить бывший арендатор этой земли, если цена за нее не будет дорога.

Барин был крайне удивлен, когда услышал, что он имеет какую-то землю и что ее даже можно продать. Он ответил: «Я получил от дяди много разных бумаг и планов, предполагал, что все они относятся к землям, давно проданным». Принес их все к Флегонту, и стали оба разбирать. Документ и планы на эту землю нашли; барин был чрезвычайно доволен и быстро пришел к соглашению с Флегонтом о продаже ее за 500 рублей. Земли оказалось немного меньше трех десятин. После того, как купчая была совершена, барин позвал Флегонта в ресторан обедать и хорошо угостил. Во время обеда он сообщил Флегонту, что, разбираясь в документах, нашел еще купчую на 20 десятин земли, тоже близ Кинешмы, только она находится с другой стороны Кинешмы, чем та, которую он Флегонту продал. Просил Флегонта посодействовать продаже ее, говоря: «Не ехать же мне туда из-за этих пустяков!» Флегонт пошел с ним на квартиру; внимательно осмотрев документы, он увидал, что эта земля примыкает к фабрике братьев Разореновых, так нуждающихся в земле для складов строительных материалов.

Флегонт не преминул поломаться, но потом, долго поторговавшись, купил и ее за 500 рублей; разошлись, оба довольные этой сделкой.

Кормилицын хорошо наградил Флегонта, оставив за собой купленную землю близ фабрики братьев Разореновых. Спустя несколько лет он ее продал им за несколько десятков тысяч, радуясь, что ему пришлось отомстить за обиду, нанесенную ему словом «самодур».

ГЛАВА 24

Мне пришлось познакомиться с М.М. Кормилицыным в 1889 году. По виду ему можно было дать лет пятьдесят с чем-нибудь. Он был видный, высокого роста, богатырского сложения, с большим лбом, увеличенным лысиной, с длинной густой бородой с проседью, с лукаво-смеющимися глазами, с мясистым большим носом. Если бы нарядить его в боярский кафтан и шапку, то мог бы служить хорошей моделью художнику для бытовой жанровой картины, изображающей боярина времен Михаила Федоровича.

С подчиненными держался надменно и гордо. Ходил ли по фабрике или сидел в конторе – всегда в шапке; когда шел, постукивал палкой по полу, предполагая, с целью обратить внимание служащих и рабочих, что идет хозяин. На поклоны рабочих и служащих не отвечал. Независимых и держащихся с достоинством терпеть не мог, да они могли появиться только после того, как в правление вошли новые лица. Конкурентов критиковал, находя в их действиях всегда что-нибудь неправильное, говоря: «Дураки, чего от них больше ожидать!» Про фабрикантов, которые в деле преуспели и богатели, говорил: «Еще бы не богатеть, когда бабушка ворожит!» – объясняя успех либо обкрадыванием казны, либо деланием фальшивых кредиток, причем подмигивал глазом, говоря: «Знаю, от меня не скроешься!»

Он считал себя всех умнее и лучше: какой-нибудь фабрикант продавал старую износившуюся машину, он ее покупал, в слесарной мастерской при фабрике ее переделывали, исправляли, и помещал к себе на фабрику, говоря: «Дурак продал, а вот у меня работает, как новень-

кая!» А потому его фабрики были в значительной степени набиты разным хламом, поминутно ломались, чинились; получались простои, приходилось иметь большой штат слесарей, но он не унывал, говоря: «За эту машину новую надо дать тысячи, а я ее купил за сто, ничего, работает!» И все остальное было в том же роде. Михаил Максимович образованным и серьезным инженером не особенно доверял, а больше полагался на смекалку простых мастеров, вышедших из рабочих, говоря про инженеров: «Где им! Как их можно сравнивать с практиком, проводившим всю жизнь на деле!»

Кормилицын жил в селе Вичуга, от станции Вичуга находящемся в 2—3 верстах. Жил он в большом деревянном доме нелепой постройки, с неудобными проходными комнатами, обставленными старой сбродной мебелью, купленной у разорившихся помещиков. Комнаты были с низкими потолками, парадные – расписанные фантастическими цветами, птицами, фруктами.

Хозяин богател, семья росла, и с этим рос и дом благодаря пристройкам, и из дома образовался какой-то сумбур, с темными коридорами, ступеньками, лесенками, закоулками с лежанками, со спящими на них жирными котами. Когдаходишь в парадную дверь, обдавало тебя запахом горячего хлеба, кваса, кислых щей и тому подобного.

Передние углы комнат были увешаны старинными иконами в серебряных ризах, с лампадами; по стенам парадных комнат висели портреты родичей. Окна были обставлены неприхотливыми растениями; на полах лежали чистые половички и коврики.

Татьяна Никаноровна, жена Михаила Максимовича, была женщина малообразованная, по уму недалекая и со скверным характером.

Семья Кормилицына была большая, со многими сыновьями и дочерьми. Обедать и ужинать все дети собирались в большую столовую со своими репетиторами, гувернантками и боннами. В это время Михаил Максимович любил поговорить, пофантазировать, благо слушателей было много, но его бестактная супруга не стеснялась делать нелепые замечания и тем доводила своего мужа до бешенства, уже в то время хворавшего параличом, и тогда Михаил Максимович отпускал такие отборные ругательства, не стесняясь посторонних и молодых барышень, быстро выскакивавших из-за стола и скрывавшихся в своих светелках, где и заканчивали свой обед.

В селе Вичуге находились три крупные фабрики: Товарищество [Г.] Разоренова и [И.] Кокорева, Товарищества [Никанора] Разоренова и Кормилицына и Николая Григорьевича Разоренова¹⁷³, и, кроме того, было еще несколько небольших; в других соседних деревнях и селах тоже размещались большие фабрики и заводы, которые с каждым годом прибавлялись, а существующие расширялись и увеличивались.

Все эти хозяева фабрик жили замкнуто, без желания объединиться ради общественной пользы (у некоторых крупных фабрик были свои больницы, училища, только для своих рабочих); без желания создать что-нибудь крупное, хорошее на средства всех фабрикантов, которое бы служило для общего пользования. О клубах, читальнях, библиотеках и разных других развлечениях и помину не было. Даже много лет не могли сговориться о приведении в порядок дорог с замощением их: так, от станции Вичуга до села Вичуга дорога была в безобразнейшем состоянии, особенно во время распутицы – лошади калечились, телеги ломались, сами фабриканты и их семьи рисковали переломать себе кости; и стоимость замощения ее могли бы окупить в один год снижением платы за провоз их грузов, поступающих к ним и отправляемых ими в громадных количествах.

Наконец было устроено шоссе, но в том же положении очутился ремонт его: опять не могли сговориться о приведении его в порядок за общий счет, и дорога очутилась в худшем состоянии, чем до устройства ее. И все это продолжалось вплоть до провода ветки железной дороги к каждому из них на фабрику.

---

¹⁷³ Правильно – Николая Герасимовича Разоренова.

Вся жизнь чванливых фабрикантов была нудная и скучная, без всякого стремления упорядочить ее; все жили, как моллюски в своих скорлупках, друг у друга бывая разве только в особенно торжественных случаях, считая, что своим приходом к соседу в неурочное время потеряют свою амбицию, могут люди подумать: нуждается в них, заискивает. Старались друг перед другом хвастнуть: один заведет рысака, другой старается найти лучше; вздумается кому-нибудь построить оранжерею для цветов, другой строит тоже, хотя бы она была набита всякой дрянью, которую нужно только выбросить, как я это заметил у Михаила Максимовича Кормилицына.

Никанор Алексеевич Разоренов выстроил деревянную церковь, где до конца своей жизни был старостой; после смерти, естественно, прихожане выбрали его наследника Михаила Максимовича. Соседу, крупному фабриканту Ивану Александровичу Кокореву, показалось обидным: почему его не выбрали? Выстроил каменную церковь, хотя особой нужды в двух церквях не было. И во всем остальном то же самое, с преобладанием зависти и сплетен. Семьям фабрикантов было только одно развлечение – поездки ежегодно на Нижегородскую ярмарку и изредка в Москву, и они давали им пищу для ума и разговоров от поездки до поездки.

Несмотря на многие отрицательные стороны характера Михаила Максимовича, он был умным человеком, хорошо знал ткацкое производство и наживал от ткацкой фабрики деньги. Сгубила его постройка прядильни, и то только из-за его самомнения, что он умнее всех и знает все лучше всех. Им были заказаны прядильные машины, не те, которые шли в Россию, приспособленные к квалификации русских рабочих, а он выписал более усовершенствованные, идущие главным образом в Англии и Америке, где рабочие того времени были неизмеримо выше русских рабочих. Выписанные им прядильные машины были скоро приведены в негодность неумелыми рабочими при малоопытном инженере Зевакине, начались поломки, простои, и все это привело дело в тяжелое положение.

Кормилицын, видя все это, пришел к необходимости устроить товарищество в 1882 году, предполагая найти пайщиков и привлечь в свое дело капиталы, но таковых не нашлось, и с каждым годом дело ухудшалось, и от окончательного банкротства спас его пожар фабрики¹⁷⁴. Получив страховую премию, он вновь возобновил прядильню, но выписал машины общепринятого типа. Фабрика заработала с 10 тысячами новых машин и с 10 тысячами старых горелых, более или менее приведенных в порядок. Но 10 тысяч новых машин не могли вывезти дело, оно делалось все хуже и хуже и в 1889 году оказалось в таком положении: фабрика была заложена у Ивана Александровича Миндовского¹⁷⁵⁶⁷⁴⁶⁷⁵, все сработанные товары находились

¹⁷⁴ 15 июля 1885 г. Волжско-Томненская прядильная фабрика Товарищества мануфактур Н. Разорёнова и М. Кормилицына (ТМРК), выстроенная в 1879 г., была уничтожена пожаром, убытки от которого обесценили предприятие на 43% его стоимости. Фабрика была восстановлена и возобновила работу только в ноябре 1888 г. См.: [Массальский В.И.] Большая Кинешемская мануфактура. Историко-статистический очерк. М., 1914. С. 32.

¹⁷⁵ Миндовский Иван Александрович был очень богатым человеком, имел несколько фабрик, много лесов, домов и имений. Отличался большой скупостью, граничащей скорее с душевной ненормальностью. Он был крепким и здоровым человеком, высокого роста, полный, с плешью. Одна из его фабрик была на Волге, и две другие тоже находились недалеко от нее. Все свои грузы отдавал обществу «Самолет», выговорив себе бесплатный проезд на их пароходах, чем всегда и пользовался. Ни разу никто не заметил, чтобы он брал что-нибудь из буфета парохода, разве только кипяток, подаваемый задаром, имел всегда при себе мешочек с провизией. Однажды мне пришлось ехать на пароходе с Иваном Александровичем Коноваловым, он предложил с ним вместе пообедать, в это время входит И.А.Миндовский; поздоровавшись, он сел с нами за стол. Коновалов обратился к нему: «Давай обедать с нами вместе, я закажу на твою часть». – «Что ты, что ты! Я сыт, только с обеда, два раза не обедают подряд, ... захвораешь! – сказал Миндовский, смеясь. – Вы пообедайте, а я приду чайку попить», – и ушел. Стоящему лакею Коновалов приказал дать три прибора и заказал на троих. Я ему заметил: «Почему заказываете на троих? Иван Александрович обедать не будет!» – «Ничего, пообедает, будет кушать с удовольствием, но только платить не будет – мы его угостим!» К подаче лакеем обеда Миндовский пришел со своим мешочком с провизией, Коновалов сказал: «Садись, я на твою долю заказал, ... позволь угостить тебя, ... неужели ты меня хочешь обидеть?» Миндовский немного поломался, но скушал весь обед и пил вино. Перед кофе встал и сказал: «Пойду в каюту, мне кое-что нужно взять», – и ушел с мешочком. Я был уверен, что Миндовский боялся остаться до расплаты за обед, чего доброго и ему пришлось бы заплатить, неособенно доверяясь угощению Коновалова, который предложил Миндовскому угощение, а заплатили по счету я пополам с Коноваловым. Однажды на Нижегородской ярмарке встретил Сергея Афанасьевича Мошкина, схватившего меня за руку и сказавшего: «Пойдемте

в залоге в Ссудной кассе¹⁷⁶ в Москве, с уплатой процентов за полежалое и страховых что-то около 24% в год, и дело было близко к банкротству, если бы в Товарищество не вошли новые лица с деньгами и с коммерческими знаниями.

ГЛАВА 25

На общем собрании новых пайщиков Товарищества Н. Разоренова и М. Кормилицына были избраны директорами правления М.М. Кормилицын, И.И. Казаков и я¹⁷⁷.

Входя в Товарищество, новые пайщики предполагали, что их обязанность будет состоять в финансировании и контроле дела, рассчитывая на М.М. Кормилицына и его сыновей, которых у него было много, но расчет их не оправдался: все время приходилось работать при тяжелых условиях борьбы с ними из-за самолюбия, рутины и других разных побуждений со стороны их, преследующих не интересы дела, а удовлетворение своего честолюбия.

вместе обедать, будут такие-то, некоторые с женами», – и назвал Миндовского. Когда мы пришли в ресторан, было уже там человек двенадцать. Когда подали кофе, С.А. Мошкин встал и, обратившись к своему брату, сказал: «Уплати за меня, мне нужно быть по делу в амбаре». В это же время встал и Миндовский и сказал: «Я сейчас приду. Вы еще посидите? А мне нужно по делу», – и вышел. Смотрю: все уходит, объясняя разными причинами свой уход со скорым возвращением опять; как потом оказалось, они были все опытные. Осталось нас трое: брат Сергея Афанасьевича, Илья Афанасьевич, с женой да я. Посидели часочка с полтора, никто не возвращается. Илья Афанасьевич, смеясь, сказал: «Никто не приходит! Что же делать? Давайте поровну заплатим!» Однажды в Нижнем Новгороде отправился обедать в ресторан «Россия», где встретил обедающего С.С. Корзинкина, к столику которого подсел. Во время нашего обеда из кабинета вышел И.А. Миндовский, подошел к нам: «Что вы сидите одни? Пойдемте к нам, познакомлю с хорошенькой барышней». Мы ответили: хорошо, кончим обед, придем. В кабинете с Миндовским был ситцевый фабрикант Иван Павлович К.⁶⁷⁴, конечно, угощающий Миндовского, как своего поставщика суровья⁶⁷⁵ для его фабрики, с миловидной барышней, как оказалось, знакомой Корзинкину, любящему девиц и дам. С фабрикантом К-м я был давно знаком; он был невысокого роста, с очень одутловатыми щеками, с усами в струнку, напомаженными фиксажем, с лицом малокультурным и симпатичным, с выражением чувственных удовольствий. Он был женат на молодой красивой женщине, жену из-за ревности держал замкнуто, никого к себе в дом не допускал. Скусающая его супруга у своей портнихи познакомилась с почтенной с виду дамой, они разговорились, и дама пригласила ее к себе в дом попить чайку. Хорошо угостила супругу К., познакомилась с каким-то кавалером, и она провела весело время. Это ей понравилось, и она начала приезжать к почтенной даме уже по вызову, где и проводила приятно время в отсутствие своего супруга, любителя покушивать. Как потом мадам К. узнала, почтенная дама была известная сводня, жившая на Бронной улице. К этой сводне часто заезжал К., и она ему доставляла разных дам, но его фамилию не знала; однажды, явившись к сводне, К. сказал: «Что ты мне приводишь женщин, доступных всем; достала бы хорошую, неизбалованную, семейную, я тебе бы заплатил триста рублей». Сводня вспомнила о своей новой знакомой, уже бывшей у нее несколько раз, сказала: «Доставлю – будешь доволен!» Вызвала ее по телефону с обещанием, что она весело и приятно проведет время. К. приехала и, как была в мантии и в шляпе, вошла в комнату и, к ее удивлению, видит сидящего своего супруга. Она не растерялась, бросилась к мужу и начала его по щекам лупить: «Вот наконец, мерзавец, я тебя поймала, где ты проводишь время!» – говорила она, избивая его изо всех сил. Супруг упал перед ней на колени и, рыдая, просил простить его. Сводня рассказывала: она еле могла удержаться от смеха, так все это вышло смешно и курьезно. И.А. Миндовский как ни был осторожен и скуп, но все-таки в конце своей жизни попался в руки какой-то ловкой авантюристки, сумевшей хорошо обставить его на несколько десятков тысяч; эта история сильно подействовала на его здоровье и ускорила его смерть. После его смерти наследники Миндовского предложили купить их леса, прилегающие к нашим; осмотренные лесничим, они оказались все испорченные вырубкой крестьянами лучших деревьев, пользовавшимися тем, что Миндовский по скупости не имел в своих рощах сторожей, говоря: «Кто их украдет?» Сыновья И.А. Миндовского по скупости превзошли своего папашу, про них много ходило анекдотических легенд: так, крестьяне, перевозившие им дрова на фабрику, укладывали их в штабеля, получая плату за провоз с каждой вывезенной кубической сажени, они по ночам приходили к сложенным дровам и уменьшали высоту штабелей, сбрасывая дрова в уже принятые штабеля, с целью заплатить поменьше. Им очень не нравилось, что в их конюшнях при фабрике живут голуби, поедающие овес, даваемый лошадям. Боясь уничтожить голубей, как птицу, считаемую святой, так как их видом изображают Духа Святого, они велели переловить их и отправить на другую фабрику, находящуюся в нескольких десятках верст от этой. Приказание было исполнено, но голуби через несколько часов опять были на старом месте; вновь велели переловить и отправить на другую фабрику, отстоящую значительно дальше, но голуби опять вернулись. Прodelав так несколько раз, махнули с горечью рукой.

⁶⁷⁴ Вероятно, речь идет об Иване Павловиче Кузнецове.

⁶⁷⁵ *Суровье* – сырой, необработанный товар: кожи, шерсть, лен, пенька и т.п.

¹⁷⁶ *Ссудная касса* – частное кредитное учреждение в Москве, выдававшее ссуды под залог имущества.

¹⁷⁷ В число новых пайщиков ТМРК вошли Н.А. Найденов, Н.К. Бакланов, О.М. Вогау, И.И. Казаков и Н.А. Варенцов. 4 марта 1890 г. на общем собрании пайщиков был избран новый директорат, а 19 апреля того же года местопребывание правления было перенесено в Москву. См.: [Массальский В.И.] Указ. соч. С. 36.

Новому правлению пришлось с большой энергией приступить к ломке старых условий ведения дела, с приглашением новых лиц с техническим образованием, опытных бухгалтеров, мастеров и других разных лиц из старшего административного состава. В Москве в правлении все это было проделано довольно легко опытным, умным и знающим членом правления Казаковым Иваном Ивановичем¹⁷⁸, но ведение дела на фабрике было поручено Кормилицыну, относящемуся ревниво к данному ему праву и недолюбливавшему, чтобы в его внутренние распоряжения вмешивались другие члены правления. Между тем успех дела, главное, только и мог быть на фабрике, куда я зачастил ездить, стараясь понемножку познакомиться с людьми, стоящими там во главе, с общими порядками, что весьма было неприятно Кормилицыну и его ставленникам, в большинстве случаев состоящим из его и жены родственников и других его приятелей по молодым годам его жизни. Но я не обращал внимания на его неудовольствия и продолжал ездить с представлением всех мною замеченных неурядиц и беспорядков в виде письменных докладов правлению. Кормилицын, чтобы отвадить меня от частых посещений фабрик, однажды поставил меня в весьма неприятное положение: телеграмма, посланная мною в Кинешму для высылки из Вичуги лошадей меня встретить, как я догадался, была задержана в конторе Товарищества по распоряжению Кормилицына. Когда я приехал в Кинешму по железной дороге ночью, на станции лошадей не оказалось, между тем фабрика находилась в пяти верстах от станции. Была осень, моросил дождь, по мощеным улицам города пришлось

¹⁷⁸ Иван Иванович Казаков в детстве был отдан родителями на обучение известному миллионеру, сибирскому купцу Губкину, скупавшему чай в Китае и продававшему в России. Мальчик Казаков оказался смышленным, бойким и с хорошими наклонностями, быстро двинулся по служебным ступеням и достиг должности доверенного, ставшего правой рукой хозяина. Сделавшись известным среди сибирского купечества, Казаков получил предложение от богатого известного сибирского купца Александра Константиновича Трапезникова поступить к нему в дело в качестве его компаньона на следующих условиях: получаемая польза в деле Трапезникова делится на три части, две из них поступают Трапезникову и его сыну, участвующему в деле, а третья – Казакову; то же самое делается, если от дела получится убыток. Прибыль Казаков из дела не получает, пока не накопится капитала, равного капиталу Трапезникова. На прожитие же Казакову выдается 12 тысяч рублей в год, то есть вдвое больше, чем он получал у Губкина. Казакова такое предложение сильно соблазнило: он делается хозяином в деле; между тем Губкин сильно состарился, а его единственный наследник племянник Алексей Григорьевич Кузнецов⁶⁷⁶, больной человек, живущий значительную часть года за границей для поправления своего здоровья, вряд ли пожелает продолжать дело своего дяди, после чего Казаков может остаться без места. Казалось бы, все говорило за выгодность перемены места на новое, Казаков – после долгих колебаний и дум – так и решил сделать. Губкин старался его удержать у себя на службе, но Казаков высказал ему свои сомнения о возможности продолжения дела его племянником А.Г. Кузнецовым, чего, конечно, Губкин отвергнуть не мог. Губкин попросил Казакова указать ему человека из среды его помощников, которого он мог сделать своим преемником. Казаков указал на своего помощника Александра Ефимовича Владимирова, тоже попавшего к Губкину в качестве мальчика для обучения и оказавшегося весьма полезным делу Губкина. Иван Иванович, рассказывая мне об этом, с большим огорчением вспоминал момент своего ухода от Губкина, создавший перелом в его жизни, казалось бы, в лучшую сторону материального благополучия, а между тем впоследствии оказалось, что переходом своим он сделал большую ошибку. Казаков, вступив в Торговый дом «А.К. Трапезников с сыном», начал работать с большим успехом; кончившийся год дал на его часть прибыли 600 тысяч рублей; во второй год получилась такая же прибыль, и у него составил капитал 1 миллион 200 тысяч рублей. В их Торговом доме состояли большими покупателями братья Александра Константиновича Трапезникова, имевшие самостоятельное дело. Казаков обратил внимание, что они ведут дело рискованно, и, боясь потерять за ними деньги, предложил А.К. Трапезникову закрыть им кредит. А.К. Трапезников, возмущенный предложением, сказал: «Как закрыть кредит моим братьям! В хорошие года от них наживали, а когда они сделались в стесненном положении, то вместо поддержки нужно их разорить!» Казаков настаивал на своем, требуя закрытия кредита, объясняя: он своим трудом нажил 1 миллион 200 тысяч рублей и терять их не желает только из-за того, что они братья Александру Константиновичу. Слово за слово, разгоряченный Казаков выразил желание оставить дело Торгового дома Трапезникова и просил выдать ему 1 миллион 200 тысяч рублей. Трапезников ответил: «Год начался, вы должны его закончить, после чего можете выйти из Торгового дома». Действительно, в этом году братья Трапезниковы прекратили платежи и не заплатили Торговому дому Трапезникова с сыном 2 миллиона 500 тысяч рублей, что составило на долю Казакова приблизительно 800 тысяч рублей, но заработок от всего дела принес Казакову опять 600 тысяч рублей, и, таким образом, Казаков получил убытку в этом году 200 тысяч рублей. Вышел из Торгового дома с получением 1 миллиона рублей и уехал в Москву, где и попал в Товарищество Н. Разоренова и М. Кормилицына. Вскоре после ухода Казакова от Губкина бывший хозяин его скончался. Его наследник А.Г. Кузнецов не прекратил своего дела, а устроил товарищество с капиталом в 10 миллионов рублей, В.Е. Владимирова сделал в нем директором-распорядителем с ежегодным отчислением в его пользу большой тантёмы из доходов от дела. В то время, когда мне рассказывал об этом И.И. Казаков, В.Е. Владимирова пользовался среди московского купечества большим положением, имел уже капитал не меньше 5 миллионов рублей.

⁶⁷⁶ А.Г. Кузнецов приходился А.С. Губкину внуком, а не племянником.

бы пройти с версту, а остальные четыре версты по лесу дурной дорогой, затягивающей ноги в грязь. К моему благополучию, я встретил извозчика, который с большой неохотой согласился свезти меня на фабрику, и то только потому, что я обещался идти пешком по грунтовой дороге, а он повезет мои вещи в экипаже. Всю дорогу извозчик ехал шагом, я же, с трудом пробираясь пешком по тропинкам, с потерей калош, мокрый от дождя и пота, попал на фабрику в дом директоров, когда там все спали. Но Кормилицын меня своими школьными проделками от посещений фабрик не отвадил.

Моему товарищу по работе в правлении Ивану Ивановичу Казакову было лет под шестьдесят; он был среднего роста, коренастый, с небольшим брюшком, плешивый, с большим выпуклым, упрямым лбом, с серыми жесткими глазами. Он круто и требовательно повел дело, и ему оно в значительной степени обязано большим внутренним распорядком, утвердившимся до последнего времени. Благодаря ему амбар перебрался в другое помещение, в лучшее и удобнейшее, чем был раньше. Нашел нового доверенного, П.К. Марченко, переманив его от Товарищества С. Морозова. Марченко¹⁷⁹ оказался энергичным и дельным человеком и дал указания, способствующие к большему разнообразию новых артикулов товаров, с привлечением новых купцов. На фабрику был приглашен молодой инженер Сергей Павлович Хлебников, умный, энергичный, с полным желанием двигаться вперед. Для приведения в порядок лесного хозяйства был приглашен профессор Турский, составивший планы, разбив леса на участки, для правильной ежегодной рубки.

В дебри «чертова угла», как называли Вичугу жители соседних промышленных местечек, окруженную глухими бесконечными лесами, с ютящимися в них скитами старообрядческих и других сектантов разных толков и наименований, понемногу начал проникать свет знания и культуры; несмотря на сильное упорство со стороны коренных жителей, все-таки проблески деловой мысли пробивали дорогу. Ломались шаг за шагом установившиеся у фабрикантов традиции, принужденных прибегать к помощи образованных специалистов, вносящих много нового, свежего в этот затхлый и болотистый угол нашей родины.

М.М. Кормилицын волновался, горячился, спорил, но постепенно принужден был уступать здравым убеждениям и с грустью видел, как его бестолковые и бесполезные любимчики постепенно удалялись из Товарищества, на их места поступали новые, не спешившие подавать ему калоши. Его любимый сброд старых машин удалялся с фабрик и заменялся новыми и усовершенствованными.

Престиж Кормилицына, как опытного и хорошего фабриканта, был окончательно потерян после того, как он израсходовал 200 тысяч рублей на ремонт фабрики, между тем его предварительная смета была лишь на 40 тысяч рублей. Причем после израсходования такой большой суммы ничего не было получено в смысле увеличения и улучшения производства. Да, кроме того, потребовал удаления с фабрики инженера С.П. Хлебникова, зарекомендовавшего себя с хорошей стороны, как дельный работник; нужно думать, что Кормилицын это требовал только из-за того, что Хлебников держал себя с достоинством и не старался в нем заискивать.

---

¹⁷⁹ Петр Климентьевич – хохол, бывший гвардейский солдат, высокий, красивый, с решительным и настойчивым характером. Служил у С. Морозова приказчиком, хорошо понимая толк в товаре, пользовался среди покупателей любовью и расположением. После чего поступил в доверенные Товарищества Н. Разоренова и М. Кормилицына на хороший оклад жалованья и быстро двинул торговлю, применяясь к сортам, особо ходовым в Товариществе С. Морозова, чем получил благорасположение среди правления, отмечавшего его усиленными наградами и прибавками жалованья. С увеличением его значения в Товариществе рос у него гонорар, он не признавал уже начальство, а подчиненных себе просто третировал. Однажды пришел ко мне в дом его помощник Алексей Парфенович Малофеев и рассказал, что ему известно о проделках Марченко: он продает товар несуществующим купцам, при наступлении срока вексель протестуется, потом с ним кончается по 10 копеек за рубль; хороший товар продает за брак и производит тому подобные другие злоупотребления. Представил доказательства в правоте своих слов. Я проверил. Оказалось: все, что он говорил, была правда. Как ни жаль было этого талантливого и даровитого человека, но пришлось с ним расстаться. Он переехал на Украину, купил себе хутор, занялся сельским хозяйством. Между тем все говорило за то, что он будет в будущем очень богатым человеком и будет пользоваться почетом, но про него можно сказать: черт попутал!

Правлению стало известно, что М.М. Кормилицын скупает участки земли, прилегающие к фабрике, которые в будущем очень могли бы пригодиться Товариществу; одна из его покупок в 20 десятин была им куплена за очень дешевую цену, правление предложило Кормилицыну отдать ее в Товарищество. Он отказался сделать это, сказав: «Заплатите мне несколько десятков тысяч!»

Эти его действия и другие тому подобные заставили правление не считаться с Кормилицыным, и те его распоряжения, которые он допускал делать, часто отменялись, и ему, привыкшему, «чего моя нога захочет», трудно было все это переносить. И на Нижегородской ярмарке случился с ним удар, выбивший его из строя работников. Общее собрание пайщиков, желая облегчить морально его положение, оставило его в числе правления с сохранением оклада жалованья.

ГЛАВА 26

На первом собрании членов правления Товарищества Н. Разоренова и М. Кормилицына обсуждалась продажа Шуйской ситценабивной фабрике братьев Павловых сурового миткаля на сумму в 26 тысяч рублей в кредит. Правлению было известно, что дела братьев Павловых плохи, и ожидали их скорого банкротства, но незадолго до этого один из братьев женился на единственной дочери фабриканта-миллионера Скворцова¹⁸⁰, и вскоре после свадьбы Скворцов скончался, оставив своей дочери более 10 миллионов наследства, что давало право думать, что положение их дела сразу изменится в лучшую сторону.

Скворцовым миткаль был продан и сдан, расчет произведен векселями. Прошло после этого очень короткое время, как распространился слух о приостановке братьями Павловыми платежей. Явившийся от них представитель предложил окончить с ними по 20 копеек за рубль, причем сказал: «Так платим только вам из-за того только, что купили у вас впервые, а другим не даем больше 10 копеек». Его предложение правление сильно возмутило: в момент покупки у нас миткаля Павловы были осведомлены о положении их дела, следовательно, покупая в Товариществе миткаль, они рассчитывали нашими деньгами увеличить баланс в пользу старых кредиторов.

Исполнительный лист был вручен Флегонту Ильичу, о котором я писал раньше, с указанием посадить Павловых в тюрьму и держать их там, пока не получит с них полностью. Между тем Павловы из Шуи скрылись; куда они выехали, никому не было известно. Одни говорили: за границу, другие называли разные города в нашей необъятной России. Но Флегонт Ильич какими-то путями узнал, что один из братьев находится за границей, а другой, женатый на Скворцовой, живет с молодой женой в ее имении в Кинешемском уезде. Он поехал в это имение, остановился в ближайшей от него деревне, где узнал о всех подробностях их жизни. Узнал, что их посещают часто кинешемский исправник и член кинешемского суда, родственник Павлова; часто играют в карты и весело проводят время. Флегонту Ильичу даже удалось побывать в доме во время отсутствия хозяев, благодаря их лакею, с которым он успел познакомиться и подружиться и который показал ему все комнаты.

В кинешемской канцелярии члена суда познакомился с одним из мелких служащих, повел в трактир, где угостил его хорошо, и от него узнал, что член суда скоро уезжает в отпуск за границу на месяц. Этот служащий обещался ему сообщить немедленно, как только член суда уедет. То же самое он проделал в канцелярии исправника, где узнал, что исправник тоже скоро уезжает в Кострому для очередного доклада губернатору¹⁸¹.

---

¹⁸⁰ Здесь имеются в виду фабрикант Петр Александрович Павлов и его жена Матрона Ивановна, урожд. Скворцова.

¹⁸¹ В 1890 г. упомянутые должности занимали: кинешемского исправника – Яков Савельевич Бардуков, члена окружного суда по Кинешемскому уезду – Иван Васильевич Якимов, костромского губернатора – Василий Васильевич Калачев.

Как только член суда выехал, приятель Флегонта Ильича из канцелярии сообщил ему. Флегонт Ильич явился к заместителю члена суда с просьбой выдать ему разрешение о задержании Павлова как укрывающегося от уплаты по исполнительному листу, проживающего в имении Кинешемского уезда. Получив нужную бумагу, он, после отъезда исправника в Кострому, явился к заместителю его, предварительно хорошо поблагодарив, и получил от него двух полицейских для содействия аресту Павлова, с водворением его в тюрьму. Флегонт Ильич нарочно выбрал вечернее время для поездки в имение; остановились в деревне, где он раньше жил, выбрал еще несколько смышленных крестьян понятыми и поздно пошли в усадьбу Павловых, когда, он знал, Павловы спали. Понятых он расставил у тех окон дома, из которых, как он думал, Павлов может выскочить, а одного полицейского у черного выхода, а с другим отправился к парадному входу, где начал звонить. Через некоторое время послышались шаги, и чей-то голос спросил: «Кто там?» – «Полиция. Отворите немедленно!» Внутри замолкло; было слышно, как на цыпочках спешно удаляются от двери. Флегонт Ильич догадался, что его приятель-лакей спешит разбудить господ и предупредить о приходе полиции. Через непродолжительное время раздался за дверью голос: «Хозяина нет дома, он уехал». Полицейский потребовал немедленно открыть дверь, иначе она будет взломана.

Дверь открылась; Ильин, помня расположение комнат, быстро побежал к спальне, отворил дверь, увидел, что в комнате никого нет, по смятым постелям было видно, что они только что покинуты. В это же время у открытого окна спальни послышались крики и возня. Флегонт Ильич, недолго думая, тоже выскочил из окна, где понятые и полицейский держали в своих объятиях Павлова, старавшегося от них освободиться. Павлова скрутили и отвезли в кинешемскую тюрьму. В тюрьме Павлов был помещен в отдельной камере; из дома доставлены ему были тюфяк, подушки, белье, книги и все прочее. Из лучшего ресторана города ему доставляли обед, завтрак и вино.

Флегонт Ильич понял, что Павлов, разместившись с большим удобством и комфортом в тюрьме, легко перенесет месячное заключение там, а с приездом члена суда будет выпущен, тогда получить с него деньги не представится возможным. Тем более что Павлов, озлобленный неожиданным арестом, клялся и божился, что он теперь больше 10 копеек за рубль не даст.

Флегонт Ильич побывал у смотрителя тюрьмы, поговорил с ним и убедил его за известное вознаграждение перевести Павлова из хорошей камеры в самую плохую, что тот и сделал, объяснив Павлову, что принужден сделать это по необходимости ремонта камеры. Поместили Павлова в камеру, куда обыкновенно сажались провинившиеся заключенные; камера была сырая, находящаяся рядом с ретирадом¹⁸² с просачивающейся мочой. В это время стояла жара, и в камере была ужасная вонь, с переполнением всяких насекомых и грызунов.

Павлов мог в ней просидеть только трое суток, написал жене письмо с просьбой уплатить Флегонту Ильичу все деньги сполна, с причитающимися процентами и расходами по ведению дела. Вернувшийся из Костромы исправник ничего не мог сделать своему приятелю, только разругался со своим помощником за оказанную помощь при аресте Павлова. Тоже член суда был поражен всем, что случилось при его отсутствии с его родственником; затаив злобу к Товариществу, старался во всех делах с Товариществом решать не в его пользу.

Вторым вопросом на собрании правления было приобретение 150 десятин земли, прилегающей к фабрике, у Михаила Павловича Куприянова. Земля эта тянулась по высокому берегу Волги, и по ней шла дорога, соединяющая город с фабрикой. За землю Куприянов назначил 26 тысяч рублей. Вопрос о покупке был решен немедленно. Покупка земли была удачным и ценным приобретением для Товарищества, способствовавшим к развитию фабрики. Дорога, идущая по бывшей куприяновской земле, была шоссирована, обрыта канавами; через речку Томну и овраги, пересекающие эту землю, были устроены отличные мосты; у устья речки

¹⁸² *Ретирад*, ретирада (от фр. *retirade*) – отхожее место, уборная.

Томны был расширен водоем, с устройством хорошей плотины, с образовавшимся обширным прудом, что дало возможность перенести из села Тезина белильню и красильню; на этой земле была выстроена колония для рабочих, дома для служащих и т.д. С приобретением ее окончились бесконечные судебные процессы с М.П. Куприяновым за поломку, рубку леса, производимые рабочими, за потопление низких мест по речке Томне во время паводков и за другие разные неурядицы, неминуемые при большом передвижении людей и грузов.

Фабрика быстро увеличивалась и улучшалась; Куприянов, часто бывавший на фабрике по делам как агент Московского Страхового общества, с огорчением сознавал свою ошибку продажи этой земли, за которую он свободно мог бы взять 150 тысяч рублей, и говаривал: «Что делать! Оплошал..... не предусмотрел!»

М.П. Куприянов был крупным собственником лесных угодий в Костромской губернии, он был дворянин, помещик, жил в своей усадьбе близ города Кинешмы, причем его усадьба впоследствии вошла в черту города. Он раньше служил во флоте, дослужившись до какого-то чина, вышел в отставку и поселился в имении. Но в его неопытных руках его лесные угодья давали немного дохода, почему он поступил в Московское Страховое общество в качестве агента по привлечению собственников к страхованию недвижимостей, товаров и других имуществ. К его благополучию в это время началась усиленная стройка фабрик, заводов в Кинешемском уезде, и его заработок сильно увеличился.

Куприянов был довольно хитрый и ловкий человек, сумел отлично сойтись с фабрикантами, понял и оценил все их слабости и этим вполне успешно пользовался для своей выгоды. Приезжая к ним в военной морской фуражке, держался с ними хотя с некоторым заискиванием, но не умаляя своего офицерского достоинства.

У меня сохранился в памяти его рассказ, который он по забывчивости повторял при мне много раз. Куприянов, будучи еще мичманом, совершил поход в Америку с флотом под командою адмирала Лисовского во время царствования Николая I.

Начинал обыкновенно он свой рассказ так: «Да-с, приходилось мне наблюдать переживание великих людей с сильной волей в их тяжелые, даже страшные минуты жизни!» Адмиралу Лисовскому, командующему большим флотом, было поручено императором Николаем I пробраться в Америку во время блокады ее берегов английским флотом во время гражданской войны в Северной Америке. Лисовский в точности исполнил повеление государя и – к удивлению всего мира – появился у берегов Америки¹⁸³. Куприянов, описывая прием их и чествование, рассказывал все подробно; о этих чествованиях можно прочесть в книгах, описывающих этот поход, но об одном бывшем с ними случае нигде не сообщалось, так как не желали разглашения его, чтобы не нарушить отношений с Францией, бывших уже натянутыми.

Адмиралу Лисовскому на обратном пути пришлось зайти с частью флота во французский порт Брест. Как обыкновенно полагается, флот отсалютовал дружественной нации. Ждут ответа, ответа нет. Проходит четверть часа, полчаса – полное молчание. Лисовский отправил на берег своего адъютанта с приказанием передать французскому начальству: если через четверть часа после возвращения адъютанта на адмиральское судно не последует ответного салюта, то адмирал прикажет бомбардировать Брест, считая молчание как оскорбление Андреевского флага. Нужно сказать, что в это время было восстание в Польше, жестоко подавляемое русскими войсками, и из-за этого Франция недружелюбно относилась к России и русским.

¹⁸³ Мемуарист неточен: экспедицией командовал контр-адмирал С.С. Лесовский (не Лисовский) и она состоялась в царствование Александра II (не Николая I). Плавание русского флота было предпринято в 1863—1864 гг. для оказания политического давления на сложившуюся тогда враждебную России коалицию Англии, Франции и Австрии, а также для демонстрации поддержки Россией Северных американских штатов в их борьбе с конфедератами-южанам. Эскадра под командованием С.С. Лесовского, несмотря на блокаду, выполнила переход из Кронштадта в Нью-Йорк и находилась в течение 10 месяцев у Американского побережья, демонстрируя готовность нанести удар по коммуникациям и базам потенциальных противников. См.: Обзор заграничных плаваний судов русского военного флота с 1850 по 1868 г. СПб., 1871. Т. 1. С. 393—420.

Адъютант вернулся; четверть часа ожидания, потом сигнал ко всему флоту: «Стройся в боевой порядок!» Суда немедленно исполнили приказание, и тогда с крепости последовал залп салюта; приехавший французский офицер от имени начальства извинился за молчание, объяснив каким-то недоразумением.

Это сообщение всецело возлагаю на совесть Куприянова, но думается, что это в действительности было так¹⁸⁴.

Правление, просматривая годовой отчет минувшего рабочего года, оказавшуюся прибыль распределило для представления общему собранию пайщиков, мною был поднят вопрос об отчислении из прибыли известного процента в пользу служащих.

Нужно было видеть, какое впечатление произвело мое заявление на Михаила Максимовича Кормилицына: он с покрасневшим лицом, со сверкающими от гнева глазами, ударяя кулаком по столу, начал кричать: «Смотрите, чего он хочет! – награждать служащих, когда они, ничем не рискуя, имеют определенное жалованье, ... а для этого мы должны обидеть себя! Это разврат, баловство!» Протест с его стороны был так силен, что я и И.И. Казаков сочли лучше не поднимать этого вопроса, чтобы еще больше не возбудить Михаила Максимовича, и без того до чрезмерности огорченного, что многое делается не по его мыслям и желаниям.

На общем собрании пайщиков этот вопрос – из-за самого же Кормилицына – принял неожиданное для него решение. Он, успокоенный, что правление не возбуждает этого вопроса на собрании, уверенный, что этому причина его здоровое и горячее выступление против моего заявления, желая немножко поглумиться надо мной как вносящим такие нелепые предложения, тыкая на меня пальцем, обратился к пайщикам: «Вот, нашелся желающий из полученной прибыли оделить служащих; легко швыряться деньгами, заработанными нашими отцами и нами, ... пусть сами зарабатывают, ... а то выдавать награду служащим! Они получают жалованье и не несут никакого риска от дела!»

Все пайщики, как один, высказались за осуществление моего предложения и постановили отчислить известную сумму в награду служащим. Михаил Максимович, смущенный и подавленный духом, тогда безнадежно махнул рукой и со злою улыбкой сказал: «Ну, теперь достаточно посмеются над нами наши соседи!»

Отчисление в пользу служащих Товарищества привилось окончательно, и ежегодно отчислялась сумма для этой надобности. Кроме того, после двадцатипятилетней работы в Товариществе образовался фонд в несколько сот тысяч рублей, специально назначенный для обеспечения служащих на случай смерти, болезни и старости.

ГЛАВА 27

Через два года после вступления новых пайщиков в Товарищество с Михаилом Максимовичем на Нижегородской ярмарке случился паралич, конечно, после того он заниматься серьезно делом не мог, но во все вмешивался и этим очень вставлял спицы в колеса.

У меня с ним сохранились отношения довольно хорошие, но с Казаковым Кормилицын очень не ладил из-за купленных им 20 десятин земли, примыкающих к фабрике, за которые он

---

¹⁸⁴ В действительности эскадра С.С. Лесовского совершала секретное плавание из Кронштадта в Нью-Йорк и обратно курсом севернее Англии и ни в один из европейских портов не заходила. См.: *Гончаров В.* Американская экспедиция русского флота в 1863—1864 гг. СПб., [1913]. С. 1—19. М.П. Куприянов в экспедиции Лесовского не участвовал: в списке команд судов, находившихся под командованием Лесовского (фрегаты «Александр Невский», «Пересвет», «Ослябя», корветы «Варяг» и «Витязь», клипер «Алмаз»), он не значился. Кадет Морского кадетского корпуса Михаил Куприянов в 1863 г. был выпущен в звании гардемарина и 26 июля 1864 г. отплыл на фрегате «Дмитрий Донской» в «практическое плавание» в Атлантику. Этот фрегат под командованием капитана 1-го ранга Г.Г. Майделя 14 августа того же года прибыл на рейд французского порта Брест. Контр-адмирала Лесовского на его борту не было. См.: *Обзор заграничных плаваний*..... Т. 1. С. 434—435; *Коргуев Н.А.* Обзор преобразований Морского кадетского корпуса с 1852 г. с приложением списка выпускных воспитанников 1752—1896 гг. СПб., 1897. С. 262; *Памятная книжка Морского ведомства на 1864 г.* СПб., 1864. С. 141, 145; *Памятная книжка Морского ведомства на 1865 г.* СПб., 1865. С. 141, 145.

хотел взять 40 тысяч рублей, когда купил сам за несколько сот рублей. И.И. Казаков, как опытный и далеко смотрящий человек, видел, что эта земля в будущем, если не перейдет в Товарищество, послужит болезненным нарывом делу Товарищества, и он с упрямой настойчивостью наседа на Кормилицына, требуя передачи ее в Товарищество. Я хорошо не помню, в каком году скончался Михаил Максимович, но приблизительно в 1896-1897-м, на его место вступил его сын Николай Михайлович, бывший кандидатом в члены правления. Николай Михайлович был высокого роста, сутулый, с длинной вытянутой шеей, с кадыком; имел большой нос, торчащие лопухами уши, вообще выглядел дегенеративным типом. Отличался любовью приврать, особенно если заходил разговор о лошадях, которых он был большой любитель; про него говорили: «Когда он говорит о лошадях, даже цыган плачет». Деловитостью не отличался и своим директорством не принес пользы делу. Позаимствовал от отца некоторые дурные привычки: сидеть в конторе в шапке, когда все остальные сидели без них.

Однажды в фабричную контору вваливается мужичок невзрачного типа, в потертом, лоснящемся армячке. Снял шапку и большим крестом совершил крестное знамение перед иконами, спросив: «А где здесь хозяин?» Ему указали на Кормилицына. Он подошел к нему и спросил: «Ты, что ли, хозяин? Сидишь в шапке, а ведь здесь икона, ... как тебе не стыдно?» Все присутствующие ожидали большого скандала, зная необузданный и вспыльчивый характер Николая Михайловича, но умные, проницательные глаза вошедшего укрощающе действовали на взбешенного Кормилицына, который опустил глаза и, что-то под нос ворча, снял шапку, спросил: «Что нужно?» – «Я пришел предложить вашему Товариществу двести тысяч рублей из пяти процентов годовых, если нужны, они со мной». Оказалось, этот мужичок был мучной торговец в Кинешме Петр Илларионович Баранов¹⁸⁵.

Казаков Иван Иванович пережил Михаила Максимовича Кормилицына ненадолго, он скончался в 1898 году. Я его навел за три дня до смерти, и он вполне ощущал свое тяжелое положение, с полным сознанием своей скорой кончины; казалось бы, какой бы мог быть разговор в эти последние дни его жизни о материальных соображениях. Казаков, прощаясь со мной, слабым голосом напомнил: «Не упускайте двадцати десятин земли у Кормилицына, купите, ... хотя бы пришлось заплатить дорого». На должность директора вступил его сын Никола Иванович, бывший до этого кандидатом в члены правления. В это же время я был выбран в председатели правления, оставался в этой должности до 1918 года, вплоть до передачи Товарищества государству.

¹⁸⁵ Как оказалось, Баранов был очень богатый старообрядец, наживший деньги торговлей. Он кроме нашего Товарищества внес всем фабрикантам Кинешемского округа по 200 тысяч рублей, и, кроме того, как мне передал Н.А. Найденов, он внес все банки в Москве по таковой же сумме. Много лет спустя наше правление получило от него письмо с просьбой уплатить ему в срок 200 тысяч рублей, причем он сообщил, что хворает и желает при жизни распределить деньги по своему усмотрению, и предлагает, если мы пожелаем, купить у него 2200 десятин лесу, находящегося близ нашей фабрики, за 120 тысяч рублей в рассрочку на три года без процентов. Правление распорядилось осмотреть его лес. Оказался лес очень хороший, сохранившийся. Причем сообщали, что у П.И. Баранова имеется лесных угодий больше 20 тысяч десятин, расположенных в разных местах Кинешемского уезда, они тоже находятся в большом порядке, и рекомендовали их купить, так как их сейчас же можно перепродать гораздо дороже. Я поехал лично в Кинешму, чтобы повидать Баранова и с ним поговорить. Он жил в деревянном доме, типа средней руки зажиточного купца. Меня впустили в дом встретившие старушки, одетые все в черном, после того, как узнали причину моего приезда. Ввели в гостиную, с виду очень похожую на гостиную в доме Кормилицына, только с запахом вместо печеного хлеба и шей – ладана, и попросили немного подождать здесь. Через несколько минут попросили в спальню больного Баранова. В кровати, в чистом белом белье лежал худой старичок, плешивый, с небольшой бородкой, с умными и вдумчивыми глазами. Я ему высказал желание купить лес на его условиях, причем прибавил: Товарищество готово купить не только эти 2200 десятин лесу, но и все его леса приблизительно по этой же цене и на таковых же условиях. Он мне ответил: «Нет, батюшка, нет! Те другие леса пойдут другим, более нуждающимся в них, чем вы. ... Я отдаю вам 2200 десятин дешево, знаю, что могу продать значительно дороже, чем назначил вам, но этого не хочу делать, чтобы другие не наживались за ваш счет. Ваша фабрика на много лет моим лесом будет обеспечена дровами». После моего свидания с ним Баранов прожил еще несколько лет. Все свои большие средства пожертвовал разным старообрядческим монастырям и скитам. В эти годы провел много верст шоссе, где весной и осенью дороги были непроезжие; так, провел шоссе недалеко от нашей фабрики, и мне рассказывал В.И. Зевакин, что однажды, гуляя по ней, видел проезжающих крестьян, снявших шапки; они, крестясь, вспоминали в своих молитвах умершего уже тогда Петра Илларионовича Баранова, говоря вслух: «Упокой душу Божьего раба Петра!»

Никола Иванович Казаков оказался человеком слабым, неделовитым и по своим коммерческим способностям далеко стоящим от своего даровитого отца. Он был человек добрый и хороший, но, как и многие ограниченные люди, упрям, так что мне приходилось зачастую быть очень настойчивым, чтобы проводить свои действия в дело, с долгим убеждением его в правильности их, но на одном из таковых дел мы окончательно разошлись с ним. Н.И. Казаков обратился ко мне с просьбой взять на службу в Товарищество некоего Демидова, крестного сына его отца, ручаясь вполне за его честность и солидность.

Демидов мне понравился своей интеллигентностью и здравыми взглядами на поручаемое ему дело по закупкам материалов для фабрик. Принимая его на таковую ответственную должность, я, понятно, внимательно присматривался к его работе. Лицам, желающим продать Товариществу, было назначено известное время в определенные часы, я нарочно начал приходить в правление в это время, помещаясь за конторкой, находящейся как раз против Демидова, и мог слышать все разговоры, происходящие между продавцами и Демидовым. Прошло некоторое время, мне бросилось в глаза, что посещение продавцов уменьшается и наконец совсем прекратилось, тогда я задал вопрос Демидову: почему продавцы перестали ходить? Он, довольно смущенный, ответил: «Они ходят, но только вместо утренних часов в вечерние», – и назвал мне часы, сказав, что в это время для него удобнее. Я начал посещать правление в указанные им вечерние часы и вскоре заметил, что посещение продавцов начало сокращаться и потом прекратилось совсем. Я Демидову опять задал вопрос об этом. Он ответил: «Я вызываю их по телефону в разное время, когда бываю более свободным».

Такое его действие мне крайне не понравилось, я ясно увидел, что он избегает моего контроля. Сделал секретное распоряжение заведующему аппаратурной и красильной фабрикой инженеру С.Ф. Седову следить за получаемым товаром из Москвы, с особой тщательностью проверять количество, качество и сравнивать с прейскурантами конкурирующих фирм. Через некоторое время получил от него письмо, в котором подробно излагались неправильности в получаемых товарах, с ясным указанием на злоупотребления со стороны продавцов.

Все это я высказал Демидову в довольно резкой форме, и он оставил службу в Товариществе.

Демидов, из крещеных евреев, умный, хитрый, ловко сумел поддаться к Н.И. Казакову и воздействовать на его самолюбие. Казаков стал на меня дуться; под предлогом, что ему требуется больше света, пересел за особый стол, чтобы только быть подальше от меня.

К нему начали приходить разные лица, с которыми он оживленно беседовал, но, когда я входил в правление, они прекращали разговор. И однажды он заявил мне, что оставляет должность директора в Товариществе и переходит в директора-распорядителя Ярцевской мануфактуры. Я долго его убеждал этого не делать, вполне понимая его непригодность для таковой сложной и трудной работы в Ярцевской мануфактуре, запущенной бывшим директором Михаилом Лукичом Лосевым. Казаков привел мне свой резон: «Здесь, в Товариществе, получаю в год шесть тысяч рублей, а там буду получать тридцать тысяч рублей; если пробуду там только год, и то он оправдает мне пятилетнюю службу в Товариществе Разоренова и Кормилицына». И мое предположение совершенно оправдалось: пробыл там только год, запутал дело еще больше и со званием плохого дельца принужден был удалиться оттуда.

Вскоре после этого Н.И. Казакова постигла семейная неприятность: его жена, урожденная Байдакова, выставила его из его же собственного дома. Произошло это так: его отец Иван Иванович купил на Арбате, в Конюшенном переулке землю, на которой построил отличный двухэтажный дом и подарил его сыну¹⁸⁶. Никола Иванович, пылая страстью к своей довольно миловидной жене, пожелал перевести дом на ее имя, о чем, как-то разговаривая со мной, сооб-

---

¹⁸⁶ Двухэтажный особняк в Староконюшенном пер., д. 23 был перестроен для Н.И. Казакова в 1898 г., позднее им владела Н. А. Казакова (урожд. Байдакова). Ныне – резиденция посольства Канады.

шил мне. У меня невольно вырвалось изумление на таковое его желание, я не удержался и сказал: «Зачем вы это хотите делать? Мало ли что может случиться в жизни! Смотрите, чтобы потом не раскаяться!» Он обиженным голосом мне ответил: «У меня с женой ничего не может случиться! У нас все общее и нераздельное!»

Я уверен, что он все сказанное мною передал своей супруге, которая после этого со мной сделалась очень суха и ни разу не пригласила к себе.

Выдворила она его из дома, как передавали мне, через полицию. После чего он переехал в дом своего брата, у которого жил до конца своей жизни, сильно пристрастившись к вину, лишившись дома и дела.

ГЛАВА 28

Двадцать десятин земли, смежных с фабрикой Товарищества, купленных Михаилом Максимовичем Кормилицыным, действительно послужили в дальнейшем большой неприятностью, с привлечением меня к судебной ответственности за самоуправство.

Я отлично понимал, что при развитии фабрик Товарищества найдутся лица, желающие купить эту землю у Кормилицына, с тем чтобы построить дома, заселить их лицами, занимающимися кустарным промыслом – переработкой пряжи, украденной с фабрик, с устройством притонов для воров, тайных ночных шинков, и затем последует скупка маленьких участков земли и застройка ее домами, заселяющимися в большинстве случаев элементами порочными, с жадой быстрой наживы.

Таковой пример у нас был на глазах у Ярославской Большой мануфактуры, с ними произошло все то, что мною описано. Хозяева этой мануфактуры в свое время пожалели затратить деньги на приобретение земли, находящейся рядом с их фабриками, и в скором времени на ней вырос большой поселок; они старались потом купить эту землю, но уже не представлялось возможности это сделать, к их большому огорчению.

Наследники Кормилицына предлагали неоднократно купить эту землю, но просили дорого, я же давал им 10 тысяч рублей, считая эту сумму высокой за пустопорожнюю землю.

В 1911 году как-то получаю сообщение с фабрики, что на земле Кормилицына началась постройка домов. Первый дом был выстроен Государственной винной монополией¹⁸⁷, с лавкой для торговли водкой; рядом с этим домом уже воздвигался другой двухэтажный дом бывшим служащим, заведовавшим лесами Товарищества, Ивановым; замеченный в продаже леса, он был уволен, но, поселившись поблизости от фабрики, занялся каким-то ремеслом, дававшим ему хорошую прибыль от фабрики. Можно было предполагать, что Иванов хотел заняться тайной торговлей водкой ночью, с принятием всех видов краденного с фабрики. После этих домов, несомненно, последовали бы постройки других, с устройством в них разных притонов, и образовался бы большой поселок с нежелательным элементом обывателей. Я приехал на фабрику и сделал распоряжение нашему инженеру Сергею Павловичу Хлебникову по границе этой земли поставить высокий забор с целью прекратить всякое сообщение новых обывателей с фабрикой; так, чтобы попасть в лавку винной монополии, пришлось бы обходить кругом, расстоянием с версту, а пожалуй, и больше.

Забор поставили, начали закрывать последнее звено забора, явился Иванов с полицией, заявив Хлебникову: «Закрывать дорогу не имеете права, иначе будет составлен протокол и вы будете привлечены за самоуправство». Хлебников струсил и остановил закрытие забора.

Получив об этом известие, я немедленно выехал на фабрику с присяжным поверенным Иваном Николаевичем Сахаровым. Опросили всех старых обывателей, живших здесь долго,

---

¹⁸⁷ Государственная винная монополия – казенная винная лавка, торговавшая крепкими спиртными напитками под контролем окружного управления неокладных сборов и казенной продажи питей Министерства финансов в 1894—1914 гг.

была ли здесь плановая дорога до постройки фабрики. Все подтвердили, что дороги не было, а только сравнительно недавно стали ездить за водой к ключу, и они считают эту дорогу как дорогу местного пользования.

После этого приказал плотникам немедленно при себе заделать звено. Явился опять Иванов с полицией, составили протокол с привлечением меня к суду за самоуправство. Дело пошло в местный суд, попало кинешемскому члену суда, о котором я писал в главе 26-й, державшему себя на суде очень некорректно, так что Сахаров принужден был ему высказать в глаза о небеспристрастности его к рассматриваемому им делу, но дело было правое и, несмотря на все его старания, решено в нашу пользу. И.Н. Сахаров, вернувшийся из суда, рассказал мне все, что происходило там и как он заметил, что член суда старался повернуть дело не в мою пользу. Я тогда Сахарову рассказал причину негодования члена суда на наше Товарищество, засадившее его родственника Павлова в тюрьму за неплатеж денег. Сахаров, возмущенный поведением члена суда, в Москве заявил его начальству о некорректности члена суда ко всем делам, относящимся к Товариществу, после чего член суда был переведен в другой город, худший по своему положению. Иванов провел дело свое по всем инстанциям и везде проиграл, после чего подал жалобу костромскому губернатору и даже министру внутренних дел Сипягину, в этом году посетившему Кинешму, но все его жалобы остались без последствий.

Товариществом в свою очередь была подана жалоба в Министерство внутренних дел о недопустимости открытия винных лавок рядом с фабриками и с просьбой заставить Министерство финансов перенести винную лавку в более отдаленное место. Наша просьба была исполнена, сошлись с винной монополией полюбовно, они согласились перенести лавку в какую-то деревню, но перенос дома был произведен за счет Товарищества. Вскоре явился Иванов с предложением купить его дом. Дом его купили и перевезли на свою землю. После чего явились наследники Кормилицына и продали 20 десятин за 10 тысяч рублей.

Такое решительное мое действие, давшее много волнения, нужно было произвести по необходимости, чтобы в конечном результате Товарищество сделалось бы собственником 20 десятин земли, из-за опасения, что с Товариществом может случиться то же, что было некогда с Большой Ярославской мануфактурой¹⁸⁸.

У М.М. Кормилицына было пять сыновей, но ни один из них не выделился, чтобы стать во главе Товарищества; младший из них, Иван, казалось, был более даровитый и дельный, но женился в молодых годах на дочери какого-то ткацкого фабриканта и тестем был взят в свое дело.

После смерти Михаила Максимовича и его жены пай в значительной степени были проданы в руки вошедших пайщиков, не пожелавших, чтобы Товарищество наименовалось старым именем, и переименовавших его в Большую Кинешемскую мануфактуру.

Мудрая поговорка говорит: «Человек предполагает, а Бог располагает». Так и случилось со мной: вступая директором в Товарищество Н. Разоренова и М. Кормилицына, я не предполагал, что мне придется стоять во главе этого Товарищества и руководить им, между тем обстоятельства так складывались, что поневоле приходилось подчиниться им, и я как бы был связан крепкими невидимыми путами, отделаться от которых не мог, имея на то полное желание, так как занимал серьезное положение в Московском Торгово-промышленном товариществе, дело, которое любил и которым интересовался не из-за одной только доходности для меня лично.

---

¹⁸⁸ Далее зачеркнуто: «В начале развития дела Большой Ярославской мануфактуры явился к хозяевам собственник земли с предложением купить ее как смежную с фабрикой, но им показалась назначенная цена высокой, они отказались. После чего он выстроил на ней несколько домов и стал сдавать внаймы. Потребность в квартирах оказалась большая, за этими домами пошли строиться другие на земле, разбитой на мелкие участки, и очень скоро около ворот фабричных образовался большой поселок, наполненный нежелательным элементом жителей. Хозяева фабрики увидели, что создавшийся поселок принимает для них плохой оборот, но сделать ничего не могли, купить землю у мелких частных уже не удалось, и пришлось от них слышать сожаление, что они отнеслись несерьезно к покупке этой земли в возможное для того время».

После неудачных сыновей М.М. Кормилицына и сына И.И. Казакова был выбран мой шурин Митрофан Алексеевич Тушнин, но он вскоре захворал параличом и не мог быть работником. После него вступил в директора Товарищества Иван Григорьевич Простяков, имевший на своих плечах уже 64 года и переутомленный работой, но кандидатом в правление вошел его сын, даровитый и умный Яков. На него я возлагал большую надежду, что дело не останется без хорошего руководителя.

Яков Иванович прослужил недолго, и, кажется, в 1903 или 1904 году он, будучи в первый день Пасхи со своей женой на картинной передвижной выставке, почувствовал себя плохо; приехав домой, не придавал большого значения своему нездоровью, но к вечеру ему сделалось хуже, постепенно состояние все ухудшалось; послали ко многим докторам, но никого не застали дома, наконец какой-то приехал и застал больного умершим от удушения его нарывом в горле. Я в это время был в Париже, получил от старика Простякова телеграмму с разбирающей от горя просьбой – приехать скорее в Москву.

После скончавшегося Якова Ивановича выбрали в кандидаты правления его брата Григория, тоже я возлагал на него надежды, но вскоре он показал, что никуда не годный работник, с дурным поведением.

О плохом поведении Григория мне пришлось узнать от его отца, как-то приехавшего в правление осунувшимся, бледным, и сказавшего: «Я совершенно болен, всю ночь не спал, уже третьи сутки пропадает Григорий, и я не знаю, где он. Быть может, уже в живых нет!» Я спросил его: «Бывает с ним, что он закучивает?» – «То-то, что бывает!» – ответил опечаленный отец. Я ему посоветовал обратиться в сыскное отделение уголовного розыска с просьбой разыскать его, понятно, заплатив за это. Иван Григорьевич так и сделал. Сынок его был водворен через несколько часов в дом к папаше.

Я поинтересовался узнать стороной о его поведении на Нижегородской ярмарке, где он жил без контроля отца, оказалось, что он совершенно не занимался делом, а лишь вечером приходил в амбар для подписывания писем, пропадая остальное время в каких-то притонах.

Я долго искал подходящего человека, готового стать во главе Товарищества. Среди пайщиков Товарищества не оказалось желающих занять это положение. Пришлось приискивать среди деловых своих знакомых, и некто Федотов¹⁸⁹, молодой человек, полный энергии, мне понравился. Федотов работал в Ивановской фирме Дмитрия Геннадьевича Бурылина, говорили, что он даже был его незаконнорожденный сын. Я с ним завел разговор после того, как он сказал, что службой у Бурылина недоволен, предложил ему перейти в наше Товарищество с хорошим окладом жалованья. Федотов в принципе на это согласился, но когда он сообщил об этом Бурылину, то тот дал ему все, чего Федотов раньше добивался, и ему пришлось остаться на старом месте. Вообще приискать человека, полезного для дела, было чрезвычайно трудно. Фирмы, имеющие таковых лиц, держались за них крепко, платя громадные жалованья или тантъемы: так, в Товариществе С. Морозова директора сверх получаемого жалованья получали тантъему не меньше 300 тысяч рублей в год; Товариществом Тверской мануфактуры был приглашен Вячеслав Павлович Рогожин с жалованьем 50 тысяч рублей, нужно думать, что кроме жалованья были выдаваемы награды; в Товариществе Коновалова служил Измаил Николаевич Лопатин с жалованьем 40 тысяч рублей и т.д.

Я еще не терял надежды на приискание нужного человека, но замечал, что год от году все труднее было это сделать, и я волей-неволей все более и более втягивался в фабричное дело, которое мало знал и мало любил, притом не имея возможности посвящать ему достаточно времени из-за моей другой работы в Московском Торгово-промышленном товариществе. Оставить работу в Товариществе, не имея никаких прецедентов для этого, было неудобно, тем более

---

¹⁸⁹ Петр Семенович.

с пайщиками у меня были отличные отношения, с полным доверием и расположением ко мне, но однажды такой случай подвернулся в 1900 году, чему я обрадовался.

Н.А. Найденов как-то подошел ко мне на Бирже и среди разговоров позволил коснуться моих личных отношений к третьему лицу, для меня близкому. Я в то время, испытывая тяжелые переживания, с расстройством нервов, не сдержался и дал ему резкий ответ. Он быстро отошел от меня и в продолжение года сильно дулся, с желанием чем-нибудь досадить мне.

На состоявшемся общем собрании пайщиков Товарищества Большой Кинешемской мануфактуры должны были быть произведены очередные выборы в члены правления Товарищества, и очередь этому была моя.

Обыкновенно на собраниях присутствовало небольшое количество пайщиков, владевших значительным количеством паев; мелкие пайщики отсутствовали. Все вопросы дебатировались, но решение их происходило без баллотировки, так как в этом не было необходимости из-за их обсуждения на предварительном частном собрании, бывавшем при ревизии годового отчета.

На этом собрании собралось пайщиков значительно больше, и я обратил внимание, что пришли близкие родственники Н.А. Найденова, владевшие небольшим количеством паев. Собрание проходило гладко, все вопросы были быстро рассмотрены, остался только выбор очередного выходящего директора, то есть в данное время меня.

Избрание членов правления происходило так: председатель собрания обращался ко всем пайщикам со словами: «Предстоит выбор в члены правления такого-то, будем просить остаться его на новое трехлетие, ... нет возражений?» Понятно, возражений не бывало, и все пайщики обращались к лицу избираемому: «Просим!» – и в протоколе излагалось: «Выбор такого-то в члены правления состоялся единогласно».

В этом же собрании председательствующий Н.А. Найденов, дойдя до переизбрания членов правления, обратился ко мне: «Почему нет избирательных листков? Каким же способом будем баллотировать?» Я ответил, что листки сейчас принесут, сообщив в бухгалтерию по внутреннему телефону, здесь же находящемуся, чтобы листки немедленно прислали. Невольно у меня появилась мысль: наплыв его родственников, обыкновенно отсутствующих на собраниях, не есть случайность, а можно предположить, что явились они по его особому приглашению, с тем чтобы кто-нибудь из них в записке подал бы голос против меня; таким родом избрание мое пройдет не единогласно, между тем мои двое других товарищей по директорству, прошедших на предыдущих собраниях, были избраны единогласно, и это поставит меня в неприятное положение относительно их как их председателя.

Сообразив все это, я воспользовался случаем, чтобы отказаться от директорства, и заявил: «Прошу вместо меня назначить другого, я отказываюсь от должности директора по неимению времени заниматься в двух делах».

Произошло довольно курьезное замешательство между пайщиками: отказ мой для них был неожиданным и непонятным, так что мне пришлось повторить его вновь.

Петр Иванович Санин, председатель правления Московского Купеческого банка, крупный пайщик в Большой Кинешемской мануфактуре, был до чрезвычайности огорошен моим заявлением, сказал: «Как, вы отказываетесь? Я вошел в Товарищество только потому, что во главе дела стоите вы, если решение ваше не перемените, то я категорически заявляю, что от нового выпуска паев, на которые я только что на этом собрании подписался, отказываюсь!»

Поднялся целый гвалт, крупные пайщики наперебой обращались ко мне с просьбой взять мое заявление обратно.

Н.А. Найденов, взволнованный, встал и в очень решительной форме обратился ко всем пайщикам с заявлением: «Попросим единогласно Николая Александровича не оставлять Товарищества своим трудом!» Все пайщики встали со своих кресел и обратились с той же просьбой ко мне.

Я, смущенный и сконфуженный таковым деловым расположением ко мне, после некоторого колебания выразил желание баллотироваться. Найденов ответил: «Зачем баллотироваться? Избрание единогласно!»

Этот инцидент послужил тому, что я перестал приискивать желательного человека в Товарищество, стал больше уделять времени Большой Кинешемской мануфактуре, которая из года в год росла, улучшалась, а в 1905 году окончательно занялся в нем, уйдя из Московского Торгово-промышленного товарищества навсегда.

Этим заканчиваю записки о Кинешемской мануфактуре, оставляя продолжение до более благоприятного времени.

ГЛАВА 29

В последних шести главах воспоминаний о Большой Кинешемской мануфактуре мне пришлось годами далеко отойти от последовательности хода их, а потому возвращаясь к Московскому Торгово-промышленному товариществу, к году 1888-му.

Хорошо осталось у меня в памяти первое посещение в ноябре этого года амбара известной богатой московской фирмы – Торгового дома «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья», находившегося на Ильинке, в Хрустальном переулке, с желанием продать им хлопок.

Расторопный артельщик, снявший с меня пальто, указал путь в правление, находящееся во втором этаже, там другой артельщик пошел доложить директорам. Принят был немедленно.

В кабинете застал двух директоров: Дмитрия Родионовича Вострякова и Николая Александровича Лукутина.

Увидя меня входящего, Востряков как-то неестественно быстро вскочил со стула и бросился ко мне навстречу здороваться; его низкие поклоны, с усаживанием в мягкое кресло, с любезностями: «Ах! Какое счастье, что удостоили нас посетить!» – и все остальное в том же роде показали мне, что все это предельвается с целью поставить меня в смешное и неловкое положение, с очевидным желанием своим паясничеством отвести меня от дальнейших посещений их амбара. Мне было известно, что третий директор, Александр Александрович Найденов, близкий родственник моей жене, в это время в амбаре отсутствующий, не особенно дружил с Востряковым, стремившимся всеми способами доставить Найденову какую-нибудь неприятность, а потому он в данном случае избрал меня объектом для этой цели.

Я, сильно смущенный его поведением относительно меня, поспешил остановить поток красноречия Вострякова, сразу переведа разговор на деловую почву: предложил купить партию хлопка по весьма дешевой цене. Здесь лицо Вострякова сразу изменилось: глаза сделались злыми, веки захлопали, и он ответил: «Нет-с, благодарю вас за предложение, но купить не можем-с. Хлопка у нас уже много куплено... Да, впрочем, должен сказать, и цена ваша дорога, я имею предложения дешевле!»

Мне стало ясным, что он врет: цена хлопку умышленно была назначена чрезвычайно дешево, с желанием впервые продать этой фирме; другие конкуренты мои не стали бы продавать по этой цене. Я встал с кресла, чтобы раскланяться, в это время Востряков побежал к корзине с фруктами, стоящей на другом столе, и бросился угощать меня, опять с разными любезностями, кланяясь почти до земли и, как мне казалось, с желанием потешить своего шурина Лукутина.

Я выскочил из амбара почти нервно расстроенный: было обидно, что возглавляет большую солидную фирму паяц, поставленный для соблюдения ее интересов, а в действительности преследующий какие-то свои личные цели. По грязи, под морозящим дождем быстро пробежал до Елохова, где я в то время жил, сломал свою любимую трость ударом об тумбу и дома не мог обедать: так взволновал меня этот господин! В дальнейших воспоминаниях я к нему вернусь.

О семье Хлудовых расскажу по возможности все, что мне пришлось слышать от их родственников и от лиц, близко знавших их.

Хлудовы в Москве пользовались популярностью, но нельзя сказать, чтобы солидное, почтенное купечество относилось к ним хорошо из-за их поведения и образа жизни¹⁹⁰. Слухи о безумных кутежах и других противоморальных поступках разносились по Москве и на стариков купцов наводили ужас. Мне известно, как один из почтенных старых купцов говорил своей вдовой невестке: «У тебя много дочерей, смотри, если будет сватать какой-нибудь Хлудов, упаси Бог выдать за него дочь замуж, горя не оберешься!»

Хлудовы, безусловно умные, энергичные, предприимчивые, с решительным характером, выделялись среди своего сословия и невольно возбуждали к себе интерес не только среди лиц, имеющих с ними деловые отношения, но и у многих писателей, например, Островского («Горячее сердце», где Хлудов переименован в Хлынова)¹⁹¹, Лескова («Чертогон»)¹⁹², Каразина («На далеких окраинах»)¹⁹³ и других.

О причине быстрого обогащения Хлудовых ходило в Москве много разных рассказов, с разными вариантами; из них я только сообщу слышанное от одного из членов семьи Хлудовых, который в свою очередь слышал от своего отца. Его предок был пастухом в какой-то деревне Егорьевского уезда, славился смекалкой и сообразительностью. Однажды пришла к нему одна старуха из его деревни и показала сверток бумаг, найденный ею в репейнике при уборке барского сада, в том месте, около которого год тому назад стоял сгоревший дом, из окон которого во время пожара из дома выбрасывали вещи, и таким образом был выброшен пакет с ценными бумагами. Хлудов, осмотрев его, предложил старухе продать его за 20 копеек, что та с радостью и сделала. С этого пакета началось благополучие Хлудова, сумевшего ценные бумаги ликвидировать, после чего он занялся ткачеством и торговлей.

Другой рассказ я слышал от инженера хлудовской фабрики, который слышал его от старых обывателей той деревни, где жили Хлудовы.

Как-то Хлудов, будучи в лесу, встретил какого-то человека, с которым он разговорился. Незнакомец признался, что он беглый каторжник, находится в большом затруднении: осень кончается, и ему трудно будет зимой укрыться где-нибудь; и попросил Хлудова, не может ли он это сделать, а за услугу он его обогатит своим искусством делания фальшивых кредиток, за что он и попал на каторгу. Хлудов ночью привел его к себе в дом, поместил в подвале своего каменного дома, где не было окон. Приобрел все нужные инструменты и материалы для изго-

¹⁹⁰ Ср.: «Хлудовы были известны в Москве как очень одаренные, умные, но экстравагантные люди, их можно было всегда опасаться, как людей, которые не владели своими страстями» (*Морозова М.К.* Мои воспоминания // Московский альбом. М., 1997. С. 199).

¹⁹¹ М.А. Хлудов послужил прототипом богатого подрядчика Тараха Тарасовича Хлынова в комедии А.Н. Островского «Горячее сердце» (1869). См.: *Гиляровский В.* Москва и москвичи // Гиляровский В. Собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 118. Ср.: «Это тот самый Хлудов, которого Островский вывел в «Горячем сердце» под видом Хлынова. Про Хлудова ходили разные анекдоты. Раз приходит к Хлудову довольно известный литератор просить денег не то на издательство, не то просто займы. Предлагают подождать в гостиной. Сидит, ждет, альбомы с фотографиями рассматривает. Вдруг открывается дверь, писатель глянул и обомлел: перед ним живой тигр. <.....> Тигрица Сонька подошла к нему, обнюхала его и легла у ног литератора, зевнула и как бы задремала. <.....> Пришел хозяин и со словами: «Пошла вон, Сонька, пошла!» прогнал ее» (*Леонидов Л.М.* Воспоминания, статьи, беседы, переписка, записные книжки. М., 1960. С. 45).

¹⁹² В письме А.С. Суворину Н.С. Лесков, сообщая о новой редакции своего рассказа «Чертогон» (1879), сделанной по просьбе издателя, писал: «Тоже и переделал, как хочется Вам. Главное: картина хлудовского кутежа, который был в прошлом году и на нем Кокорев играл. Это живо прочтется» (ИРЛИ. Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 37). Сын писателя А.Н. Лесков в комментариях к рассказу отмечает, что прототипом Ильи Федосеевича был А. И. Хлудов (*Лесков Н.С.* Избранные сочинения. М., 1946. С. 455). Существует мнение, которого придерживается и Н.А. Варенцов, что образ главного героя «Чертогона» является собирательным, воплотившим черты А.И. Хлудова и его сына Михаила. См.: *Шамаро А.А.* Действие происходит в Москве: Литературная топография. М., 1988. С. 54—57.

¹⁹³ В романе Н.Н. Каразина «На далеких окраинах» (1872) М. А. Хлудов изображен под именем купца Хмурова. В одной из глав описываются пирушка, устроенная купцом Хмуровым для офицеров русского гарнизона в Туркестане, и опасные развлечения хозяина с прирученной тигрицей Машкой. См.: *Каразин Н.Н.* На далеких окраинах. СПб., 1875. С. 38—56.

товления печатного станка. Сделанные каторжником кредитки оказались идеально хороши, и Хлудов сбывал их с успехом, с каждым днем все богатея.

Весной каторжанин хотел уйти от Хлудова, но он не пустил его, боясь, что он, очутившись на свободе, разболтает о своем укрывательстве у него. Так и пришлось каторжанину закончить свою жизнь в подвале Хлудова, и от перепоя он скончался, труп его был зарыт в этом же подвале.

Все эти события относятся к концу XVIII столетия, в середине же XIX столетия хлудовское дело гремело в Москве, возглавляемое тремя братьями, Савельем Ивановичем, Алексеем Ивановичем и Герасимом Ивановичем.

Савелий скончался в молодых годах, но прославился как большой делец, и ему в значительной степени братья обязаны своим благосостоянием. После смерти Савелия занял его положение Алексей Иванович, отличавшийся широким размахом и умом.

Оставшиеся братья основали фирму под наименованием «А. и Г. Ивана Хлудова сыновья» и устроили три фабрики: одну в своем уездном городе Егорьевске, другую на Волге в Норске и третью в Ярцеве¹⁹⁴. Из этих трех фабрик образовалось три больших товарищества с большими капиталами. И, кроме того, открыли контору в Англии, с целью из первых рук получать нужные материалы для их фабрик. Заведующим конторой в Лондоне состоял один из сыновей Алексея Ивановича – Иван Алексеевич. Про него тоже говорили, что он был незаурядным человеком: объехал весь свет, и его письма отовсюду были крайне интересны и назидательны, и потом они были изданы, читались с увлечением купечеством¹⁹⁵.

Иван Алексеевич прославился еще тем, что во время гражданской войны в Америке, когда ее берега были блокированы английским флотом, организовал экспедицию в составе нескольких быстроходных шхун, нагрузил оружием и удачно со своими шхунами пробрался через английскую блокаду в Америку, где с большой пользой продал оружие, после чего шхуны нагрузил хлопком, сильно требуемым в Европе. Ему опять удалось счастливо прорвать блокаду – и шхуны находились уже не в сфере надзора английских судов. Но в это время начался штиль; шхуны не могли дальше двигаться. Проходившее паровое судно их заметило, дало знать сторожевым судам о месте их нахождения; шхуны хлудовские были окружены и арестованы.

Эта экспедиция вместо ожидаемой пользы в несколько миллионов рублей в конечном результате дала убытка 600 тысяч рублей. Алексей Иванович не осудил сына за его авантюру, а, наоборот, гордился им, приписывая неудачу Божьему соизволению.

Среди текстильных фабрикантов Хлудовы были первые, осознавшие необходимость иметь свою контору в Англии; другие же фирмы выписывали нужные им товары через иностранные конторы, преимущественно через Льва Герасимовича Кнопа. Иностранцы, как говорят, «охулки на руки не клали» и брали с фабрикантов громадную прибыль, быстро составляя многомиллионные капиталы. Мне рассказывал Василий Алексеевич Хлудов, как он однажды был свидетелем разговора своего отца с Кнопом, желавшим продать Хлудову большую партию масла для машин. Кноп, назначив цену на масло, при том прибавил: «Эта цена только для вас, другим по этой цене не отдам!» – «Хорошо!» – ответил ему Алексей Иванович. – А если я тебе продам масло той же фирмы в пять раз дешевле, чем ты мне предлагаешь, купишь?» Кноп даже не смутился, а расхохотался и сказал: «Тебя не поймает! Я согласен отдать масло по твоей цене и год сделаю сроку, но только с условием: пожалуйста, никому не говори об этом, другим продажам по своей цене».

---

¹⁹⁴ Имеются в виду Товарищества: Егорьевской бумагопрядильной фабрики братьев А. и Г. Хлудовых, Норской мануфактуры и Ярцевской мануфактуры бумажных изделий А. Хлудова.

¹⁹⁵ Автору изменила память: в 1878 г. были опубликованы отдельной брошюрой письма не Ивана Алексеевича, а его брата Егора Алексеевича к отцу А.И. Хлудову. Они были отправлены в феврале—ноябре 1876 г. из Калькутты, Нью-Йорка, Филадельфии и содержали описания предприятий и местных достопримечательностей Индии и США, а также Всемирной выставки в Филадельфии. См.: Письма Егора Алексеевича Хлудова. М., 1876.

Алексей Иванович, путешествуя по Финляндии и осматривая Нарву и ее окрестности, обратил внимание на водопад, приводящий в движение мельницу, сразу оценил большое значение даровой движущей силы и приобрел землю с речкой и водопадом у ямбургского предводителя дворянства Зиновьева¹⁹⁶; после чего составила компания из пяти лиц: двух братьев Хлудовых, Л.Г. Кнопа, Козьмы Терентьевича Солдатенкова, а пятого фамилию забыл¹⁹⁷, и на этой земле была построена бумагопрядильня, одна из самых больших в России. Фабрика заработала хорошо, давая громадную прибыль, пользуясь даровой силой водопада.

Товарищество было образовано под наименованием Кренгольмской мануфактуры. К земле Кренгольмской мануфактуры примыкало имение Крамера. Крамер приехал в Москву и зашел в контору Хлудовых, где застал Василия Алексеевича, которому и предложил купить свое имение. Об этом предложении Крамера Василий Алексеевич передал отцу и посоветовал не упускать из своих рук имения, купить его на свое имя, с тем чтобы потом перепродать Кренгольмской мануфактуре, которая при росте фабрики будет нуждаться в этой земле. Алексей Иванович выслушал сына и ответил: «Купить землю обязательно нужно, но только не нам, а Кренгольмской мануфактуре. – И прибавил: – Я не был плутом и впредь не желаю быть! Как на меня будут смотреть другие компаньоны, если я позволю себе это сделать?» Сказал сыну, чтобы он съездил к Кнопу и сообщил о продаже этой земли Крамером.

Кноп землю купил на свое имя и на очередном общем собрании пайщиков предложил приобрести ее для Кренгольмской мануфактуры, но по цене более чем в пять раз, как сам заплатил за нее. Такое действие Кнопа Алексея Ивановича сильно возмутило, он назвал его мерзавцем и, разгоряченный дальнейшим спором, ударил Кнопа по щеке¹⁹⁸. После чего продал паи Кренгольмской мануфактуры, а на вырученные деньги выстроил в Ярцеве бумагопрядильную фабрику.

Многие думают, что Лесков в своем интересном рассказе «Чертогон» в лице Ильи Федосеевича описывает Алексея Ивановича Хлудова. Действительно, характер Ильи Федосеевича, его трость схожи с портретом Алексея Ивановича, но описываемый разгул в загородном ресторане, скорее, относится к его сыновьям Михаилу или Егору, прославившимся своими кутежами. Мне кажется, Алексей Иванович не мог принадлежать к секте «чертогонов», он был развитым и начитанным человеком и по развитию стоял выше предрассудков сектантов.

Сначала он был в церкви новоблагословенной¹⁹⁹, как известно, имеющей небольшое отклонение от православия. Потом перешел в православие, был ктиторм в церкви Трех святителей у Красных ворот²⁰⁰, отлично им отделанной. Составил превосходную библиотеку из старинных, редких экземпляров по духовной философии, пожертвованную им потом Историческому музею²⁰¹. Книг из своей библиотеки никому не любил давать; если кто сильно упра-

¹⁹⁶ По другим сведениям, остров Кренгольм у водопадов в устье р. Нарова был приобретен в конце 1856 г. одним из основателей Товарищества Л. Г. Кнопом у семьи купцов Сутгоф. См.: Кренгольмская мануфактура. Историческое описание, составленное по случаю 50-летия ее существования. СПб., 1907. С. 13. Ротмистр А.В. Зиновьев в 1855—1861 гг. состоял предводителем дворянства Петергофского уезда Санкт-Петербургской губ. В Ямбургском уезде Эстляндской губ. в это же время предводителем дворянства был барон Е.Е. фон Врангель.

¹⁹⁷ Основателями Товарищества Кренгольмской мануфактуры бумажных изделий в 1857 г. были кроме А.И. и Г.И. Хлудовых, Л.Г. Кнопа и К.Т. Солдатенкова – Р.В. Барлов и Э.Ф. Кольбе. См.: Кренгольмская мануфактура. С. 12.

¹⁹⁸ У мемуариста неточность: имение Иоала вблизи о. Кренгольм было в 1880 г. приобретено Товариществом Кренгольмской мануфактуры непосредственно у помещика Г. Крамера. См.: Кренгольмская мануфактура. С. 23.

¹⁹⁹ Имеется в виду единоверческая церковь, учрежденная в 1800 г. в целях примирения старообрядчества с официальным православием, для чего разрешалось богослужение по старопечатным книгам, но с подчинением Синоду.

²⁰⁰ Храм *Трех Святителей у Красных ворот* в Москве был построен в 1699 г., снесен в 1928 г. Великолепный барочный иконостас работы царских мастеров был перенесен в церковь св. Иоанна Воина на Якиманке.

²⁰¹ Богатейшая хлудовская коллекция рукописных и старопечатных книг, имевшая печатные описания (Понов А.Н. Описание рукописей библиотеки А.И. Хлудова. М., 1872; *Он же*. Первое прибавление к описанию рукописей и каталогу книг церковной печати библиотеки А.И. Хлудова. М., 1875), после смерти собирателя (1882) была по его завещанию передана в Никольский единоверческий монастырь, откуда в 1917—1923 гг. поступила в Исторический музей. В настоящее время кол-

шивал дать, то он обыкновенно спрашивал: «Значит, библиотека моя хороша?» – «Да, Алексей Иванович, очень хороша!» – «Так знай, – отвечал он, – вся состоит из зачитанных книг, как после того я могу кому-нибудь книги давать?»

Как ни странно, Алексей Иванович, обладавший объективностью взгляда на вещи, не мог избежать некоторой мелочности в своем характере: швырнуть для форса в трактире сотню или даже тысячу рублей – это ему было все равно, но, принимая от лакея сдачу при расчете, тщательно проверять мелочь и, если не хватало гривенника или двугривенного, делать из-за этого целый скандал, а взятые от этого же лакея кредитки совать без счета в свой бумажник; в амбаре, желая выпить чаю, с нетерпением ожидать своего компаньона по трактиру, чтобы не попасть в трактир одному, из-за чего придется в трактире переплатить за чай несколько лишних копеек²⁰²; торговаться с извозчиком до пота из-за какого-нибудь пятака и тому подобное.

Инженер Александр Флорентьевич Перлов, служивший на Ярцевской фабрике, был командирован в Москву к Алексею Ивановичу с докладом о получившемся в этом году убытке от фабрики что-то около 100 тысяч рублей. А.Ф. Перлов отправился в «тупичок», где Алексей Иванович жил в роскошном особняке. «Тупичок» находился близ Земляного вала, против Яузской части. Это владение было куплено Хлудовым у графа Толстого – отца нашего знаменитого писателя Льва Николаевича, проводшего свое детство и отрочество в этом «тупичке»²⁰³. Перлов застал Алексея Ивановича, выходящего из дома к себе в амбар, сказавшего ему: «Идем со мной вместе в амбар, там передашь, что тебе нужно». На углу «тупичка» стоял извозчик, запросивший до Ильинки 30 копеек. Алексей Иванович давал ему 15 копеек, извозчик не согласился, Алексей Иванович с Перловым пошли пешком до Земляного вала, где ехавший за ними и торговавшийся извозчик согласился везти за 20 копеек. Перлов был удивлен, думая про себя: если Хлудов торгуется за 10 копеек, то что с ним произойдет, если он узнает, что убыток получен с фабрики 100 тысяч рублей?

Алексей Иванович, выслушав Перлова, сказал: «Пустяки! В этом году убыток сто тысяч рублей, а в следующем прибыли двести тысяч!» В лице Алексея Ивановича Перлов не заметил ни малейшего неприятного переживания, как будто эта неудача ему была безразлична.

У Алексея Ивановича кроме умершего сына Егора было еще три: Иван, Василий, Михаил.

Иван умер в 1868 году 29 лет от злокачественной лихорадки в городе Самарканде, только недавно взятом русскими войсками²⁰⁴²⁰⁵. Из оставшихся сыновей Алексей Иванович больше

лекция насчитывает 524 рукописи (в том числе знаменитую пергаменную Хлудовскую псалтырь IX в. с многочисленными миниатюрами на полях) и 717 книг старой печати. См.: *Щепкина М.В., Протасьева Т.Н.* Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1995. С. 43—45.

²⁰² В «Чертогоне» Н.С. Лесков пишет о герое рассказа: «Часов в десять он стал больно нудиться, все ждал и высматривал соседа, чтобы идти втроем чай пить, – троим собирают на целый пятак дешевле» (*Лесков Н.С.* Собр. соч. М., 1957. Т. 4. С. 312).

²⁰³ Домовладение 5—7 по Хлудовскому (ныне Хомутовскому) тупику на Садово-Черногрозской улице было куплено А.И. Хлудовым не у графа Толстого, а у И.Ф. Мамонтова. В купчей на это владение читаем: «Лета 1853 января 26 дня чистопольский купец Иван Федоров сын Мамонтов, продал я почетному гражданину московскому 2-й гильдии купцу Алексею Ивановичу Хлудову <...> записанной за мною <...> каменный дом с принадлежащим к нему каменным флигелем и со всяким при нем жилым и нежилым строением, садом и землею, состоящий в Москве Басманной части 3 квартала под номером 340 в приходе церкви Трех святителей, что у Красных ворот, доставшийся мне от полковницы вдовы Евдокии Максимовны Толстой и дочери ее родной, жены чиновника 9 класса Прасковьи Федоровны Перфильевой по купчей, совершенной во втором департаменте Московской городской палаты 1850 года октября 23 дня» (ЦАНТД. Басманная часть. Д. 340. Л. 7). Упоминаемая в документе Евдокия Максимовна Толстая (урожд. Тугаева) была женой графа Федора Ивановича Толстого («Американца»; 1782—1846); их дочь Прасковья Федоровна была замужем за тайным советником В.С. Перфильевым (См.: *Знаменитые россияне XVIII—XIX вв.: Биографии и портреты.* СПб., 1996. С. 788—790).

²⁰⁴ В то время, когда он лежал больной, русские войска по случаю каких-то военных операций покинули город, оставив в нем небольшой отряд. Бухарцы воспользовались этим обстоятельством, нахлынули в огромном количестве и взяли обратно город. Горсточка русских солдат заперлась в глинобитной цитадели, куда и был перевезен больной Хлудов. Бухарцы устроили высокую передвижную башню, с вышки которой начали расстреливать выходящих на двор цитадели. В то время армия была вооружена кремневыми ружьями старого образца, бьющими на 150 шагов, благодаря чему пули не долетали до верхушки башни, где сидели бухарские стрелки. Больной Хлудов, узнав о печальном положении русских в цитадели, предложил своему

любил Михаила из-за его широкого размаха и практической смекалки, говоря: «Я понимаю Михаила, хотя он безобразничает и безумно тратит деньги, но, где нужно и должно взять, — не упустит! Не станет свою старую карету переделывать и перемазывать, а, раз деньги есть, купит новую!» Этими словами он намекал на старшего сына Василия, отличавшегося скаредностью и непрактичностью, скромно живущего, изображавшего из себя бедняка, часто мечтая: «Хорошо бы иметь теплое, мягкое меховое одеяло». Купить одеяло он мог бы всегда, даже при жизни отца, но не сделал даже тогда, когда имел несколько сотен тысяч годового дохода, так и скончался со своей неисполненной мечтой.

Однажды Алексей Иванович увидел входящую к подъезду его дома красивую французскую женщину с двумя детьми, когда он сидел в коляске со своим сыном Василием, готовый к выезду. Алексей Иванович пристально посмотрел на детей и обратился к смущенному сыну: «Это твои дети? Помни, их нужно обеспечить!» Дочка от французки Мария Васильевна потом вышла замуж за доктора Владимира Алексеевича Соколова, имевшего санаторию в Ессентуках, устроенную на деньги его жены; с большими хлопотами и трудом она выручала от своего отца деньги, обещанные им при выходе ее замуж.

Михаил Алексеевич сильно кутил, сорил деньгами направо и налево, выдавал без счета векселя; когда его векселя перестали принимать, не задумался выдавать векселя с подписью отца, подделывая на них его подпись.

Наконец Алексей Иванович возмутился его поведением и решил лишить его наследства, сделал духовное завещание с отказом всего сыну Василию. Кругом Алексея Ивановича началась борьба близких ему лиц; его сожительница госпожа Ланская по просьбе своей сестры, бывшей замужем за Михаилом Алексеевичем, воздействовала на Алексея Ивановича, и незадолго до смерти он переделал духовное завещание, завещав Михаилу Ярцевскую фабрику и половину паев Товарищества Егорьевской мануфактуры.

Жена Михаила Алексеевича, Елизавета Алексеевна, была удивительно красивая женщина, такой же красотой обладала ее сестра. Алексей Иванович, бывая в Ярцеве, не мог не увлечься ею, его дети это заметили, поспешили ее выдать замуж за одного из служащих на фабрике Ярцевской мануфактуры Ланского; причем он согласился уступить свою жену Хлудову сейчас же после венчания; сделано это было из-за боязни, что, женившись на ней, Алексей Иванович может оставить свое состояние ей и могущим быть от нее детям.

Василию Алексеевичу оставил ценный дом на Ильинке, с площадью земли 2400 кв. сажень; чтобы купить этот дом у какого-то барина, пришлось подкупить его управляющего, дав ему несколько десятков тысяч рублей; кроме того, ему достались имения Алектанова с несколькими тысячами заливных лугов и еще несколько имений в разных губерниях.

Причину оставления Василию Алексеевичу дома и имений, а не фабрики можно объяснить тем, что Василия Алексей Иванович считал за фантазера, могущего устраивать разные эксперименты с фабрикой, которые, несомненно, привели бы к расстройству ее. С домом же и имениями он не сможет проявлять своих фантазий. Доходом с одного дома, приносящего 200 тысяч дохода, может прожить всю жизнь богато и счастливо.

Алексей Иванович имел обыкновение часто ездить по вечерам в Купеческий клуб. Когда он однажды возвращался оттуда в карете, кучер, доставивший его к подъезду дома, был удив-

---

знакомому офицеру, пришедшему навестить его, взять его ружье, купленное им в Англии, и им выбить бухарцев. Был выбран лучший стрелок из солдат, и ему дали хлудовское ружье. Солдат взял его в руки, ухмыльнулся и сказал: «Какое же это ружье? коротенькое, тоненькое... если из нашего ружья пуля не долетит, то из этого, и понятно, не долетит!» Ему приказали стрелять. Он хорошо наметился и с первого же выстрела убил сидящего на башне бухарца, со вторым бухарцем было то же самое. После чего бухарцы бросили башню и сняли осаду.

²⁰⁵ Осенью 1866 г. русские войска захватили часть территории Бухарского эмирата, а в мае 1868 г. разбили армию эмира под Самаркандом. По договорам 1868 и 1873 гг. Бухарский эмират и соседнее Хивинское ханство перешли под протекторат России. В состав Туркестанского генерал-губернаторства были включены район Самарканда и земли к востоку от Амударьи. Правители Бухары и Хивы дали разрешение на свободную торговлю российских купцов на их территории.

лен, что хозяин не выходит из кареты, слез с козел, открыл дверцу и увидел его лежащего мертвым.

Алексей Иванович скончался 65 лет.

ГЛАВА 30

Михаил Алексеевич Хлудов был субъект патологический: где бы ему ни приходилось жить, везде оставлял за собой ореол богатырчества, удивлявший всех. Несмотря на его безумные кутежи, безобразия, в нем проглядывало нечто, что увлекало людей, им интересовались, с любопытством старались разобраться в его личности; его беспредельная храбрость и непомерная физическая сила, которую он употреблял ради только своих личных переживаний, удивляли всех; поражало его магическое влияние на хищных зверей, подчинявшихся ему и дрожащих при одном его взгляде.

Мне думается, если бы его духовная жизнь была бы в сфере более высших переживаний и вожделений, из него мог бы получиться великий человек, но, к сожалению, все его духовные силы поглощались низменными чувственными желаниями, именно: пьянством и развратом.

Михаил Алексеевич особенно сделался известным в Средней Азии²⁰⁶, где он был с войсками при завоевании ее; его помощь при снабжении армии продуктами, которое удавалось только благодаря его удалству, была ценима командным составом. Мне пришлось быть в Азии в 1891 году, много лет спустя после Хлудова, и разговоры о его приключениях и удалстве не прекращались, меня водили даже показывать тот дом, где он жил. Каразин в своем романе «На далеких окраинах», описывая его, называл его Хмуровым.

Из-за любви к сильным ощущениям он имел ручных тигров, свободно разгуливающих по его громадному особняку, наводя на посещающих его ужас. Бывали случаи, когда они перескакивали через каменный забор хлудовского сада и попадали в соседний сад дома Борисовского, наводя на гуляющих там детей и взрослых панику²⁰⁷.

В доме Хлудова случился пожар, приехавшие пожарные быстро вбежали в дом и были встречены двумя тиграми, обратившими их в бегство. Как-то по какому-то делу к М.А. Хлудову приехал Н.А. Найденов, лакей проводил его в кабинет хозяина, тот закурил папиросу, спокойно ожидая прихода Хлудова. Дверь распахивается – и вместо хозяина является тигр, спокойно направляющийся к нему; нужно представить себе, что пережил в эти минуты Найденов, не отличавшийся большой храбростью; дома говорили, что ему после этого посещения пришлось сделать ванну.

Возмущенный Найденов поехал к генерал-губернатору В.А. Долгорукову с просьбой о пресечении хлудовского самодурства; та же просьба последовала к обер-полицмейстеру от пожарного брандмайора²⁰⁸. Долгоруков вызвал Хлудова и предложил ему отдать тигров в Зоо-

---

²⁰⁶ Михаил Алексеевич приехал в Среднюю Азию в 1863 году, еще при жизни своего брата Ивана, первым из русских купцов приехал в Бухару в 1863—1865 годах, не скрывая своего происхождения. Он же был один из первых, приехавших в Коканд, где в Ходженте устроил образцовую шелкомотальную фабрику. Потом с караваном пробрался в Кашгар, где завязал торговые отношения с владельцем Алтышара Якуб-беком. Михаил Алексеевич участвовал несколько раз в делах против неприятелей и был при штурме Ура-Тюбе и Джезака. Он же в 1869 году проехал Кара-Шигин и был в Афганистане. За свою полезную деятельность и особую храбрость был представлен государю, наградившему его орденом Владимира 4-й степени.

²⁰⁷ Художник К.А. Коровин так вспоминал свои детские впечатления от посещения дома М.А. Хлудова: «Через неделю повел меня отец к Хлудову. Против Садовой части – в тупике – его большой особняк. Со двора ведет лестница на второй этаж. Входим. Большая столовая, за столом, во главе его, сидит сам Хлудов. <.....> В столовой сзади – стена стеклянная, за стеклами пальмы: зимний сад <.....>. Вдруг из стеклянной двери, где пальмы, выбежал пудель, а за ним..... Я окаменел от неожиданности – за пуделем показалось чудовище длиною, по крайней мере, в сажень, могучее, оранжевое, как бы перевитое черными лентами <.....>. – Смотри, тигр! – шепнул отец» (Константин Коровин вспоминает..... М., 1990. С. 337—340).

²⁰⁸ Это могло произойти в 1882—1884 гг., когда после смерти отца М.А. Хлудов жил в родовом особняке в Хлудовском (Хомутовском) тупике на Садово-Черногрязской ул. В те годы московским обер-полицмейстером был Александр Александрович Козлов, а брандмайором (начальником пожарных частей города) – Сергей Аркадьевич Потехин.

логический сад или поместить в железную клетку. Хлудов одного отдал в Зоологический сад, а другого застрелил; как говорили, ночью тигр лизал его руку и этим вызвал на руке его кровь, проснувшийся Михаил Алексеевич увидел тигра в сильном волнении, возбужденного видом крови, готового на него броситься. Хлудов схватил револьвер, лежащий всегда у него на тумбочке, и застрелил тигра.

На фабрике в Ярцеве у него был ручной волк, тоже свободно расхаживающий по дому, и, вскакивая передними лапами на стол, где был накрыт чай для гостей, с пирогами и печениями, и пожирал их, при смехе хозяина. Однажды вечером, когда к нему собрались гости, сидели за чаем в столовой, Михаил Алексеевич внезапно встал и вышел. Когда он вернулся через некоторое время, все заметили его бледность и разорванный сюртук на рукаве и спине. Его спросили: «Что это с вами?» – «Ничего, – отвечал он, – немножко поборолся с медведем», – которого, как оказалось, он держал в подвальном этаже дома.

Пил же чай Михаил Алексеевич так: ему подавали стакан чая и бутылку коньяку, он отопьет ложку чая, дольет коньяком, тоже другую и пьет так этот стакан чая до тех пор, пока не опустеет бутылка с коньяком.

Приехав к своему знакомому на дачу, Хлудов очень близко подошел к собаке, привязанной двумя цепями; хозяин, сопровождавший его, схватил за руку, стараясь отвести подальше от собашника с предупреждением, что собака очень сильная и злая, и прибавил: «Боимся, что может разорвать даже две цепи». – «Вот вздор!» – сказал Хлудов; освобождая удерживающую его руку, быстро подошел к собаке. Собака, визжа, скрылась в собашнике, Михаил Алексеевич схватил цепь и вытащил собаку, надавав ей несколько подшлепников по морде, и она, поджав хвост, только визжала.

В турецкую войну в семидесятых годах прошлого столетия М.А. Хлудов поступил волонтером, где проявил особенную храбрость и героизм, и ему был пожалован Георгиевский крест²⁰⁹. Его храбрость вызывала иногда нецелесообразные действия: так, поспорил с кем-то, что он ночью проберется в турецкий лагерь и принесет оттуда какую-то определенную вещь, указанную ему спорившим с ним офицером. И действительно вещь эту он доставил.

Михаил Алексеевич рассказывал про один случай, бывший с ним в Лондоне, где он оставался в одной из фешенебельных гостиниц. Поздно вернувшись к себе в комнату, как всегда, не запер за собой дверь на замок. Разделся, лег в кровать, но спать ему не хотелось. Спустя некоторое время он видит тихо открывающуюся дверь в его комнату и крадущегося человека, уже протягивающего руку к его бумажнику, лежащему на тумбочке. Хлудов быстро хватается за руку, но вор оказался сильным человеком, старающимся всеми силами освободиться из рук Михаила Алексеевича, но это ему не удается. Михаила Алексеевича поразило в этом приключении больше всего то, что лицо вора сделалось совершенно белым, особенно выделяющимся в темной комнате. Вор оказался лакеем гостиницы. Видя ежедневно полупьяного русского, поздно возвращающегося, он предположил, что обокрасть его будет легко²¹⁰⁶⁷⁷.

²⁰⁹ В 1875 г., с началом герцеговинско-боснийского восстания против османского ига, генерал М.Г. Черняев сформировал в Москве отряд добровольцев для действий против турок. Фабриканты Егор и Михаил Хлудовы вместе с В.А. Кокоревым сыграли решающую роль в финансировании экипировки отряда. Вопреки желанию русского правительства Черняев вместе с Хлудовым в 1876 г. тайно выехали в Белград и вступили в сербскую армию. В 1877 г. войну против Турции начала и Россия, боровшаяся за укрепление своего влияния на Балканах. Война завершилась в 1878 г. подписанием Сан-Стефанского мирного договора.

²¹⁰ Описывая случай с Хлудовым в Лондоне, мне вспомнился неудачный грабеж двоюродного брата Н.А. Найденова Николая Николаевича Дерягина, занимавшегося скупкой шленской шерсти⁶⁷⁷ в южных губерниях для фабрики братьев Ганешиных. Я решился рассказать о нем, хотя это приключение не имеет ничего общего с семьей Хлудовых. Дерягин приехал в имение к одному богатому помещику, у которого он много лет подряд покупал шерсть. Его поместили в отдельном флигеле во втором этаже, с окнами, выходящими в сад, а в первом этаже разместились приехавшие с ним приказчики. Дерягин был охотник, бравший всегда с собою ружье и собаку, приученную спать под кроватью хозяина. Погода стояла теплая, и он лег спать с открытым окном. Крепко заснул. Разбудил его сильный лай и шум от падения тела; вскочил с кровати и видит: собака схватила за горло какого-то человека, валяющегося на полу. Оказалось, что один из поваров помещика, услышав от прислуги о приезде

Какой-то английский лорд пригласил Хлудова в свое имение поохотиться на фазанов, причем обратился к нему с просьбой: стрелять только самцов. В Москве, рассказывая об охоте, Хлудов, коварно улыбаясь, говорил: «Настрелял достаточно и принес всех в замок ощипанными от перьев – пусть отличает самцов от самок!..» Рассказывающий мне об этом поступке Хлудова указал, что сделано им это было не ради хулиганства, но чтобы в свою очередь дать понять лорду, что он обижен его замечанием об исполнении охотничьего правила, так хорошо ему известного.

Прислуга Михаила Алексеевича любила хозяина, считая его за нехитростного и простого человека, которого можно поэксплуатировать в свою пользу. Он, конечно, отлично видел их проделки, но относился к ним снисходительно, понимая, что и им хочется попользоваться у богатого человека; так, у него служил лакеем Прохор, которого он звал не иначе, как «Прошка», изучивший отлично нрав хозяина.

«Прошка! – кричит Михаил Алексеевич. – Опять у тебя нет воды в рукомойнике?» – «Позабыл, Михаил Алексеевич!» Взбешенный Хлудов закатывает ему одну-две оплеухи: «Будешь в другой раз помнить!» Но, видя прослезившегося Прошку, жалея его, вытаскивает из кармана три рубля и сует ему в руку. Пришедшему к нему в это время директору фабрики жалуется: «Приладился этот мерзавец Прошка, по три раза в неделю не наливает воды в рукомойник».

Михаил Алексеевич был большой любитель голубей, у него их было много, и ценных, помещенных в хорошо устроенной голубятне. Как-то уезжая за границу, он поручил Прошке наблюдать за ними. Прошло недолгое время после его отъезда, директор фабрики поинтересовался узнать от Прохора о состоянии голубей, спросил: «Как у тебя голуби?» – «Издохли, Александр Флорентьевич!» – «Ты уже успел их уморить?» – «Никак нет-с, я их не морил, а сами издохли!» Прошка отлично знал, что за это ему сильно достанется от хозяина, но потом он получит и хороший куш.

Из-за какой-то бестактности англичанина – директора Ярцевской мануфактуры произошла забастовка. В чем заключалась эта бестактность, я забыл. Но у меня осталась в памяти выходка иностранца – директора правления на одной из фабрик Кнопа. Во время какого-то большого праздника, когда в церкви шла служба, этот директор явился туда же в шляпе на голове, с сигарой во рту и с собакой на цепочке. Поступок этот вызвал сильное неудовольствие среди рабочих, закончившееся большой забастовкой. Думается, что и англичанин позволил сделать себе что-нибудь подобное, возмущившее сильно рабочих из-за неуважения к их обычаям и обрядам.

Фабричная ярцевская администрация вызвала хозяев на фабрику, но в то время еще здравствующий Алексей Иванович [Хлудов] и его сын Василий Алексеевич не пожелаали ехать, боясь эксцессов. На счастье их, в это время вернулся из какой-то поездки Михаил Алексеевич, он с удовольствием поехал на фабрику. Рабочие, узнав о его приезде, собрались громадной толпой в сильном возбуждении, с криком и руганью ожидая его прихода. Михаил Алексеевич вышел, без всякого выражения страха на лице, осмотрел быстро толпу, еще волнующуюся, что-то сказал, подняв руку, и вся толпа замерла; он подошел вплотную к главарям рабочих, начал говорить; все его слушали под каким-то как будто бы гипнозом, в толпе не раздалось ни одного голоса. Некоторые из инженеров, стоящих подальше, заметили: одного из рабочих он похлопал по плечу, другого по животу, третьему погладил бороду, что-то еще добавил к своим словам, и ближайшие рабочие все рассмеялись, после чего вся волнующаяся толпа рабочих направилась во главе с хозяином в питейное заведение, где и состоялось общее примирение.

скупщиков шерсти, решил ночью пробраться в комнату Дерягина и ограбить его, зная, что скупщики возят много денег для расплаты за шерсть, захватил с собой хорошо отточенный кухонный нож. Дерягин был небольшого роста, с виду слабого сложения, не представлявший из себя большую сопротивляющуюся силу, вор не предполагал, что собака спит в комнате хозяина.

⁶⁷⁷ *Шленская шерсть* – шерсть, полученная от овец «шленской» породы («шленок»), вывезенных Петром I из Силезии.

Забастовка кончилась, и на другой день вся фабрика заработала полностью. После угощения послышались возгласы рабочих: «Вот это хозяин... настоящий хозяин!»

М.А. Хлудов через министра двора Воронцова-Дашкова, с которым у него сохранились хорошие отношения еще со Средней Азии, получил разрешение поднести государю Александру III замечательного дога, отличающегося красотой и величиной.

Поехал в Петербург со своей женой. Рядом с их купе помещались молодые гвардейцы. Заметив интересную даму и стараясь обратить на себя ее внимание, они делали вид, что ошибаются купе, вместо своего входили к Хлудовым и всегда извинялись, говоря: «Ошиблись дверью!» И это проделывали несколько раз. Михаил Алексеевич наконец озлился и, когда еще раз было это проделано гвардейцем, он схватил сапог и ударил его. Остальные товарищи бросились защищать гвардейца. Хлудов выскочил в коридор вагона с засученными рукавами рубашки, готовыми для бокса кулаками и с угрожающим видом стал против четырех. Но драки не произошло.

По приезде в Петербург на вокзале попросили Хлудова к военному коменданту, которому обиженный гвардеец пожаловался на Хлудова, что дерзко обращался с ними, когда они по ошибке заходили в его купе. Был написан протокол, и комендант прочитал вслух, спросил Хлудова: “Так все это?” – “Нет, не так! – возразил он. – Гвардеец вам не сказал, что я его ударил сапогом, потом хотел с ними со всеми драться, а они испугались. Прошу все это написать. Завтра же, представляясь государю, доложу о поведении его гвардейцев”.

Комендант, рассмотревши бумаги Хлудова, увидал, что он имеет личное письмо от министра двора и завтра действительно должен быть у государя, предложил гвардейцам не возбуждать истории. Протокол был уничтожен.

Первая жена М.А. Хлудова Елизавета Алексеевна, полная жизни и здоровья, неожиданно скончалась. Приглашенные доктора во время ее страдания признали, что у нее заворот кишок, а потому спасти ее не представлялось возможным. Утром, после кончины Елизаветы Алексеевны, пришли из дома Хлудова к Елизавете Карловне Перловой сказать об этом, в это время у нее сидел ее зять, Василий Алексеевич Хлудов, и ее сын Василий Флорентьевич Перлов. Василий Алексеевич, как рассказывал Василий Флорентьевич, вскочил со стула бледный, со сверкающими глазами, закричал: “Она отравлена, я тоже отравлен, вот почему я всю ночь скверно себя чувствовал и до сего времени у меня во рту вкус веротрина”²¹¹.

Сейчас же послал В.Ф. Перлова в свою лабораторию, к заведующему ею провизору, чтобы он дал противоядие от яда веротрина. Он рассказал своей теще, что несколько месяцев тому назад Михаил Алексеевич заходил к нему и застал у него сидящего доктора Богуша, которого и спросил: “Какой яд может вызвать скорую смерть человека?” Богуш ответил: “Веротрин”. “А вчера я был в гостях у брата Михаила, где присутствовала его жена, велся общий разговор, вдруг брат Михаил вышел из комнаты; вскоре пришел лакей со стаканом кофе и поставил передо мной. Мне пить не хотелось, я выпил одну или две ложки, простился с Елизаветой Алексеевной и уехал. Предполагаю: не выпила ли она мой оставшийся кофе? Если она выпила, то естественно отравилась ядом, для меня приготовленным”. При чем рассказал, что у него была когда-то ссора с братом Михаилом, и он его пригрозил: “Меня еще попомнишь”.

Это предположение о случайной отраве Елизаветы Алексеевны не распространялось, а держалось в секрете, а потому долго не выходило из пределов их семьи. При писании моих записок о семье Хлудовых я очень просил Бориса Флорентьевича, который, как я знал, слышал об этом от своего брата Василия, которому все это дело было отлично известно, мне подробно рассказать; и это слышанное поместил здесь, хотя мне и раньше приходилось слышать от нескольких посторонних, что в семье Хлудовых много странных, неожиданных смертей, случайно минувших рук правосудия.

---

²¹¹ *Веротрин* – производное барбитуровой кислоты, распространенное в XIX в. сильное снотворное средство.

После трагической смерти жены Михаила Алексеевича у него остался малолетний сын, требующий воспитания и заботы материнской. Михаил Алексеевич женился вновь на Вере Александровне, урожденной Александровой, про которую говорили, что она до своего брака, еще при жизни жены, была в интимных отношениях с Михаилом Алексеевичем, Вера Александровна польстилась на его богатство, но жизнь у нее была не из легких: вечная боязнь за свою жизнь не только от тигра, которого, как она сама говорила, муж клал зачастую в постель, укладывая тигра между собой и женой²¹², но от постоянного ожидания всякой выходки пьяного и бешеного мужа, могущего в пылу гнева не только избить, но и убить.

У нее был защитник среди ее девических друзей доктор Павлинов, с которым она и сошлась близко. При его содействии она мужа, болевшего белой горячкой, сделала сумасшедшим, поместила в комнате с железными решетками в окнах, со стенами, обитыми толстым слоем ваты. И никого из родственников к нему не допускала. Зажила соломенной вдовой в громадном доме мужа в «тупичке».

Вскоре после этого, в 1883 году, Михаил Алексеевич скончался²¹³. На похоронных поминках произошел скандал. Василий Алексеевич публично обвинил Веру Александровну и доктора Павлинова, что они извели его брата: брат благодаря колоссальному своему здоровью не мог так скоро умереть. С Верой Александровной сделалась истерика, ее унесли из залы; дело тем и кончилось.

По духовному завещанию Михаила Алексеевича Ярцевская фабрика была оставлена его малолетнему сыну Алексею, если же он умрет неженатым, то фабрика переходит Вере Александровне, при условии, если она не выйдет замуж, а в противном случае она лишается наследства.

Его сыну Алексею недолго пришлось пожить: отданный учиться в реальное училище Воскресенского, в то время одно из лучших частных средних учебных заведений в Москве, он играл близ лестницы, кем-то был толкнут с нее, и от падения он скончался в 1885 году²¹⁴.

Хозяйкой Ярцевской фабрики сделалась Вера Александровна, но из дома в «тупичке» ей пришлось выехать: этот дом как родовой перешел к брату Михаила Алексеевича – Василию Алексеевичу, поспешившему в него перебраться, продав свой дом на Новой Басманной водочному заводчику Кошелеву²¹⁵.

Смерть мальчика Леша возбудила внимание всей Москвы, многие видели в этой смерти не случайность, но преднамеренность. Прокуратура тщательно проверила случайность смерти Алеша, не нашла злонамеренности; и сенсационные слухи еще долго продолжались между обывателями, но в конце концов замолкли.

Богатая молодая вдова купила себе дом на Пречистенке²¹⁶ и зажила весело. Она была первой в Москве, осветившей свой дом электричеством; в то время еще не было общественной электрической станции. Устройство электрического освещения дома поручила некоему Гантерту, представителю какой-то заграничной фирмы, производящей уже работу на ее Ярцев-

²¹² Ср.: «Я как во сне, как Хлудова, когда знаю, что ходит тигр и вот, вот» (*Толстой Л.Н.* Дневник [запись от 26 мая 1884 г.] // *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. М., 1952. Т. 49. С. 93).

²¹³ В последний период жизни, вплоть до кончины, следовавшей не в 1883 г., а 31 мая 1885 г., М.А. Хлудов, находившийся в болезненном состоянии, содержался на даче в Сокольниках. См.: *Московский листок*. 1885. 1 июня.

²¹⁴ Сын М.А. Хлудова, Алексей, учащийся реального училища К.П. Воскресенского на Мясницкой ул. (д. 43), умер от черепно-мозговой травмы ранее своего отца, до 1885 г. М.А. Хлудов в память о нем завещал свой дом и 350 тысяч рублей для создания детской больницы, которая была открыта в 1891 г. в здании на Большой Царицынской ул., д. 14. См.: *Власов П.В.* Обитель милосердия. М., 1991. С. 202—203.

²¹⁵ Свой двухэтажный особняк, выстроенный в 1884 г. на Новой Басманной ул. под № 19, В.А. Хлудов продал И.А. Кошелеву. Ныне в этом доме, надстроенном до пяти этажей, находится издательство «Художественная литература». См.: ЦАНТД. Басманная часть. Д. 1048/80—81. Ед. хр. 7—9.

²¹⁶ Вера Александровна Хлудова с 1885 по 1905 г. владела домом № 10 по ул. Пречистенке. Ныне дом имеет статус памятника архитектуры.

ской фабрике. Хлудова договорилась с ним, что электрическое освещение будет закончено к определенному дню, когда она собиралась устроить бал, чем удивить своих гостей. На этот бал пригласила всех своих знакомых и в том числе генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова, давшего ей согласие приехать.

Гантерт мне рассказывал: срок для исполнения работы был небольшой, и ему не хотелось брать ее, но Вера Александровна пригрозила, что в противном случае он лишится работы у нее на фабрике. На несчастье, Гантерт не мог найти в Москве готового нового локомобиля, пришлось взять подержанный, по виду хорошо отремонтированный. К назначенному часу и дню освещение в доме было совершенно готово, с кухнями, кладовыми, конюшнями и сараями. Гантерт водил хозяйку по дому, и оба любовались освещением; она мечтала, какой эффект произведет эта новинка на ее многочисленных гостей и у скольких она вызовет зависть! В это время пришел механик локомобиля и сообщил Гантерту, что локобель ненадежен: сильно парит, и посоветовал дать свет только в те комнаты, где будут гости, а остальные комнаты и все службы не освещать. К большому огорчению Веры Александровны и Гантерта, пришлось так сделать.

Несмотря на облегчение локомобиля, он работал все хуже и хуже. Пришлось осветить только парадные комнаты, а остальные комнаты осветить свечами. Рассчитывая на электричество, не запаслись свечами. Бросились в лавки, а они все заперты по случаю двенадцатого праздника, и наконец в какой-то лавочке, с заднего хода, был найден ящик свечей.

Гости начали собираться, электричество горит нехорошо, поминутно мигает. Ожидают приезда почетнейшего гостя, князя В.А. Долгорукова. В десять часов он прибыл, все столпились его встретить, и при входе его на лестницу локобель служить отказался – свет погас! Хозяйка упала в обморок, и ее отнесли в спальню. Пришлось залу и гостиные спешно освещать свечами²¹⁷. Гантерта после этого Вера Александровна не велела пускать в дом, и он навсегда лишился работы на Ярцевской фабрике²¹⁸⁶⁷⁸.

²¹⁷ Об этом бале писал и В. Гиляровский: «Это было в половине восьмидесятых годов. Первое электрическое освещение провели в купеческий дом к молодой вдове-миллионерше, и первый бал с электрическим освещением был назначен у нее. <.....> Как бы то ни было, а ужин был весел, шумен, пьян – и... вдруг потухло электричество! Минут через десять снова загорелось... Скандал! Кто под стол лезет... Кто из-под стола вылезает... Во всех позах осветило...» (Гиляровский В. Москва и москвичи // Гиляровский В. Собр. соч. М., 1967. Т.4. С. 222).

²¹⁸ Для управления Ярцевской мануфактурой В.А. Хлудова пригласила в качестве директора-распорядителя инженера-механика Михаила Лукича Лосева. Михаил Лукич был рекомендован ей Александром Лукичом Лосевым, о котором я уже писал в своих воспоминаниях как о человеке, отличавшемся большой хитростью. Александр Лукич, испугавшись, что его брат Михаил, получивший звание инженера, начнет вмешиваться в дела Собинской мануфактуры, им руководимой и хорошо идущей, поспешил его сплавить на Ярцевскую мануфактуру и тем избавиться от бесталантного человека, могущего только помешать успеху их собственного предприятия. И предположения Александра Лукича Лосева вполне оправдались: Михаил Лукич в Ярцевской мануфактуре не заслужил доброй памяти как делец и распорядитель. Его бесхозяйственность и нераспорядительность стали известны всем: фабрика останавливалась из-за недостатка хлопка и даже невзноса земельных налогов, от недостатка на фабрике запасных частей и тому подобное. Момент покупки хлопка был почти всегда неудачен: при дешевых ценах он отказывался от него, а в дорогие моменты запасался им. А потому Ярцевская фабрика не давала хорошей пользы. Кажется, в 1906 году Михаил Лукич был выбран в члены Государственного совета от Московского Биржевого комитета⁶⁷⁸, выдвинутый на эту должность Григорием Александровичем Крестовниковым, который впоследствии сам возмущался своим выдвижением, как он мне лично говорил: «Лосев в продолжение всего срока избрания не произнес в Государственном совете ни одного слова; держал себя униженно, как будто он был их приказчик». После избрания Лосева в члены Государственного совета он покинул Ярцевскую фабрику, на радость Веры Александровны и других, трудящихся в этом деле. На его место она пригласила моего товарища по службе в Большой Кинешемской мануфактуре Николу Ивановича Казакова. Казаков был совершенно неспособный к большому коммерческому делу, совершенно незнакомый с производством его; в Б. Кинешемской мануфактуре он заведовал кассой и ничем более не выказал своих способностей. Казаков пробыл в Ярцевской мануфактуре год и принужден был оставить ее. Вскоре после этого Хлудова продала Ярцевскую фабрику Н.И. Прохорову на очень выгодных для него условиях.

⁶⁷⁸ «Московское Биржевое общество, или, как обычно его называли – по имени его руководящего органа – Московский Биржевой комитет, было самой значительной, самой влиятельной представительской организацией торговли и промышленности в Москве, а ранее, и в течение долгого времени, и по всей России» (Бурьинский П.А. Указ. соч. С. 233).

ГЛАВА 31

Из оставшихся в живых сыновей Алексея Ивановича [Хлудова] – Василий Алексеевич, нужно думать, в молодости был обаятельным мужчиной: выше среднего роста, хорошо и пропорционально сложенный, с хорошей растительностью на голове и бороде, с выразительными карими глазами.

Я познакомился с ним, когда ему было около пятидесяти лет, он на меня произвел весьма приятное впечатление, даже без желания с его стороны заручиться моим расположением; когда же он хотел этого, то подходил просто, мило улыбаясь, пожимал руку, тихим, вкрадчивым голосом говорил. И выходило у него все это так мило, как будто были знакомы с ним давно и даже состояли в дружеских отношениях. Если же он желал на кого-нибудь произвести впечатление, то ему это удавалось без большого усилия.

Дам же приводил в восхищение своим милым с ними обращением: ласково улыбался, брал ручку, глядя и нежно целуя, заискивающе с улыбкой смотря им в глаза. Мог ли он им не понравиться? С университетским образованием, музыкант, богатый, с красивым лицом и карими глазами, обращением нежным и милым. И действительно, романов у него было без числа.

Мне казалось, ему в жизни давалось все легко, как будто он был создан для наслаждения. Коммерческая Москва его знала и им интересовалась, хотя он не занимался общественными, торговыми и промышленными предприятиями, если не считать выдачи под векселя денег из лихвенных²¹⁹ процентов богатым дамам, попавшим временно в затруднительное положение из-за своих любовников и принужденным брать деньги не из своих дел, чтобы не обратить внимание на свои похождения мужей и служащих. Владел большим домом на Ильинке, со многими магазинами, конторами и другими доходными имениями, разбросанными в разных губерниях. Да, как мне думается, Василий Алексеевич мало занимался всеми этими делами; и выдача денег запутавшимся дамам, и управление домами и имениями были поручены им своему управляющему, который способствовал к увеличению капиталов и увеличению алчности у своего хозяина. Василий Алексеевич, понятно, был сильно рад быстрому обогащению, но он не любил над делами задумываться и беспокоиться, а его голова и мысли были среди отвлеченных предметов, углубляясь и интересуясь предметами вне времени и пространства.

Когда Василий Алексеевич сделался мне свояком²²⁰, то приходилось с ним довольно часто встречаться, и невольно бросалась в глаза его углубленность в какие-то мысли, поглощающие его всецело. Он, даже находясь в большом интересном обществе, по временам не замечал окружающих его людей, и часто приходилось называть его по имени и отчеству и трогать его руку, чтобы он очнулся от каких-то угнетающих мыслей, чтобы получить от него нужный ответ. Когда в разговорах был задеваем чем-нибудь, что шло вразрез с его мнением, то он с горячностью развивал свою мысль, начинал спорить, убеждать и в это время походил на фанатика-дервиша своими растрепанными волосами, сверкающими глазами и мимикой. Меня всегда интересовало узнать о причине такого углубления Василия Алексеевича в самого себя. Много раз пытался завести разговор с ним по этому поводу, но он моментально делался замкнутым, молчаливым, его можно было тогда сравнить с улиткой, скрывшейся в скорлупке при малейшей для нее опасности. Когда же я начинал расспрашивать о его материальных переживаниях, он с охотой рассказывал, и они были интересны.

---

²¹⁹ *Лихвенный* – завышенный, ростовщический.

²²⁰ В.А. Хлудов был женат на Нине Флорентьевне Перловой, сестре второй жены автора, Ольги Флорентьевны Перловой.

Мне казалось, что в жизни Василия Алексеевича была какая-то тяжелая драма, от которой он отделаться не мог. Причем эту тайну знал Василий Флорентьевич Перлов, брат его жены Нины Флорентьевны, служащий у него в качестве главноуправляющего над всеми его делами.

Почему у меня составилось такое предположение, могу объяснить тем влиянием, которое Перлов на него имел, не обладая душевными качествами, без которых трудно иметь влияние на образованного, умного и развитого человека, каким был В.А. Хлудов. В.Ф. Перлов хотя получил высшее образование (инженер-механик), но, с душою грубой и нечуткой, стоял ниже во всех отношениях Василия Алексеевича.

Присматриваясь к Василию Алексеевичу, нельзя было не заметить выделяющуюся черту его характера – страстную жадность к деньгам; между тем он не подходил к типу Гарпагона²²¹ уже из-за одного того, что, приобретя имение в Сочи, он в голове составил широкий план для устройства образцового хозяйства с громадными для этого затратами. Между тем всякая выдача денег, как бы она ни была мала, составляла ему вроде мучения.

Одна из его родственниц рассказывала мне: «Василий Алексеевич часто бывал у моей матери, и было замечено, что ни разу не дал на чай провожавшей его горничной и, уходя, обыкновенно говорил: «Ах, милочка, мелочи со мной нет, считай за мной!» Приезжая на извозчике, обращался к матери моей: «Пожалуйста, заплати двугривенный извозчику, забыл взять деньги, потом тебе отдам». Но ни разу не отдал».

Жена Василия Алексеевича знала о любовных похождениях своего мужа и, боясь, что он бросит ее с детьми, настойчиво требовала обеспечить их, но ее просьбы и требования ни к чему не привели; она знала о влиянии своего брата на мужа, к которому и обратилась с просьбой о содействии. Обеспечение ее быстро состоялось: она получила имение Пески²²², дом в Севастополе стоимостью 200 тысяч рублей и несколько участков земли в Сочи²²³.

Как-то Василий Алексеевич с женой должны были ехать куда-то. Он приказал лакею сказать кучеру, чтобы лучшую пару запрячь в новый экипаж и подать к определенному часу. Вернувшийся лакей сообщил: «Пара лучших лошадей запряжена в новый экипаж и подана Василию Флорентьевичу, и он на ней уехал». Лицо Василия Алексеевича от гнева побледнело, но он промолчал. Нина Флорентьевна, возмущенная поступком брата, сказала: «Я завтра обязательно сделаю ему выговор: как он может распоряжаться лошадьми без спроса!» Василий Алексеевич замахал на нее руками: «Молчи, молчи! Это не твое дело... Поедем с конюхом в старом экипаже».

Василию Алексеевичу было хорошо известно, что арендаторы его магазинов на Ильинке уплачивают мзду за сдачу им; если бы они Василию Флорентьевичу не уплатили, то им не пришлось бы торговать на этом бойком месте. Тоже он знал о привлечении В.Ф. Перлова к судебной ответственности известной кафешантанной певицей за произведенный им дебош в ее квартире. На суде Василий Флорентьевич объяснил свой поступок тем, что она обошлась ему больше 20 тысяч рублей, после чего выпроводила из дома, заменив его более щедрым поклонником²²⁴.

Влияние Василия Флорентьевича на своего хозяина невольно приводило к мысли, что их связывает что-то общее. Хлудов боится его, а потому поневоле подчиняется ему, хотя в душе его презирает. Однажды при разговоре со мной у него вырвались слова: «Прежде некоторым людям руки бы не протянул, а теперь приходится...» – и замолчал.

²²¹ *Гарпагон* – персонаж комедии Ж.-Б. Мольера «Скупой», маниакальный скряга.

²²² Имение В.А. Хлудова *Пески* находилось вблизи одноименной станции на 95-й версте Московско-Рязанской железной дороги. Ныне в усадебном доме расположено медицинское учреждение.

²²³ В.А. Хлудов владел винодельческим хозяйством и виноградником площадью 2000 десятин в имении Раздольное вблизи Сочи. Ныне часть бывшего имения входит в сочинский курортный парк «Ривьера».

²²⁴ Василий Флорентьевич получал жалованье у Хлудова 6000 рублей, проживал гораздо больше этой суммы, кроме того, делал сбережения, выражающиеся в постройке двух домов, а что у него было в банках, понятно, никому не было известно.

Нина Флорентьевна Хлудова и ее сестры определяли влияние их брата на Василия Алексеевича его слабостью духа, нежеланием ничем себя беспокоить, говоря: «Часто встречаются люди умные, благородные, подчиняющиеся людям грубым, но с сильным духом». Может быть, это и так.

Василий Алексеевич увлекался в жизни многим; увлекшись одним, первое время сильно над ним работал, но быстро охладевал, не добившись желаемого, переходил на другое, и все время продолжалось так.

Одно из первых увлечений его была химия. Устроил в своем доме лабораторию, помещающуюся в двух больших комнатах, наполненных шкапами с банками с разными специями. Во главе лаборатории был поставлен опытный провизор, здесь производились разные опыты и изыскания, в числе их добивались открытия способа получения анилиновых красок, в этой работе принимал участие доктор Богуш. Говорили, что им удалось сделать это открытие, но патент получить не могли, так как кто-то другой сделал это несколькими днями раньше их, заработав на этом громадные деньги.

Интерес к занятию химическими опытами постепенно охлаждался, и Василий Алексеевич начал увлекаться работой скрипок: в доме своем открыл мастерскую, пригласил опытного мастера по деланию скрипок, добиваясь создания скрипки наподобие старинных мастеров, но, не добившись нужных результатов, бросил это дело.

В 1882 году Василий Алексеевич поехал путешествовать по побережью Кавказа, попал в город Сочи; год этот остался у меня в памяти, так как я тоже в это время был там. В.А. Хлудов, пораженный красотой и могучеством дикой природы, а главное – дешевизной земли, отлично понял, что может вскоре извлечь из нее, накупил земли в большом количестве. На части купленной им земли он начал производить большие агрикультурные работы. Устраивал питомники, засаживал сотни десятин виноградником, разными плодовыми деревьями, но, не посоветовавшись с опытными и знающими людьми, плоды от своих трудов получал плохие: виноград получился сладкий, вкусный, но вино из него было плохое; фрукты тоже хорошие, но на вывоз не годились: быстро гнили и портились. Деньги же на все это тратились громадные. Он начал охладевать к этому делу. Между тем в это время его родственник Н.А. Костырев²²⁵ добился на своих землях хороших результатов, он, испробовавши все фруктовые деревья, остановился на сливе, начал ее сушить, превращая в чернослив, требуемый публикой в большом количестве, и получал от своих земель хорошую пользу.

После неудачных трудов в практической области Василия Алексеевича потянуло к духовному мирозерцанию, он стал задумываться о будущей жизни. Углубился в Евангелие, читал его и перечитывал, испещряя его своими заметками, стараясь перетолковать евангельские мысли на свой лад, с изложением их на бумаге, печатанием и изданием брошюр; начал ездить к Льву Николаевичу Толстому, спорить с ним, убеждать его в чем-то²²⁶, но все его благие увлечения свелись к спиритизму с его материалистическими явлениями, предполагал, что этим он скорее подойдет к духовному миру. Выписывал он из-за границы известных медиумов с громкими именами, потом разыскивал русских медиумов как более доступных в смысле издержек.

Из разговоров с его родственниками, близкими к нему, у меня составилось предположение, что спиритизм повлиял на него в дурную сторону, сблизив его с людьми сомнительных нравственных качеств. Эти люди, при помощи медиумов, внушали ему мысли и разжигали его страсти к дальнейшим материальным успехам, и при помощи их он был втянут в Общество «Сталь», дело грюндерской²²⁷ хватки, приведшее его к потере значительной части капитала. Воспоминание об Обществе «Сталь» я помещаю в отдельной, 32-й главе.

---

²²⁵ Правильно – Костарев.

²²⁶ Сведений о контактах Л.Н. Толстого и В.А. Хлудова нам разыскать не удалось.

²²⁷ Грюндерство (от нем. Gründer – ‘основатель, учредитель’) – массовая организация предприятий, акционерных обществ,

После окончательного провала Общества «Сталь» Василий Алексеевич не переставал увлекаться разными делами, но более мелкими, не требующими больших затрат, но после всех неудач он увлекся изобретением вечнодвижущейся машины (перпетуум-мобиле). Для чего тратил достаточно денег на устройство разных машин, приборов, винтов и тому подобных вещей, тщательно их пряча от взоров посторонних, посвящая им все свое время уже до конца своей жизни.

Василий Алексеевич был интереснейший человек, его энциклопедичность поражала; когда он был в ударе, то его речь, по какому бы ни было предмету, всегда отличалась яркостью и оригинальностью. Оставшиеся в моей памяти те немногие вечера, когда он был в добром настроении, удивительно были хороши и заняты, подбадриваемый собравшимся обществом лиц, ему симпатичных, увлекал всех присутствующих, и вечер за чайным столом проходил незаметно до глубокой ночи, кончался с неприятным чувством из-за необходимости расходиться.

Посещения его известными лицами, как В.С. Соловьевым, писателями-супругами Мережковскими²²⁸, А.С. Шмаковым, музыкантами Танеевым и А.В. Соловцовым, проф. Н.Е. Жуковским, С.А. Муромцевым, генералом Драгомировым, были не как к богатому меценату с целью получить от него какой-нибудь интерес материальный, но его общество доставляло им удовольствие, принося им много любопытного и нового.

Во время вечеров с приглашенными гостями открывался большой кабинет, в котором хозяин никогда не занимался, предпочитая комнату в верхнем этаже, с низкими потолками, где было уютнее и теплее. Кабинет отличался полным отсутствием каких бы то ни было книг, а также бросались в глаза широкие потолочные карнизы, исполненные художественной лепкой, с изображением четырех сезонов года, что, как мне казалось, не гармонировало с комнатой, предназначенной для серьезных работ, наполненной тяжелой мебелью. В нижнем этаже, где помещался кабинет, находилась большая красивая столовая, куда приходилось проходить через бильярдную. По широкой мраморной лестнице поднимались во второй этаж, где находились гостиная и зала, не разделяющиеся стеной. Зала была очень большая, но странно узкая от непонятной экономии в стройке Алексея Ивановича, приказавшего архитектору убавить на сажень ширину этой комнаты, чем намечалось по плану, и тем испортив превосходную залу, отделанную под белый мрамор²²⁹.

В зале был вделан в стене орган²³⁰, на котором играл сам хозяин, стояли две рояли, а потому часто можно было слышать игру в восемь рук. Вся семья Василия Алексеевича была музыкальная, старший сын играл на скрипке, второй на трубе, а остальные его дети на рояли. В какой бы час дня ни пришли бы к ним, всегда слышали музыку.

В обыденной жизни Василий Алексеевич отличался большими странностями: если случайно заходили к нему, он встречал вас в распахнутом халате и своим откровенным видом приводил в смущение не только дам, но даже и мужчин.

Невнимание к своим поступкам у него было полное. Когда он бывал в гостях у своих родственников, занимающихся коллекционерством, можно было заметить на лицах хозяев неко-

банков, сопровождаемая биржевыми спекуляциями, ажиотажем и жульническими махинациями.

²²⁸ Имеются в виду Д.С. Мережковский и его жена З.Н. Гиппиус.

²²⁹ Двухэтажное здание с мезонином в домовладении № 5—7 по Хлудовскому (ныне Хомутовскому) тупику было построено А.И. Хлудовым в 1864 г. По завещанию отца в 1882 г. дом перешел к В. А. Хлудову, у которого родовая усадьба была выкуплена братом М.А. Хлудовым. После смерти последнего дом снова перешел во владение В.А. Хлудова: на первом и втором этажах старого особняка находилась его квартира, а на антресолях девять комнат занимал В.Ф. Перлов. Сейчас в здании, надстроенном в 1950-х гг. на один этаж, располагаются медицинские учреждения. См.: ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 62. Д. 772. Л. 1—27; ЦАНТД. Басманная часть. Д. 492/340.

²³⁰ Орган, находившийся в музыкальном салоне в доме В.А. Хлудова, был изготовлен в 1868 г. в гор. Вайсенфельде (Германия). В 1898—1959 гг. орган помещался в Малом концертном зале Московской консерватории и позже в детской музыкальной школе № 1. Ныне старейший московский орган хранится в Музее музыкальной культуры (сообщено М.С. Хлудовой).

торый трепет при виде, как Василий Алексеевич берет в руки какую-нибудь вазу или другую какую-нибудь хрупкую вещь, из-за боязни, что из рук его она выйдет искалеченной или разбитой. Наливая воду в изящный фужер, ухитрялся разбить его или вместо фужера лил на скатерть и не замечал этого. В сладкий пирог, поставленный на отдельном столике для удобства играющих в карты, тушил окурки папиросы, втыкая в середину пирога; или, волнуясь от карточной игры, оставлял своих партнеров, шел в гостиную, садился на диван, тушил папиросу втыканием ее в дорогую изящную подушку. Сидя за чайным столом в гостях, оживленно беседуя с соседом, пододвигал вазу с вареньем и своей ложечкой брал из нее в рот, в то время когда перед ним стояло блюдечко, специально для этого назначенное. И таким действием возмущал хозяина, своего свояка Крафта²³¹, от удивления быстро надевшего монокль, чтобы лучше рассмотреть: не чудится ли ему это; после чего сказавшего лакею подать другую вазу с таким же вареньем, а имеющуюся ближе пододвинуть к Василию Алексеевичу, чтобы ему удобнее из нее кушать. Но Василий Алексеевич на все это не обратил внимания, только приятно улыбнулся лакею, пододвинувшему ему вазу с вареньем, находя, что лакей ему хотел услужить.

Моя жена предполагала однажды после парадного обеда устроить музыкальный квартет, в числе участвующих в этом квартете должен был быть Роман Васильевич Живаго со своей страдивариусской скрипкой²³². Живаго крайне берег этот инструмент: когда он ехал куда-нибудь с ним, то обязательно в карете, в сопровождении кого-нибудь из своих друзей. Скрипка досталась ему с большим трудом и даже, как говорил он, с опасностью для жизни. Приобретение ее состоялось в 1905 году во время первой революции у испугавшегося помещика в какой-то глухой западной губернии. Имение находилось в 40—50 верстах от железной дороги. Ехал он туда в холодных нетопленных вагонах, потом на лошадях, с трудом находимых, с уже в то время начавшимися забастовками, с пожарами в помещичьих усадьбах, с неприятными встречами подозрительных бродяг, вызывающе осматривающих проезжающего, но, как видно, опасаящихся ружья и собаки, бывших с ним. Заплатил за скрипку, как он говорил, 20 тысяч рублей, но очень вероятно, что эта сумма им преувеличена из-за хвастовства. Добивался он приобретения скрипки Страдивариуса долго, наконец это обратилось у него в *idée fixe*²³³, и потому он, достигнув этого, берег ее как зеницу ока.

Приехав ко мне, его первая забота была: где бы он мог положить скрипку. Я посоветовал положить в кабинете, уверенный, что во время обеда никто в него не придет.

После обеда я пошел в кабинет – и представьте мой ужас! Вижу Василия Алексеевича, держащего в руках Страдивариуса, проделывающего с ним разные эксперименты, вертя в руках, стуча по скрипке, дергая струны, чего я бы не стал делать даже с игрушечной скрипкой. Я не был уверен, что Василий Алексеевич не задумается потушить свой окурочек папиросы о скрипку, как он задумывался втыкать окурочек в пирог или в художественную подушку. Сломай или оцарапай он ее, то с Живаго мог бы быть припадок его душевной болезни, которая с ним иногда повторялась. Я бросился за ним и привел его. И мы вместе с ним с трудом уговорили Хлудова положить скрипку в футляр²³⁴.

²³¹ Речь идет об Александре Николаевиче Крафте – муже Л.Ф. Крафт, сестры Н.Ф. Хлудовой (урожд. Перловой).

²³² Р.В. Живаго был талантливым скрипачом и коллекционером скрипок, среди которых были инструменты работы Н. Амати и А. Страдивари. Дом Р.В. Живаго считался одним из музыкальных центров Москвы, здесь давались концерты скрипичной музыки в исполнении квартета при участии хозяина. См.: *Лобыцкина М.* Кто вы, доктор Живаго? // *Знамя.* 1993. № 5. С. 206.

²³³ *Idée fixe* – навязчивая идея (фр.).

²³⁴ Кстати расскажу о причине страстного желания Живаго обзавестись страдивариусской скрипкой. В один из полупраздничных дней, когда в конторе работа кончалась в 2 часа дня, мы вместе отправились прогуляться по Кузнецкому мосту, где встретили нашего покупателя Ивана Александровича Коновалова, любителя пофланировать там. Пошли вместе пройти по Тверской улице. Идя мимо булочной Филиппова⁶⁷⁹, я предложил зайти выпить кофе. Коновалову очень не хотелось туда заходить, он сказал: «Неловко сидеть там с разными барышнями сомнительного поведения и с конторщиками и с артельщиками мне, Коновалову; чего доброго, если встретишь там кого-либо из моих служащих». Мы его уговорили, он согласился, но прибавил: если мы в свою очередь исполним его просьбу зайти к нему и у него пообедать. Жил он недалеко от Тверской на Малой

Как я уже писал, Василий Алексеевич был разносторонне образован, по предметам, его интересующим, много читал, а потому спорил с уверенностью в своей непогрешимости. Когда он проезжал как-то в свое имение Нагольное, находящееся в области Войска Донского, с ним рядом сидел мужчина скромно одетый, с виду небогатый, разговорились об овцеводстве. Василий Алексеевич, считая себя за знатока по овцеводству, начал доказывать авторитетным тоном о методах овцеводства, заспорили.

– Слушайте! – сказал Василий Алексеевич. – Зачем вы со мной спорите? У меня большое овцеводство, имею две тысячи голов.

– Ну! – отвечал незнакомец. – А у меня столько же сторожевых собак для овец!

– Кто же вы такой? – спросил смущенный Василий Алексеевич.

– Моя фамилия Мазаев.

Мазаев был большой и известный овцевод, славившийся разведением новых пород овец и много об этом писавший. У него, как говорили, было стадо в несколько десятков тысяч голов.

Я расскажу несколько эпизодических случаев из жизни Василия Алексеевича, которые от него слышал.

Василий Алексеевич долго жил в Сочи; пребывание ему там достаточно надоело, он стремился всеми силами скорее уехать в Москву, но, на его несчастье, все время было бурное море, пароходы в Сочи не останавливались. В то же время жил там другой господин, тоже стремящийся поскорее оттуда выбраться, но его задерживала более серьезная причина: он не мог продать свою землю в Адлере, покупателей не находилось. Он неоднократно обращался к Хлудову с просьбой купить его землю, но Василий Алексеевич отказывался. Однажды Василий Алексеевич и этот господин сошлись на пляже, господин начал усиленно убеждать Василия Алексеевича купить землю. Уговоры его были очень настойчивы и надоедливы. Василий Алексеевич, желая переменить с ним разговор, сказал: «Поедемте-ка лучше кататься по морю, подальше отъедем, увидим, быть может, пароход». Хотя в душе был вполне уверен, что в этот день ожидать прибытия парохода нельзя. Сели в лодку, поехали. Но надоедливый господин не унялся, опять начал упрашивать Василия Алексеевича купить у него землю. Василий Алексеевич наконец, смеясь, сказал: «Хорошо, если пароход сегодня придет в Сочи, то будь по-вашему – куплю землю у вас; а если не придет, то не куплю». На этом кончился разговор о земле. Какое же было удивление В.А. Хлудова и радость господина, когда они через короткое время увидели дым парохода, а потом силуэт его.

Василию Алексеевичу пришлось исполнить свое слово, и он купил его 300 десятин земли за 20 тысяч рублей. Через 10—15 лет у него была масса желающих купить небольшие участки

Дмитровке. И.А. Коновалов, показывая нам свою квартиру, богато и со вкусом убранную, привел нас в комнату своего сына Александра Ивановича, гимназиста, ученика последнего класса. На столе у него лежала скрипка. Живаго был талантливый человек и увлекающийся; раньше он пылал страстью к охоте, к ружьям, к собакам, потом к живописи, а в последнее время увлекался музыкой, избрав себе инструмент скрипку. Брал уроки, усидчиво занимался и уверял, что учитель его им доволен, находит талантливым и ожидает, что из него сделается отличный скрипач. Живаго, увидав лежащую скрипку, спросил у молодого Коновалова разрешения поиграть на ней. Живаго настроил скрипку, провел канифолью по смычку и начал играть. Сыграв какую-то вещь, обратился к Александру Ивановичу: «Вам нужно иметь скрипку получше! Звук у вашей плох!» – «Как плох? – вскочил со стула Коновалов, даже немного побледневши. – Что вы говорите? Это скрипка Амати... мой учитель (называя фамилию известного скрипача, фамилию забыл) перед своей кончиной продал мне ее, говоря: "Я хочу, чтобы она досталась вам как лучшему ученику"». Быстро взял из рук Живаго скрипку и заиграл. Поились чудные звуки, играл он как большой артист. Живаго и я были поражены. Коновалов сыграл ту же вещь, что и Живаго, но исполнение ее было совершенно другое. Мы пристали к нему сыграть еще что-нибудь. Он с неохотой согласился, и во время игры у него из глаз лились слезы – он плакал! Когда он кончил, то сказал: «Мне доктора строго запретили заниматься музыкой, нервы не выносят ее... видели – я даже плакал... уже несколько месяцев не играю... сыграл только потому, что Роман Васильевич обидел мою любимицу». Эпизод этот вызвал частые насмешки над Живаго со стороны лиц, слышавших мой рассказ о нем. На Живаго тоже действовала игра Коновалова: он сильно начал заниматься музыкой, и у него развилось желание вроде мании – приобрести скрипку лучшего в мире мастера Страдивариуса. Играл Живаго у меня на Страдивариусе хорошо, но все-таки игра его была далека и даже очень далека от игры коноваловской.

⁶⁷⁹ Лучшие в Москве хлебопекарни и булочные-кондитерские придворного поставщика Д.И. Филиппова были расположены во всех частях города. Главный магазин был на Тверской ул. (ныне магазин «Хлеб» в д. 10).

земли по 40—50 рублей за кв. сажень, то есть, продав из этой земли только 100 десятин, он выручил бы около 10 миллионов рублей, что называется «на ловца и зверь бежит».

Василием Алексеевичем был получен перевод на 30 тысяч рублей на Коломенское отделение Государственного банка. Отправляясь за получением денег, сначала заехал в свое имение Пески, а оттуда поехал в Коломну. Придя в банк, получил деньги, положил их в карманы своего сюртука и скорее отправился на станцию на своих лошадях, привезших его. Пospел как раз к отходу поезда. Была зима. В вагоне было натоплено жарко, он снял шубу и повесил на крючок. Когда подъезжали к какой-то станции, уже начало смеркаться, и в это время, к своему удивлению, он увидел: какой-то незнакомец, проходя по коридору вагона, подошел к его шубе, снял ее с крючка и быстро пошел к выходу. Василий Алексеевич вскочил и бросился за ним вдогонку. Вор с шубой выскакивает на ходу из поезда на платформу, но Василий Алексеевич не выскочил из вагона, а только кричит, желая обратить внимание жандарма. Жулика моментально схватывают, составляют протокол. Через некоторое время Хлудов вызывается в суд в качестве потерпевшего. Сидя в суде, Василий Алексеевич с любопытством осматривал вора. Вид его был такой ничтожный и жалкий, что ему стало жаль этого глупого жулика. Когда председатель суда вызвал Хлудова и спросил: может ли он подтвердить, что сидящий на скамье подсудимых есть тот вор, который взял из вагона его шубу, Василий Алексеевич ответил: он не помнит лицо вора, возможно, сидящий и не был вором его шубы. Подсудимый утверждал: он шубы в вагоне не брал, а увидел валяющуюся на платформе шубу, поднял и был тотчас же арестован.

Суд оправдал его. Выходя из суда, Василий Алексеевич встретил оправданного вора, обратившегося к нему с просьбой помочь ему чем-нибудь как невинно пострадавшему. Василий Алексеевич сказал: «Я отлично помню, что шубу стащил ты, но пожалел тебя и не сказал правды». Дал ему трешку и посоветовал больше не воровать. «За вашу доброту благодарю вас и скажу: хорошо, что не выскочили за мной на платформу, тогда бы деньгам вашим, а может быть, и вам был бы каюк!.. за вами следили с банка и знали, сколько везете денег. Я взял шубу, только чтобы выманить вас из вагона, тогда бы вас окружили, и остались бы без денег, а сопротивлялись бы — могло быть и хуже».

Интересен рассказ Василия Алексеевича о его зяте Абраме Абрамовиче Морозове, имевшем большую фабрику под наименованием Товарищество Тверской мануфактуры. В семидесятые годы прошлого столетия было большое затишье с миткалем, бязями²³⁵ и другими суровыми бумажными товарами²³⁶ на московском рынке. Морозову пришла мысль поспекулировать с этими товарами, и им было дано распоряжение маклерам скупить все суровье, имеющееся в наличности. Это было исполнено, и Тверская мануфактура нажила на этой операции большие деньги. Через некоторое время опять на рынке создалась такая же конъюнктура: с суровьем получилась заминка. А.А. Морозов опять проделал то же самое, но только в гораздо большем размере и от этой спекуляции нажил еще больше, чем от первой.

На деньги, полученные от этих спекуляций, Товарищество Тверской мануфактуры закупило в Тверской и смежных с ней губерниях около 300 тысяч десятин лесов, желая обеспечить топливом свои фабрики на вечные времена. Удача спекуляции окончательно вскружила голову Абраму Абрамовичу, и при следующей заминке с суровьем он решил проделать то же самое. Скупил громадные партии суровья, но, чем он больше покупал, к нему шли новые предложения суровья, даже с понижением цены. Товарищество Тверской мануфактуры должно было быть окончательно разорено, но стали замечать, что с Абрамом Абрамовичем делается что-то неладное; его тесть Алексей Иванович Хлудов пригласил лучших докторов для освидетельствования его душевного здоровья. Доктора определили полное сумасшествие, без всякой надежды на

²³⁵ Бязь (от араб. bāzz) — толстая одноцветная хлопчатобумажная ткань.

²³⁶ Суровый бумажный товар — неокрашенные ткани из хлопкового волокна серого или желтоватого цвета.

выздоровление. Оказывается, что и первые его сделки были произведены во время начала его душевной болезни. Сделки, произведенные на суровье, все были уничтожены как сделанные ненормальным, больным человеком. От двух же первых спекуляций деньги остались в Товариществе и послужили к дальнейшему преуспеянию его.

Как-то Василий Алексеевич рассказал об одном своем приятеле-еврее, очень милом, хорошем и образованном человеке, который у него часто бывал, и они подолгу беседовали. Еврей все время мечтал переехать жить в Америку, страну демократии и свободы, наконец его желание осуществилось, и незадолго до своего выезда он пришел к Худову с просьбой одолжить ему заимообразно 50 рублей. Худов дал. За день до его выезда туда он пришел проститься, с видом очень смущенным обратился к Василию Алексеевичу со словами: «Я должен вам пятьдесят рублей – не отдам: для вас пятьдесят рублей сумма маленькая, но она мне должна принести счастье на новом месте моего жительства». Худов удивленно на него посмотрел и спросил: «Как может эта небольшая сумма принести успех вам в Америке?» Еврей ответил: «По законам нашего Талмуда, еврей, покидающий навсегда страну, должен огорчить человека, с которым он был в дружеских отношениях, и тогда на новом месте он может рассчитывать на успех».

«И вы можете верить этому?» – спросил Василий Алексеевич – «Ну, что делать. Я так воспитан и все талмудическое впитал в себя с материнским молоком». Василий Алексеевич ему ответил: «Берите пятьдесят рублей, я буду рад, если по Талмуду вашему они принесут вам пользу».

Василий Алексеевич отличался хорошим здоровьем, но под конец своей жизни почувствовал себя плохо, по настоянию его жены был приглашен его знакомый доктор Николай Дорофеич Титов. Титов, осмотрев и выслушав его, сказал: «Крепкий же вы человек! У вас было воспаление в легких, вы его перенесли на ногах, даже выходили из дома». Через несколько месяцев у него возобновилось воспаление, он хотя на воздух не выходил, но в кровати не лежал. Однажды вечером я пришел навестить его. Мне его жена сказала, что он сам выйдет ко мне. Он пришел, по виду не было заметно, что он серьезно болен: бодро говорил, шутил и был довольно весел, и я ушел от него в 12-м часу. На другой день в 8 часов утра от Худовых по телефону сообщили: Василий Алексеевич в 4 часа утра скончался.

Мой девятилетний сын, проснувшийся утром, спросил вошедшую гувернантку: «Почему Василий Алексеевич так рано к нам приходил? Он стоял около моей кровати и улыбался». Бывало, Василий Алексеевич, говоря с Ваней, скажет ему: «Слушай, Ваня! Когда я умру, обязательно к тебе приду, ты смотри не пугайся!» Это приходилось слышать от него много раз, и это Василий Алексеевич говорил только Ване, а другим моим детям не говорил.

Моей жене и мне хорошо запомнились слова Василия Алексеевича, а также рассказ Вани о появлении Василия Алексеевича у его кровати в день его кончины. Но другой мой сын, на год моложе Вани, спавший в соседней комнате, говорит, что у него сохранилось в памяти иначе: Ваня проснулся рано утром и увидел, что в ногах его постели стоит старик с седой бородой. Он сильно перепугался, закрылся одеялом с головой и уже не мог заснуть до утра.

В это время стало известно о кончине Василия Алексеевича, а потому все и решили, что к Ване явился Василий Алексеевич, как он о том всегда ему говорил²³⁷. Василий Алексеевич скончался в 1913 году, семидесяти двух лет от роду.

---

²³⁷ О трагической судьбе Ивана Варенцова писал А.И. Солженицын: «Несколько десятков молодых людей сходятся на какие-то музыкальные вечера, не согласованные с ГПУ. Они слушают музыку, а потом пьют чай. Деньги на этот чай по сколько-то копеек они самовольно собирают в складчину. Совершенно ясно, что музыка – прикрытие их контрреволюционных настроений, а деньги собираются вовсе не на чай, а на помощь погибающей мировой буржуазии. Их арестовывают всех, дают от трех до десяти лет <.....>, а несознавшихся зачинщиков (Иван Николаевич Варенцов и другие) – расстреливают!» (Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918—1956. М., 1989. Т. 1. С. 52).

ГЛАВА 32²³⁸

1896—1897 годы могут быть отмечены избытком капиталов на денежных рынках: банки, банкирские конторы, богатые люди изыскивали предприятия для помещения в них своих накоплений с целью получить больший процент, чем с ипотечных бумаг.

Кредиты были дешевы, можно было получить деньги дешевле 4%.

В это время С.-Петербургский Международный банк, во главе которого стоял Ротштейн, протеже Витте²³⁹, организовал Общество «Сталь». Были произведены большие расходы по организации дела, тогда лишь только стало известно Ротштейну, что сделанные затраты не оправдывают своих назначений. Ротштейн, чтобы выйти из этого неприятного положения, решил переложить всю тяжесть этого дела на плечи других. С этой целью пригласил так называемых «дельцов», не брезгающих никакими способами, лишь только бы нажиться. Во главе этих дельцов были поставлены Фейнберг, Волынский, военный геолог генерал Семенов и много еще других. На Московской бирже между ловко намеченным определенным кругом лиц были распространены слухи о громадных и неисчислимых залежах железной руды, находящихся близ Ладожского озера в Тулмозере²⁴⁰, на земле, арендованной у крестьян великим князем Петром Николаевичем на срок 99 лет. Причем сообщалось, что иностранные капиталисты стремятся захватить это дело в свои руки, но великий князь предусмотрел таковой возможный захват и обусловил договором с банком, что пайщиками в этом деле должны быть только русские. И разными слухами стремились создать на Бирже среди избранных ими денежных людей гущенную атмосферу ажиотажа, пользуясь и весьма благоприятным временем для этого.

В конце июня ко мне зашел Н.А. Найденов и сообщил: в Банке²⁴¹ скапливаются большие средства, разместить их выгодно в данный момент трудно, а потому приходится думать о помещении денежных средств в предприятия, могущих в будущем давать хорошую пользу. Между прочим он сказал: «Заходил ко мне В.А. Хлудов, которого вы знаете, и предложил совместно с ним войти пайщиком во вновь организованное Общество «Сталь». Хлудов с доктором Богушем, хорошим геологом, ездили в Тулмозеро и от всего видимого там пришли в восхищение. Хлудов уверяет, что как только в Обществе «Сталь» все будет пущено полным ходом, то цена паям поднимется чрезвычайно, но тогда, конечно, купить паи не представится возможным. Хлудов становится во главе дела, скупив все паи, и согласен уделить Банку паев только на три миллиона рублей. Василий Алексеевич, делая такое предложение мне, поставил непременным условием держать все это в большой тайне, из-за боязни, что если об этом пронюхает большая публика, то создастся сильная конкуренция и тогда купить паев этого общества не придется. На слова В.А. Хлудова можно положиться, зная его как умного, скупого и аккуратного человека, но ради порядка следовало бы все-таки осмотреть это дело, и я зашел к вам узнать, не согласитесь ли съездить туда. Если Общество «Сталь» действительно представляется тем, как описывает Хлудов, то по входе туда пайщиком Банка и вы за свои труды могли бы приобрести некоторую часть первого выпуска паев по сходной цене».

Я с радостью согласился на это предложение. Съездить и осмотреть новое нарождающееся дело было для меня очень интересно.

---

²³⁸ В третьей тетради воспоминаний после главы 31 имеется помета автора: «Главу 32-ю я не переписал в эту тетрадку, как она изложена в 35 страницах на отдельных листах, писанных на пишущей машинке, и особой переработки не требовала. Боясь, что листы могут быть потеряны, переписал в тетрадь VIII стр. 100».

²³⁹ С.Ю. Витте в своих воспоминаниях охарактеризовал А.Ю. Ротштейна как «замечательно даровитого финансиста-банкира, честного и умного человека, но довольно нахального и мало симпатичного в обращении» (*Bumme С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 235).

²⁴⁰ Имение великого князя Петра Николаевича Тулмозеро (Тулумозеро) находилось в Олонецком уезде Олонецкой губ. (ныне Сортавальский район в Карелии).

²⁴¹ Имеется в виду Московский Торговый банк, основанный Н.А. Найденовым.

Зашел к В.А. Хлудову в его контору, и с ним договорились встретиться в пять часов в ресторане «Славянский базар»²⁴², куда придут представители Международного банка, чтобы совместно выяснить о дне поездки и маршруте.

Придя в «Славянский базар», я уже застал Василия Алексеевича, сидящего за столиком. Был доволен, что, пока он один, мы могли бы вдвоем наедине поговорить подробнее о «Стали», но, к сожалению, мне это не удалось. Василий Алексеевич возводил свои глаза к небу, твердя только одно: «Поймите, близ столицы руда на земле, даже ее рыть не придется, а качество ее не хуже руды с горы Благодать на Урале. Если я получу только один пай, буду счастливейшим человеком!» В это время глаза его сверкали и вид у него был ненормального человека от жадности и боязни, что ему не достанется даже одного пая.

Его горячность и возбужденное настроение всецело перешли на меня, и я с нетерпением ожидал прихода представителей банка.

Вместо ожидаемых двух представителей Фейнберга и Волынского пришел только последний, как потом оказалось, к моему благополучию. Фейнберг был гораздо умнее Волынского и не допустил бы таких промахов, как сделал Волынский, зародивший у меня сомнение в этом деле.

Волынский – красивый молодой человек, получивший, как говорили, высшее образование в Петровской земледельческой академии, изящно одетый. Говорил он с большим апломбом и нахальством, часто противореча сам себе и не замечая этого. Что давало мне повод думать: я для него маленькая рыбка! Стесняться моим присутствием ему не приходилось. Из его болтовни я сделал вывод: есть что-то в деле «Стали» странное и недоговоренное. Так, когда Хлудов возводил свои глаза к небу и, бия себя в грудь, выкрикивал: «Только один пай! Дайте только один пай!» – Волынский с усмешечкой отвечал: «Да кто же вам даст купить? Один пай может сделать человека богатым! Неужели думаете, что банк не сумеет устроить так, чтобы все пай «Стали» ушли за границу?» – и т.д. Потом после длинных и несвязных своих разговоров, обращаясь к Василию Алексеевичу, говорит: «Дело следует устраивать скорее, а не посылать еще какие-то экспедиции, после того, как там были европейские знаменитости, обследовавшие и изучившие хорошо это дело».

На мое замечание: «Для чего же мне тогда ехать туда, раз не представляется возможность Торговому банку принять участие в этом деле?» – Волынский спохватился и сказал: «Через три дня Фейнберг и я едем туда по делу, в нашем распоряжении будет целый вагон, конечно, мы будем рады, если вы поедете и посмотрите это громадное дело. Мы предпочитаем совмещать полезное и приятное... не возбраняется с собой пригласить и дам, и скучный путь в вагоне можем провести с развлечением и весело» – и т.д.

Я постарался от него узнать точный маршрут и сказал: «По всей вероятности, мы так и поступим». Про себя же твердо решил никоим образом не ехать с этой компанией, а выехать на другой же день, не сообщив никому о своем выезде.

Из «Славянского базара» идя домой и переваривая все слышанное, я был смущен: как я поеду? Не имею ни малейшего понятия в руде, о способах ее обработки и других разных обстоятельствах этого сложного дела – не выльется ли результат этой поездки в простой пикник? Но если дело окажется уже не так хорошо, как рисует его Хлудов, то я в некотором роде поспособствую вовлечению Торгового банка в дело невыгодное. Мне пришла счастливая мысль съездить к профессору-геологу Виктору Дмитриевичу Мешаеву, у которого я когда-то слушал лекции, и пригласить его съездить со мною в Тулмозеро и осмотреть это дело, тогда я могу быть более спокойным и, по крайней мере, моя совесть будет чиста.

---

²⁴² «Славянский базар» – гостиница с рестораном в Москве на Никольской ул., д. 17. Открыта в 1872 г., после 1917 г. передана под государственные учреждения, ресторан вновь открыт в 1966 г.

К моему благополучию, я застал профессора дома. Рассказал о «Стали» все, что знал, и предложил ему поехать со мной, предупредив, что поедем с полным комфортом и без всякой затраты с его стороны, притом если дело окажется такое, как его описывают, то его не обойдут при распределении паев и дадут ему возможность принять участие в этом деле. К моей радости, профессор ехать согласился.

Я увидел по лицу В.Д. Мешаева, какое впечатление произвел на него мой рассказ о В.А. Хлудове, который при прощании со мной в «Славянском базаре» схватил меня за плечи, начал трясти и с безумными глазами кричал: «Да вы поймите: один пай, только один пай – и будешь миллионером!»

На другой день выехали в Тулмозеро с курьерским поездом через С.-Петербург, разместившись в двух больших смежных купе: в одном профессор и я, а в другом – А.А. Капустин и Т.И. Обухов, приглашенные мною в качестве опытных бухгалтеров на случай, если бы пришлось разбираться в отчетности. Да, как говорят, одна голова хороша, а уже четыре, понятно, еще лучше!

В Петербурге в нашем распоряжении был целый день, употребленный на осмотр минералогического музея, на приобретение нужных профессору книг, посещение известного профессора Горной академии Кулибина, к нашему сожалению, отсутствовавшего в Петербурге. Вечером выехали по Финляндской железной дороге до станции Сердоболь на Ладожском озере.

С раннего утра профессор принялся за чтение приобретенных книг, я же отправился гулять по вагонам. Ко многим пассажирам подсаживался, заводил с ними разговоры о Тулмозере и об Обществе «Сталь».

Беседы с местными обывателями меня еще более укрепили, что с Обществом «Сталь» нужно быть весьма осторожным. Один из опрошенных сказал с иронией: «Там создается большое дело, тратятся громадные деньги на строение, машины, дороги, шлют массу людей, хорошо оплачиваемых, а мы, местные жители, прожившие в этой местности всю жизнь, и не предполагали, что живем около таких богатств. Нужно сказать, и сейчас находимся под большим сомнением: не есть ли все это дело афера!» Другой мой собеседник сказал почти то же самое, что и первый. Заводил еще разговоры с несколькими, но результат расспросов был тот же: усмешки, качание головой, вздохи, удивление большим тратам, когда бы, по их мнению, все можно было сделать гораздо дешевле.

Прибывши в Сердоболь, профессор Мешаев предложил посетить местный завод, плавящий руду. Горный инженер этого завода показал и очень обстоятельно рассказал о залежах руды у них, но, когда начали расспрашивать о руде Тулмозера, инженер давал уклончивые ответы, и вообще из всех дальнейших с ним разговоров можно было заключить, что он что-то умалчивает, как бы стараясь соблюсти профессиональную этику относительно вновь народившегося соседа и конкурента. Такое впечатление создалось не у меня одного, но и у Мешаева.

При разговоре с Волынским в «Славянском базаре» выяснилось, что расстояние от Сердоболя до Тулмозера сорок верст – не больше! Имеется хорошее шоссе, и поездка на лошадях будет хорошей прогулкой. Волынский несколько раз с особым ударением указал, что сорокаверстное расстояние и есть преимущественное положение Общества «Сталь», дешево отражающееся на перевозе руды.

На какой-то из станций, не доезжая Сердоболя, послали телеграмму в Тулмозеро с просьбой выслать лошадей.

Рессорные экипажи ожидали нас на станции Сердоболь, и мы покатили. Садясь в экипаж, я посмотрел на часы, чтобы хотя временем езды определить более или менее точное расстояние из-за вкравшегося недоверия к словам Волынского.

Ехали долго, часы показывали, что проехали более сорока верст. Кучера стали настаивать на остановке: «Лошади измучены, их нужно накормить и дать отдохнуть, да и нам бы следовало тоже...»

Дорогой расспрашивали кучеров, сколько верст они считают до Тулмозера. Они отвечали: «Сорок, не больше!» Но когда часы показали, что расстояние это проехали, мы прижали кучеров. Они, сконфуженные, отвечали: «Кто их там знает? Нам сказали сорок, и мы говорим то же, живем здесь недавно, на нас не обижайтесь, мы подневольные». Видно было, что их отлично инструктировали и они в точности исполняют приказание.

Наконец приехали в Тулмозеро, и часы нам показали, что проехали не менее 80 верст, а потом по наведенным точным справкам выяснилось: расстояние между Сердоболем и Тулмозером 92 версты.

Приехали поздно вечером, наскоро поели и довольно уставшие от длинного пути отправились спать, предварительно уговорившись с главным инженером Лунгренем завтра утром приготовить лошадей для поездки на место залежей руды, по уверению их, отстоящих не далее десяти верст от дома.

При восхитительной погоде летнего утра в 8 часов мы садились в экипажи ехать осматривать местонахождение руды. Проехавши более двух часов, издали увидели какие-то отроги невысоких гор, издававших на солнце особый блеск. Нам сказали, что это-то и есть то, к чему мы стремились.

Руда выходила из земли шестью или семью отрогами и довольно далеко тянулась вдаль. Остановили экипажи и бросились бегом осматривать чудеса природы, сулящие громадные богатства всем счастливицам, роком предназначенным быть пайщиками Общества «Сталь».

Зрелище было поражающее – не нужно быть геологом, чтобы оценить громадную стоимость этих залежей руды. Снять только выступы над землей, то и тогда денег не оберешься.

Отроги тянулись, как я уже говорил, на довольно большое расстояние, и около них лежала в правильно выложенных кубических саженках отбитая блестящая руда. Профессор Мешаев на глаз определил ее качество и сказал, что в ней будет не менее 50% железа, но придется взять в лабораторию, и тогда с точностью можно установить процентное количество железа.

Карабкаясь по этим отрогам и вычисляя приблизительно их кубический объем и переводя на пуды, захлебывались от волнения: близ столицы и такое громадное богатство! Правда, прав был В.А. Хлудов, говоря: «Владелец одного пая может сделаться миллионером!»

Было около 12 часов дня, пора ехать домой, желудки требовали топлива. Радостные, взволнованные всем видимым, собрались группами, тронулись в путь к экипажам, с восхищением делясь впечатлениями.

К большому нашему удивлению, видим мчащуюся к нам тройку, сидящие там махали шапками и что-то кричали. Какое же мое было удивление, когда в одном из махавших и особенно кричавших я узнал Волынского. Что хотите, но видеть здесь его, должного выехать сюда из Москвы через два дня, сейчас здесь! Выезд наш обставлен был секретно, знал о нем один Н.А. Найденов, понятно, он не стал бы рассказывать ради своих же интересов кому-либо об этом. Да, это был большой трюк!

Выскочивший из экипажа Волынский прежде всего начал пенять на меня за мой секретный отъезд из Москвы, и тем я лишил его удовольствия с ним прокатиться и приятно провести время, а пришлось ехать одному и скучать. Причем сообщил приятную новость: «Зная, что вы проголодаетесь, захватил с собой поесть и попить. Здесь, на лоне природы, мы отлично позавтракаем и одновременно полюбуемся на чудные отроги руды». Против этого возражать никто не стал, а с радостью все согласились.

Приехавшие с ним лакеи быстро расстелили ковры, мы большим кругом на них засели. Моментально середка круга была обставлена батареями бутылок с разными винами и в большом количестве и разнообразии превосходными закусками. Начался пир и веселье. Сначала велись разговоры о руде, о тех богатствах, какие она может дать, но вскоре поданное шампанское развязало всем языки; начались тосты и разные пожелания, потом перешли на веселые воспоминания и анекдоты, на каковые были большие мастера Волынский и Обухов; и мы неза-

метно просидели несколько часов. Ко мне пододвинулся профессор и сказал: «Поедьте-ка лучше домой, мне сильно надоел Волынский, он напоминает мне “волынку”».

Уже во время веселого завтрака я решил разместиться в экипажах так: Мешаев с главным инженером, себе облюбовал скромного, умного, симпатичного инженера-лесничего, с которым во время завтрака вел разговор, сообщившего, что в Тулмозере он был первым пионером, а Волынского поместил с Обуховым, очень схожих по характеру и по любви к скабрёзным анекдотам. Такое размещение в экипажах состоялось, несмотря на желание Волынского ехать со мной. Мною своевременно предупрежденный Обухов уцепился за него и убедил Волынского сесть с ним, обещаясь рассказать такой анекдот, который он еще никогда не слышал.

Благодарю providение, давшее мне возможность выбрать в мои спутники милого инженера-лесника, к сожалению, фамилию его забыл. Его рассказ о возникновении и создании дела «Сталь» ясно обрисовал всю картину этого возмутительного дела, с горьким последствием для многих, а для некоторых означавшего потерю всего состояния и от этого преждевременную смерть. Его правдивая душа возмущалась проделками сильных мира сего.

У великого князя Петра Николаевича на берегу Ладожского озера было большое лесное имение, куда инженер-лесничий поступил на службу в качестве заведующего по лесной разработке. Управляющий этим имением был большой любитель охоты, благодаря чему он и забрел в Тулмозеро и попал как раз на эти отроги руды, с лежащими около них кучами отбитой руды. Поинтересовался узнать от крестьян, откуда эта лежащая в кучах руда. Крестьяне ему рассказали: студент Горной академии Нобель некогда арендовал у них отроги гор с рудой и смежную землю, но без права производства на этой земле покоса и посева злаков, за 100 рублей в год. Проработал Нобель несколько лет, аккуратно уплачивал условленную плату.

Крестьянам показалось, что он платит мало, и при окончании аренды они назначили 300 рублей в год, предполагая, что Нобель согласится на эту прибавку. Он отказался прибавить, оставил руду, которую не успел к сроку окончания договора вывезти, в пользу крестьян – вот эта-то руда и лежит до сего времени. Крестьяне потом очень сожалели, что так легкомысленно поступили и тем лишились 100 рублей ежегодного дохода.

Управляющий князя захватил с собой куски руды и отвез в Петербург и отдал в лабораторию исследовать ее. Лаборатория дала отзыв о превосходном качестве руды, подходящей по качеству к руде с горы Благодать на Урале.

После чего управляющий побывал опять в Тулмозере и предложил крестьянам передать эту аренду на тех же условиях, как Нобелю, но со сроком на 12 лет и с платою им по 300 рублей в год аренды. Крестьяне были довольны таким предложением, и аренда состоялась. Получив постановление схода крестьян, управляющий отправился в Петербург к великому князю Петру Николаевичу, которому и доложил о громадных богатствах в Тулмозере, показал ему образцы руды, полученный из лаборатории анализ и заключенное им соглашение с крестьянами на аренду этой земли. Великий князь чрезвычайно заинтересовался этим делом, но рассказывающему леснику не было известно, на каких условиях великому князю управляющим были переданы договор с крестьянами и анализ руды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.